

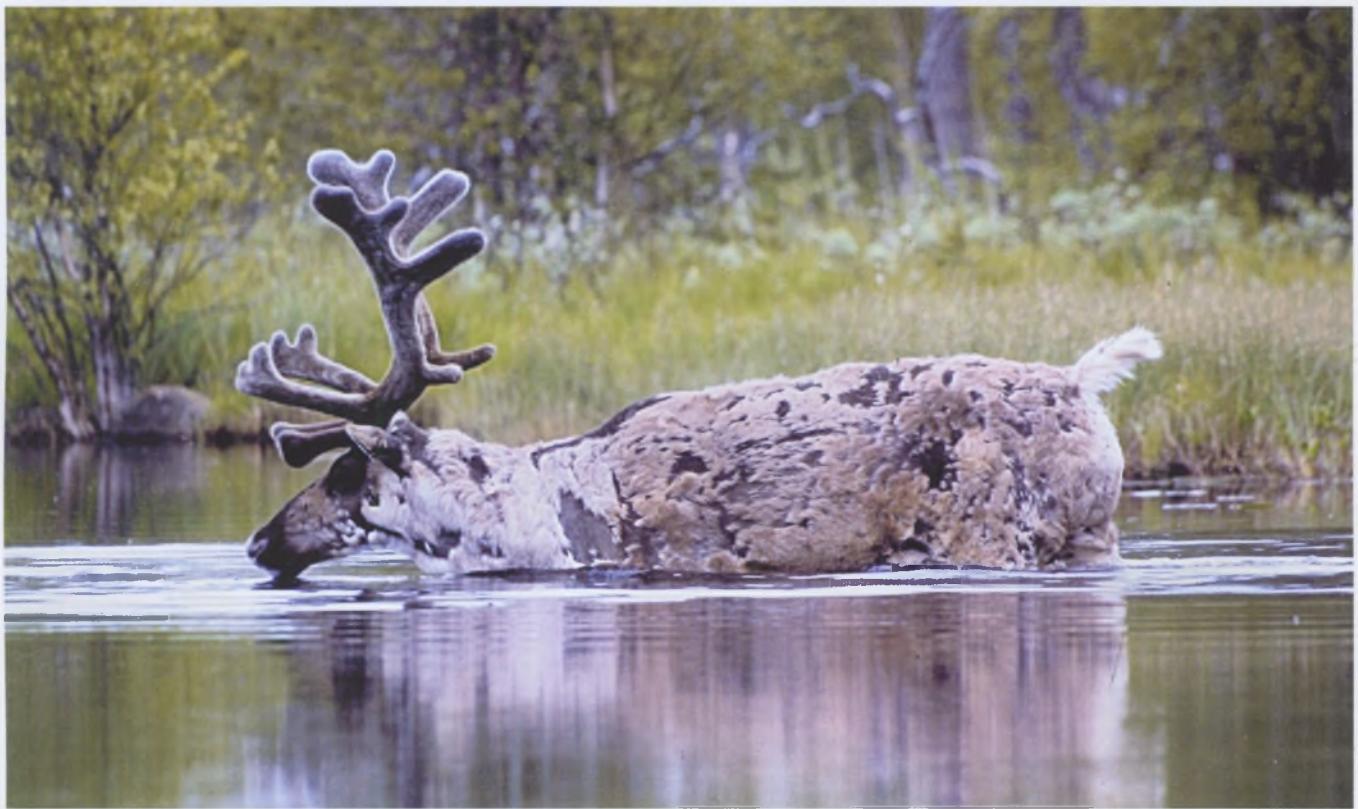
oxoma

и охотничье хозяйство

6

2011

Гималайский медведь в беде

С. КОЛЧИН

Цивилизованное развитие человеческого общества, казалось бы, должно сопровождаться всё более бережным и тщательно продуманным отношением к природе — среде обитания самого человека, с которой его существование и сегодня связано неразрывно. Однако на деле стратегии использования естественных ресурсов часто не соответствуют не только уровню научных достижений, но и вообще всякой логике и здравому смыслу. Не предаваясь описанию большой беды, нависшей над нашей страной, связанной с уничтожением её природных богатств, я коснусь лишь её ничтожной части — сохранения в фауне России замечательного животного.

Гималайский медведь — выходец из юго-восточной Азии, в нашей стране является эндемичным видом южной части Дальнего Востока. Не удивительно, что на геральдике Хабаровского края он по праву занимает почётное место. Как типичный представитель фауны кедрово-широколиственных лесов, именуемых в популярной литературе уссурийской тайгой, гималайский медведь не может существовать за её пределами. Это великолепный древолаз. На деревьях он находит пищу и защиту при встречах с тигром и бурым медведем, а в дуплах крупных стволов устраивает берлоги. Интенсивное развитие лесозаготовок в кедрово-широколиственных лесах, начавшееся в середине прошедшего столетия, повлекло за собой стремительное сокращение местообитаний этого вида и поставило под угрозу само его существование. По этим причинам в 1976 г. гималайский медведь был внесён в число видов Красных Книг СССР и РСФСР. А в начале 90-х гг. в использовании природных ресурсов нашей страны наступил новый этап — этап вседозволенности и безнаказанности. Между Дальневосточным регионом и соседним Китаем начинает развиваться нелегаль-

ная торговля с высоким спросом на медвежьи дериваты. У охотников появился стимул к круглогодичному преследованию медведей, тем более что контроль со стороны природоохранных ведомств фактически отсутствует. В 1997 г., на фоне происходящих событий совершается не иначе как нелепый шаг: без каких-либо специальных обследований и обоснований гималайского медведя выводят из Красной Книги и открывают на него ещё и официальную охоту. Никаких новых данных о состоянии его популяции при этом не приводится. Уничтожение среды обитания набирает новые обороты: основной объём древесины вырубается нелегально и поставляется в КНР в виде круглого леса. Под видом рубок ухода, и летом и зимой, пилят кедр, ведётся промышленная заготовка дуба и липы — тех пород деревьев, которые обеспечивают медведя пищей и убежищами.

Гималайского медведя можно назвать одним из самых уязвимых животных наших лесах. Его специализация к древолазанию, проявляющаяся как в частом питании в кронах с громким обламыванием ветвей с плодами, так и в спасении на деревьях от тигра и бурого медведя, способствует исключительно высокой результативности охоты. Дело в том, что приближение человека, как и любого крупного животного, медведь нередко расценивает как возможную опасность и немедленно влезает на дерево для выяснения дальнейшей обстановки. Медведь на дереве — лёгкая мишень для охотника. Браконьер, специализирующийся на добыче медведей, в период их питания в кронах черёмух и дубов за один день может уничтожить 3—4 зверя. Результативность такого промысла резко повышается, когда из-за недостатка кормов на больших площадях медведи образуют временные скопления на участках с локальными урожаями. Мне известен факт, когда в 2005 г. в Дальнереченском районе Приморского края два охотника-браконьера за неделю убили 31 медведя, из которых брали только лапы и желчь. В тот год отмечался аномально низкий урожай нажирировочных кормов на огромной территории и медведи сконцентрировались на участке, где уродил дуб. Аналогичные масштабы в голодные годы принимает отстрел медведей на пасе-

ках. В обычный же год добыча 2—3 медведей — норма для большинства пчеловодов. Они заинтересованы в получении материальной выгоды от добычи медведей и намеренно не препятствуют их выходам на пасеки.

Достоверных данных о численности гималайского медведя нет. Большая часть особей в популяции активна до периода установления устойчивого снежного покрова. В разные годы в одном и том же месте сроки залегания и выхода из берлог, как и плотность населения зверей поздней осенью и зимой, неодинаковы. При проведении учётных работ выявление относительно достоверной картины численности возможно в случае обильных урожаев кедра или дуба при условии выпадения ранних порош. Но эта возможность, выпадающая на достаточно кратковременный период, доступна только для территорий небольших хозяйств, что, тем не менее, требует значительных трудозатрат и материальных вложений.

В дополнение к браконьерским отстрелам официальная охота играет не менее негативную роль. К сожалению, гималайского медведя в России эта беда не обошла стороной. Действующие на сегодняшний день правила охоты не только губительны для зверей — они создают морально приемлемый (привычный) фон для всех, материально заинтересованных в отстреле медведей, лиц и подрастающего поколения. Например, в Хабаровском крае официальная охота на гималайского медведя продолжается в течение полугода! — с 20 августа до конца февраля. Такие необъятные сроки оказываются на руку не только охотникам за медведями: получивший лицензию имеет возможность находиться с оружием в лесу и летом и зимой безбоязненно.

В данной статье я акцентирую особое внимание именно охоте на берлогах. Я не теряю надежды, что эта проблема не оставит равнодушными потенциальных охотников за трофеями и чиновников, от которых во многом зависит её возможное положительное решение. Сейчас губительные последствия зимнего промысла, так же как и его этические и гуманные стороны, продолжают игнорировать как государственный аппарат природопользования, так и местное население.

Чтобы у читателя не возникло мне-

охота

и охотничьи хозяйства

6

2011

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала.
Союз охотников и рыболовов РФ

*Основан в октябре 1955 г.

© «Охота и охотничьи хозяйства»

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Гималайский медведь — великолепный древолаз

Фото С. Колчина

ния о моей некомпетентности и голословности, сообщаю, что уже восемь лет я изучаю экологию и поведение гималайского медведя на Сихотэ-Алине. Последние два года мне и моей супруге посчастливилось жить бок о бок с тремя медвежатами-сиротами, попавшими к нам после охоты браконьеров на берлогах. Изучая формирование поведения медвежат в естественной среде и одновременно подготавливая их к самостоятельной жизни, мы использовали методы, разработанные известным зоологом В.С. Пажетновым для детёнышей бурого медведя. Наши приёмные «дети» оказались удивительно обаятельными, умными, грациозными и отважными существами, с ярко выраженной индивидуальностью. В возрасте 1,5 лет их удалось благополучно вернуть в природу. Вот только дальнейшая судьба этих медвежат, как и судьба всех гималайских медведей, вызывает тревожные чувства. Я не отошусь к категории «зелёных», понимаю и принимаю охоту как промысел, спорт и общение с природой. И я вовсе не хочу навязывать охотникам свою личную симпатию к этому зверю, да и дело даже совсем не в этом. Я хочу только лишь того, чтобы охота была разумной, цивилизованной, а не превращалась в барские забавы с варварскими последствиями для животных. Как специалисту мне приходилось присутствовать во время охот на берлогах. На душе после этого всегда оставались омерзительный осадок и личное чувство вины перед обречённым зверем за свою беспомощность что-то изменить в его судьбе. Я уверен, что если бы охотники могли увидеть то, что видели мы, наблюдая за жизнью медвежат в лесу, им бы никогда не захотелось охотиться на медведей подобным образом. Этого зверя действительно есть за что уважать, любить и берегать. Именно берегать, потому

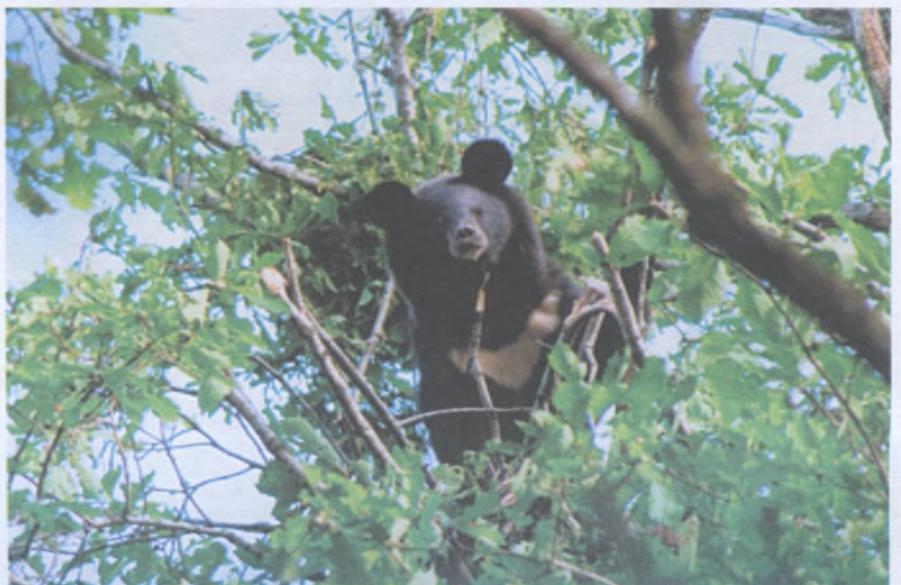
что перспектива его дальнейшего существования и без того безрадостная.

Гималайский медведь, как экзотический трофей, привлекает в наш регион многочисленных охотников. Охота на берлоге — один из наиболее лёгких способов добычи, сводящийся к поиску и проверке потенциально пригодных для устройства убежищ деревьев. Наибольшую популярность она завоевала у состоятельных охотников из западных регионов России и в меньшей степени (по этическим соображениям) у охотников из-за рубежа.

Данный факт отразился в специализации отдельных охотхозяйств, турфирм и даже частных лиц в проведении туров по отстреле в берлогах именно гималайского медведя. Зачастую

охота на медведя с подхода в осенний период недоступна большинству представителей охотничьей элиты, так как требует серьёзной физической подготовки к передвижению по горной местности, выносливости и определённой смелости. А вот убийство спящего медведя в берлоге — лёгкая, гарантированная, а главное, безопасная возможность заполучить трофей. Самое главное заключается в доставке заказчика к дереву с дуплом. Насколько это возможно расстояние сокращают на снегоходе, затем тщательно протаптывают охотнику тропу. Семь потов сойдёт с него, прежде чем он прошагает километр по лесу. Таким «героям» егери нередко несут оружие и даже укатывают снегоходами площадки у самой берлоги, чтобы ненароком не свалился в сугроб в самый ответственный момент. Остальное — дело техники. Медведь спит внутри дерева и уже нигде не днется — страшно вылезать на собственную погибель. Действительно, большинство медведей проявляют невероятное упрямство и ни в какую не желают покидать убежище. Удары по стволу палкой, крики и выстрелы в дерево не приводят к успеху.

Вот тогда-то и наступает «дело техники». Если дерево прогнило до самой земли, на уровне лёжки топором, а чаще бензопилой, делают небольшое отверстие, через которое медведь поднимают колом. Некоторые звери при этом успеют выбраться из дупла и достойно принимают смерть. Более пугливые и осторожные медведи упорно отсиживаются внутри — таких убивают прямо в дупле. Остаётся расширить отверстие и вытащить труп. А вот если лёжка находится высоко, то дерево и вовсе спиливают целиком! Нередко вход в берлогу располагается в самых корнях дерева. Наиболее старательные медведи, сохранив тепло, тща-

Питается этот древесный медведь в кронах деревьев — ягодами, желудями, орехами
Фото С. Колчина

тельно и плотно закрывают его соскобленными изнутри дерева гнилушками и землём. Такие звери при осаде берлоги вообще оказываются в ловушке. Не имея возможности быстро выбраться из берлоги, медведь испуганно мечется внутри, пока пуля сквозь стенку дерева не сразит его наповал, что редко происходит с первого выстрела.

Иногда медведь не успеет показать из дупла и головы, как охотник делает поспешные выстрелы и мёртвый зверь падает обратно на дно дупла. Всё, охота окончена! В приёмы изгнания медведя наружу входит и поджигание дерева. Фактически в 100 % случаях после охоты на берлоге, убежище становится непригодным для последующего использования. Причина не обязательно должна заключаться в его разрушении. Медведи проявляют повышенную осторожность не только к повреждённым берлогам, но и к берлогам со следами крови или «запахом потервоженного медведя», который, вероятно, сохраняется многие годы и сигнализирует об опасности. А рости липе или кедру до той поры, пока они смогут стать потенциальной берлогой, надо не одну сотню лет. Поэтому в последние годы и участились случаи находок медведей, спящих в наземных гнёздах из наломанных ветвей. В таких убежищах они и вовсе оказываются уязвимыми не только для охотников, но и для тигра, и покидают гнёзда среди зимы при малейшем беспокойстве. Всем охотникам хорошо известен прописанный в правилах охоты запрет на разорение и разрушение выводковых нор, убежищ и гнёзд. Таким образом, зимняя охота на гималайского медведя по своей сути заведомо является браконьерской. Грунтовых берлог, подобно бурому медведю, они никогда не устраивают — не предусмотрено это в их инстинктивной «программе». Справедливости ради следует сказать, что охота на бурого медведя на Сихотэ-

Алине не пользуется спросом среди заезжих охотников. Гораздо проще добыть трофей на той же Камчатке или севере Хабаровского края. На Сихотэ-Алине бурые медведи зимуют в труднодоступных высокогорных районах, куда местные браконьеры захаживают редко.

Официальные сроки охоты охватывают значительный период пребывания гималайского медведя в берлоге — с ноября до конца февраля. В самые лютые новогодние морозы медведицы приносят потомство. При отстреле медведей в берлогах избирательность по половому и возрастному признакам отсутствует, и жертвами охотников часто становятся взрослые самки, как беременные, так и имеющие детёныш. Проблема медвежат-сирот остро стоит на Дальнем Востоке, где каждую весну только по официальным данным на руках у населения появляется не менее 30—40 детёныш гималайского медведя. В конечном итоге судьба их предопределена — часть медвежат гибнет от неумелого содержания, часть убивают специально, часть попадает на нелегальный рынок в КНР. После одной трофеиной охоты, осчастливившей гражданина Финляндии, нам с другом в срочном порядке пришлось отлавливать годовалого медвежонка, оказавшегося среди зимы на улице. Детёныш был физически не в состоянии передвигаться по глубокому снегу и спал около пропиленной берлоги прямо на снегу при 30°-ном морозе. Медвежонка не без труда поймали и организовали ему передержку до весны, о чём охотник даже не подозревал, да и никогда ему было — он в это время добывал очередного медведя. Но если годовалый медвежонок, благополучно переживший зиму, имеет достаточно высокие шансы выжить самостоятельно, то судьба новорожденных медвежат куда более печальна.

Теперь можно экстраполировать по-

следствия охоты на берлоге на территории, где зимний промысел ведётся наиболее интенсивно. Это территории как отдельных охотничьих хозяйств, специализирующихся на данном виде охоты, так и окрестности населённых пунктов, где промыслом медведей занимаются сельские жители. В обоих случаях имеет место личная заинтересованность узаконенных охотпользователей и охотников-браконьеров в про-даже как можно большего количества медведей и их органов. Фактически и те, и другие убивают и продают всех найденных медведей. Количество медведей, зимующих на определённой территории, из года в год далеко непостоянно, что связано с различной обеспеченностью наживоочными кормами, порождающей миграции и зимние концентрации (или отсутствие) зверей на локальных территориях. Концентрации медведей создают мнимые предпосылки к многократному завышению реальной численности и её экстраполяции на сопредельные территории. Отсутствие систематической охраны угодий органами охотничьего надзора фактически исключает возможность поимки браконьера в лесу с убитым медведем. Так, за 5 лет своего существования Служба по охране животного мира и ООПТ Хабаровского края не вскрыла ни одного факта незаконной добычи гималайского медведя. В то же время о размерах отстрелов медведей в нашем регионе красноречиво свидетельствуют систематические пресечения попыток вывоза в Китай крупных партий медвежьих лап. Цифры: 400—800 лап поистине впечатляют!

Даже в достаточно организованных охотхозяйствах отсутствие контроля ведёт к тому, что количество официально выданных разрешений (лицензий) на отстрел медведей не соответствует истинным масштабам охоты. В лучшем случае при изъятии сверх разрешённой нормы закрываются лицензии на буро-

Если лежка находится на уровне земли, топором или бензопилой делают в стволе дерева отверстие, через которое медведя поднимают колом

Если лежка находится высоко, то дерево и вовсе спиливают целиком

Осиrotевшие медвежата

Фото С. Колчина

картина. Например, на территории одного из охотничьих хозяйств в южной части Хабаровского края, куда было выдано 6 лицензий на отстрел медведя, только на фотографиях присутствует не менее 10 убитых зверей. Стало известно, что организатор этих охот впоследствии судорожно пытался найти среди знакомых охотпользователей отрывные талоны от лицензий, необходимые для вывоза трофеев. К слову, многие охотники вывозят свои трофеи вообще без всяких документов, годятся для этого и отрывные талоны от лицензий, выданных в предшествующие годы. Известны факты, когда по «личным» каналам, минуя необходимость оформления всевозможных документов, в западные регионы нашей страны переправляли не только шкуры медведей, но и осиротевших медвежат.

Таким образом, даже внешне вполне законная охота по своей сути является злостным браконьерством. Его последствия для территорий, где практикуется промысел медведей на берлогах, развиваются по двум взаимообусловленным направлениям: быстрое сокращение количества берлог и неизбежное физическое уничтожение самой территориальной группировки.

Призыв о недопустимости зимнего промысла гималайского медведя среди специалистов-зоологов и охотников Дальнего Востока раздаётся уже не одно десятилетие. В частности, в 2006 г. в резолюции Седьмого съезда специалистов, изучающих медведей России (Центрально-лесной заповедник), он был поддержан общим мнением аудитории.

го медведя, либо лицензии, выписанные в совершенно другие районы, что является своеобразным успокоением для самого охотника и возможностью законной вывозки трофея, в худшем — на одну лицензию приходится 2—3 и более убитых медведя. Добыв один трофеи, охотник приходит в азарт и готов платить деньги за следующую берлогу снова и снова, что только на руку организатору охоты. На сайте одной из охотничьих фирм озвучивается реальная стоимость такой охоты — 6,5 тыс. евро. Такие деньги покрывают все этические соображения любого, даже самого законопослушного охотпользователя, который, нисколько не колеблясь, пойдёт на любое превышение установленного ему лимита.

В сети Интернет сегодня размеще-

ны десятки предложений организации трофеиной охоты на берлоге на гималайского медведя. Чтобы не делать этим фирмам рекламу (антирекламу) мы воздержимся от упоминания их названий. О популярности этой охоты свидетельствуют многочисленные фотографии окровавленных трупов взрослых медведей и медвежат, разрушенных убежищ, счастливых обладателей трофеев и организаторов охот. Только на первый взгляд может показаться, что ничего зазорного в такой охоте быть не может, поскольку она проводится на законных основаниях. Однако внимательному человеку, проанализировавшему фотографии и сопоставившему даты отстрела медведей с частотой присутствия отдельных (всем известных) лиц, откроется совсем иная

Юридическая консультация

На поступившие в редакцию журнала письма читателей с вопросами по законодательству отвечает почетный работник Прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции Н. АСТАФЬЕВ

Охотник из Красноярского края И.Г. Славин пишет, что имеет в личной собственности карабин «Сайга – 03». Сам – мастер-самоучка и может сделать ложку к любому гладкоствольному ружью и карабину лучше заводской, более прикладистой. Он решил смастерить ложку и для своего карабина, но друзья сказали, что если он это сделает, то милиция может у него карабин изъять. Имеет ли право милиция в таких случаях изымать оружие?

Охотники старшего поколения помнят то время, когда оружие в милиции не учтывалось. Изготовить в то время ружейному мастеру-самоучке ложу и сделать ружье более прикладистым для охотника проблем не составляло. Таких мастеров все местные охотники знали, уважали. Те времена прошли. Теперь в соответствии с Федеральным законом «Об оружии» (далее Закон) производить огнестрельное оружие, основные части к нему, его ремонт, патроны к оружию могут только юридические лица, имеющие на это лицензию (ст. 16 Закона), но снаряжать патроны для личного использования к охотничьему огнестрельному гладкоствольному оружию могут и их владельцы, если у них имеется разрешение на его хранение и ношение.

В Правилах оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 (далее Правила), положения Закона конкретизированы. В частности, дается перечень деятельности, которая может осуществляться юридическими лицами, в том числе: создание основных частей огнестрельного оружия или составных частей патронов (гильз, капсюлей, пороха, пуль, дроби и картечи); ремонт оружия, в том числе приведение его в рабочее состояние путем устранения неисправностей деталей или их замены; художественная отделка без внесения конструктивных изменений в его основные части и с сохранением технических и криминалистических характеристик. При этом могут применяться драгоценные металлы, драгоценные и полудрагоценные камни, а также материалы и технологии, не являющиеся необходимыми при изготовлении конкретных моделей; восстановление внешнего вида и элементов художественной отделки.

В соответствии с Правилами, технически непригодное для эксплуатации, самодельное или переделанное оружие изымается органами внутренних дел и уничтожается.

Инструкция по организации работы ОВД по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Фе-

дерации, утвержденная приказом МВД РФ от 12 апреля 1999 г. № 288 (далее Инструкция), тоже предоставляет право ОВД изымать оружие: самодельное или переделанное гражданское или служебное с измененными баллистическими и другими техническими характеристиками (ст. 92.2.).

Ко всем этим требованиям нормативных правовых актов надо добавить, что Уголовным кодексом РФ предусмотрена уголовная ответственность за незаконное приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение огнестрельного оружия, его основных частей (за исключением гражданского гладкоствольного, его основных частей и боеприпасов к нему, ст. 222), а также – за незаконное изготовление или ремонт огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, что относится и к гражданскому гладкоствольному оружию (ст. 223).

Чтобы разобраться в этих нормативных правовых актах и принять правильное решение о том, какой ремонт своего ружья может сделать сам владелец, а с какими неисправностями надо обратиться в ружейную мастерскую, чтобы не отвечать по уголовному закону, надо еще руководствоваться решениями Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» и внесенными в него изменениями решениями Пленума от 6 февраля 2007 г. Верховный Суд РФ разъяснил, что под основными частями огнестрельного оружия следует понимать ствол, затвор, барабан, рамку, ствольную коробку, ударно-спусковой и запирающий механизмы. Под комплектующими деталями следует понимать как основные части, так и иные детали, конструктивно предназначенные обеспечивать нормальное функционирование конкретного образца огнестрельного оружия (станины, прицели и т.п.). Под незаконным изготовлением огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему понимается их создание без полученной в установленном порядке лицензии или восстановление утраченных поражающих свойств.

Из приведенных нормативных правовых актов видно, что ложка относится к комплектующим деталям огнестрельного оружия и изготавливать ее охотнику самому не следует. За это он может понести уголовную ответственность, а оружие будет изъято.

Охотник из Хабаровского края В.Н. Саенко просит разъяснить порядок ввоза охотничьего гладкоствольного и нарезного оружия из-за рубежа и какое его количество можно ввезти?

В соответствии с Законом, ввозить в РФ единичные экземпляры охотничьего и некоторых других видов оружия можно с разрешения органов внутренних дел (ст.17). Правила и Инструкция уточняют порядок ввоза. Приобретенное оружие, в том числе полученное в дар по наследству или в качестве награды, ввозится после проведения его сертификации органами, которые аккредитованы Министерством промышленности и торговли РФ по согласованию с МВД РФ (ст. 84 Правил). Без сертификации может ввозиться оружие, которое имеет сертификат соответствия, а также предназначенные для коллекционирования или экспонирования при предъявлении лицензии на коллекционирование или экспонирование, а также временно ввозимое физическими лицами в целях охоты и в некоторых других случаях (ст. 85 Правил).

Для ввоза оружия следует обратиться в органы внутренних дел с заявлением по соответствующей форме и получить разрешение. Выдача разрешений на ввоз сертифицированного оружия или отказ в его выдаче производится в таком же порядке, как и при выдаче лицензии и разрешения (ст. 58 Инструкции).

Оружие, купленное за пределами России, за исключением приобретенного в целях коллекционирования, ставится на учет в ОВД при предъявлении заявления, дубликата разрешения на его ввоз с отметкой таможенного органа и сертификата соответствия (ст. 33 Инструкции).

Общее количество приобретаемого оружия с нарезным стволом не должно превышать 5 единиц, гладкоствольного длинноствольного – тоже 5 единиц, за исключением случаев, когда оружие является объектом коллекционирования (ст. 13 Закона).

При ввозе оружия из-за рубежа надо иметь в виду, что Россия, Белоруссия и Казахстан сформировали Таможенный союз с единой таможенной территорией. Между этими государствами действует Соглашение о правилах лицензирования в сфере внешней торговли товарами от 9 июня 2009 г. и Соглашение о порядке применения мер, затрагивающих внешнюю торговлю товарами на единой таможенной территории в отношении третьих стран от 9 июня 2009 г. На основании этих Соглашений разработано Положение о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза гражданского и служебного оружия, его основных частей и патронов к нему.

Для граждан России порядок ввоза оружия из-за рубежа с образованием Таможенного союза не изменился.

У птиц тоже случаются несчастья. У сизой чайки не было ног. То ли от рождения, то ли случилось что — не понятно.

По вечерам, уже в сумерках, чайки прилетают в поселок, на участки, где недавно скошена трава. Там удобнее ловить червяков-выползков, не то, что среди буйной травы середины лета. Небольшими группами птицы кочуют по садам и огородам, хватают и вытягивают из земли добычу. Одна из чаек неуклюже передвигалась по земле, отталкивалась крыльями. При тревоге ловко взлетала, не отставала от других.

Неподалеку от поселка, на старом торфяном карьере их гнездовая колония. Там узнал эту чайку, когда фотографировал птиц в полете. В воздухе она такая же ловкая, как и другие. Похоже, совсем не чувствует себя ущербной. Атаковала меня, то ли за компанию со всеми, то ли у нее тоже было свое гнездо.

Для сравнения сфотографировал и здоровую чайку, чтобы показать, как она держит в полете лапы.

Чайка без ног

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ. Фото автора

Соколов-Микитов: маршруты путешествий и охотничьи тропы

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук, Институт Наследия

Иван Сергеевич Соколов-Микитов

Имя русского писателя Ивана Сергеевича Соколова-Микитова (1892—1975) сейчас уже порядком подзабыто, хотя его перу принадлежат циклы очерков и рассказов о неизуердных путешествиях по России и об охоте. Произведения Соколова-Микитова о природе и странствиях с ружьем по лесам и пустошам — это настоящие литературные жемчужины. Написанные в доступной и для взрослых, и для детей манере, «человеческим» языком, а это, я думаю, одно из главных достоинств писателя, в своё время создали известность и славу Ивану Сергеевичу, творчество которого стало заметным явлением в отечественной литературе первой половины XX в. И.С. Соколов-Микитов принадлежал к славному племени русских писателей-путешественников, в 1920-х—1930-х гг. объездивших пол-Европы и многие регионы нашей страны. Ему посчастливилось посетить такие места, где за всю историю их известности не удавалось побывать ни другим путешественникам, ни другим мастерам пера.

Иван Сергеевич Соколов-Микитов родился в урочище Осеки Калужской губернии в семье приказчика купца-лесоторговца. Детство и ранняя юность писателя прошли на Смоленщине, в самом центре России, среди сказочных «берен-

деевых» лесов. В 18 лет он, что называется, вышел «в люди». Сначала (1910 г.) были сельскохозяйственные курсы в Петербурге, а чуть раньше, до отъезда в столицу, Иван Сергеевич вдруг увлёкся авиацией, ею тогда «болели» многие, да так серьёзно, что соорудил своими силами планер и совершил на нём самостоятельные полёты.

1911—1914 гг. — своего рода веха в жизни будущего известного писателя. В Петербурге, где в то время сосредотачивалась вся техническая, культурная и научная жизнь России, Соколов-Микитов знакомится с летчиком Г.В. Алексеевичем, путешественником и натуралистом З.Ф. Сватошем, участником русской экспедиции на Шпицберген в 1912 г., писателями А.И. Куприным и М.М. Пришвирным. Вот когда началось постижение Соколовым-Микитовым мира, поиск сюжетов для будущих рассказов и книг. Беседы со Сватошем, рассказывающим о странствиях среди арктических льдов и по северным морям, со знаменитыми писателями Куприным и Пришвирным о русском языке и литературе подвигли Ивана Сергеевича уже в начале жизни резко изменить её течение. Под влиянием общения с этими яркими личностями он начал писать: осенью 1911 г. появилось первое произведение — сказка «Соль земли», увидевшая свет в 1912 г. Эта сказка и первые рассказы Соколова-Микитова были замечены И.А. Бунином и А.И. Куприным.

Перед молодым человеком замаячили скрывающиеся в туманной дали неизвестные страны и загадочные континенты. Какие уж тут скучные сельскохозяйственные курсы, когда от причальных стенок балтийских портов в разные концы света уходят призывающие своими гудками пароходы. Причину этой юношеской страсти к приключениям, а ими всегда богато любое путешествие, мы находим в его воспоминаниях: «В молодости и зрелом возрасте так волновала всегда весна. Неудержимо тянуло странствовать. И так сильны казались весенние запахи, запахи пробуждавшейся земли. На реке шел лед — любимое русское зреище».

Именно по этим причинам в конце марта 1913 г. И.С. Соколов-Микитов уже матрос на посыльном судне каботажного плавания «Могучий» (порт приписки Ревель, ныне Таллинн); три месяца он проплавал по Балтийскому морю. А с начала июня по конец октября Иван Сергеевич в качестве ученика матроса торгового парохода «Меркурий» (порт приписки Петербург) бороздил воды Балтийского и Средиземного морей. На следующий год Соколов-Микитов оказался в Одессе и плавал матросом на торгово-пассажирском пароходе «Королева Ольга» по Чёрному и Средиземному морям. В июле он путешествовал по Старому Афону (Халкидонский полуостров, Греция).

Были в его биографии обучение в популярном в начале XX в. Московском городском университете имени А.Л. Шанявского, санитарные курсы Всероссийского земского союза, служба в санитарно-транспортном отряде на Северо-западном фронте, должности заведующего хозяйством Киевского отделения Земского союза, начальников передовых санитарных транспортов в г. Ровно и при 9-й кавалерийской дивизии в Галиции, многое другое.

Конец 1910 — середина 1920 гг. Соколов-Микитов снова увлечён морем. Теперь он матрос торгового судна, став им более по случаю, чем по желанию; ведь Иван Сергеевич бежал в Стамбул от «белых» из Киева. Два года работы матросом в эмиграции в Турции, Англии и Германии.

В 1922 г. Иван Сергеевич возвратился на Родину. Первые годы он обживался после пребывания за границей, знакомился с новым поколением отечественных писателей и публицистов, среди них был К.А. Федин, с которым у него началась многолетняя дружба и сотрудничество. Весной 1926 г. Соколова-Микитова навестил художник и путе-

шественник Н. В. Пинегин, с которым они не раз встречались в годину трудных испытаний в эмиграции. Начался новый этап в жизни писателя; он активно путешествовал по стране. Летом 1926 г. вместе с К.А. Фединым они отправились в плавание на лодке «Засупоня» по рекам Гордоте, Угре и Оке. Осенью Иван Сергеевич уже в Заонежье, а затем — на Кавказе. Через год неутомимый Соколов-Микитов в привычной для него роли мореплавателя покоряет Атлантику, не забывая ставшие мицами сердцу Средиземное и Черное моря; эти морские путешествия навеяны юношескими скиданиями за границей.

В эти же годы писатель участвует в нескольких эпохальных экспедициях в Арктику, ярко отметившись в отечественной летописи полярных путешествий. Тут, видимо, не обошлось без влияния З.Ф. Сватоша, ну и, конечно, рассказов художника и писателя Н.В. Пинегина, участника экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу в 1912—1913 гг.

Летом 1929 г. И.С. Соколов-Микитов участвует в экспедиции на ледоколе «Георгий Седов», возглавляемой О.Ю. Шмидтом; здесь он знакомится с выдающимися отечественными полярными исследователями В.Ю. Визе и Р.Л. Самойловичем, с которыми позже не раз встречается в полярных путешествиях. Летом и осенью 1930 г. Иван Сергеевич снова в арктическом плавании. Сначала в составе комплексной экспедиции во главе с О.Ю. Шмидтом на ледоколе «Георгий Седов» он посетил Новую Землю, Землю Франца-Иосифа и Северную Землю. На Северной Земле был высажен первый отряд зимовщиков под начальством Г.А. Ушакова. Летом следующего года, со своим другом и «соратником» по эмиграции Н.В. Пинегиным (начальником экспедиции), принял участие в новой арктической экспедиции, теперь уже как корреспондент «Известий». На ледоколе «Малыгин» экспедиция побывала на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа, где была сооружена первая полярная станция в бухте Тихой. Арктические экспедиции дали писателю материал для циклов очерков «Белые берега», «Северные рассказы», «На пробужденной земле», «Рассказы о Родине» и повести «Спасение корабля».

Романтика Севера снова позвала Соколова-Микитова в дорогу в феврале 1926 г. На ледоколе «Георгий Седов» с партией ЭПРОН'а (Экспедиция подводных работ особого

назначения, начальник Ф.И. Крылов) писатель отправился из Мурманска к берегам Шпицбергена в Баренцбург на спасательные работы по подъёму ледокола «Малыгин», потерпевшего здесь аварию. По возвращению из экспедиции его принимают в Кремле, где Иван Сергеевич участвует в беседе с высшим руководством страны об обстоятельствах гибели вспомогательного судна «Руслан» и спасении ледокола «Малыгин». В конце лета, вместе с известными отечественными прозаиками А.Н. Толстым, В.Я. Шишковым, Н.И. Никитиным и Н.В. Пинегиным, он отправляется в Кандалакшу для знакомства с экспедицией по подъему затонувшего ледокола «Садко», а затем присутствует при его подъёме.

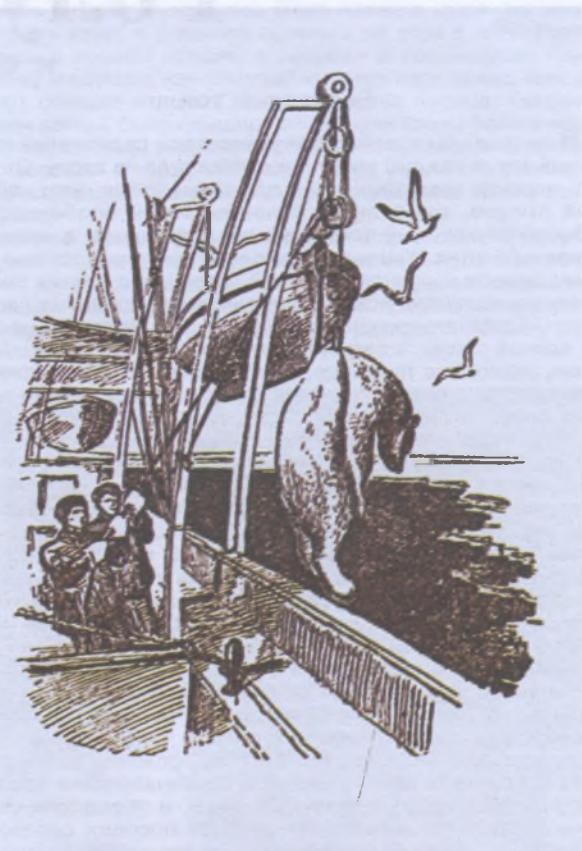
В 1930-е гг. Кольский полуостров стал новым объектом притяжения для Соколова-Микитова. В 1934 и 1935 гг. его манят нехоженые тропы и удивительный мир Лапландского заповедника, природу которого Ивану Сергеевичу удалось наблюдать во все времена года. В довоенный период он ещё дважды побывает на Севере. В 1938 г. в Северном авиаотряде, базирующемся в Котласе, Красноборске и Березниках, будет знакомиться с работой лесной авиации, а осенью, с группой ленинградских писателей (Н.П. Вагнером, Н.В. Пинегиным и др.), посетит Кольский полуостров (Мурманск и Териберку) для сбора материала к 20-летию освобождения Мурманского края от интервентов и белогвардейцев.

Да и в послевоенные годы Соколову-Микитову удалось тряхнуть стариной «северного первопроходца». Весной 1947 г. он вылетел на самолете из Москвы на Диксон, а далее — в Усть-Таймыр, побывал на Таймырском озере, на базе экспедиции Академии наук СССР. На Таймырский полуостров в качестве корреспондента газет «Известия», «Вечерний Ленинград» и ТАСС он отправится ещё раз летом и пробудет на севере до начала осени, информируя читателей о работе

Над холодными берегами

Завтраки к книге И.С. Соколова-Микитова «По горам и лесам» (1949). Художник Е.И. Чарушин: «Новая Земля», «Над холодными берегами»

Новая Земля

комплексной экспедиции учёных. Такой судьбе Соколова-Микитова — полярника может позавидовать иной исследователь-северовед; ведь ему посчастливилось поучаствовать в первых советских арктических экспедициях и удалось побывать там, где и нога-то профессионала ступала не часто.

Помимо Севера, почти 20 лет будут связывать Соколова-Микитова с югом страны. А начнётся эта страница жизни писателя с поездки в феврале-марте 1932 г. в Кызылагачский заповедник им. С.М. Кирова: Иван Сергеевич посетит Баку, остров Сара, Ленкорань. Заповедник и окрестности Ленкорани с их чудной природой, морскими заливами, где обитают и куда на зимовку слетаются самые разнообразные птицы со всей страны. Знакомство с этими и другими пернатыми оставили в памяти писателя неизгладимые впечатления. Отсюда Иван Сергеевич отправился на Северный Каспий и в дельту Волги, по которой добрался до Саратова. В течение трёх следующих лет очарованный южной природой странник будет с удовольствием посещать этот уголок страны, месяцами бродя по камышовым зарослям, илистым берегам морских заливов, среди зарослей гребенщика. Последний раз он побывает здесь накануне войны, в феврале — апреле 1941 г., а после войны, осенью 1949 г., совершил поездку в Каменную степь. Отсюда маршрут путешествия Ивана Сергеевича протяняется в Поволжье и снова на Северный Каспий, куда в будущем Соколов-Микитов возвратится ещё дважды — осенью 1950 и летом 1953 гг.

Помимо странствий по белу свету, у Соколова-Микитова была ещё одна страсть — охота и наблюдения за природой. В этом он был непревзойдённым знатоком. Где бы ни оказывался Иван Сергеевич, всюду с ним было ружьё. Вот как он сам описывает свои охотничьи увлечения в книге «У святых источников» (1969): «С охотничьим ружьем за плечами я обошел ближние лесные угодья, путешествовал в лодке по

Волге. Мне удалось побывать в глухих местах Оршанского леса, на Петровских озерах, куда не всякий год может проникнуть неопытный человек. Я знакомился с молодыми и старыми людьми, слушал их рассказы, любовался природой».

К охоте Ивана Сергеевича пристрастил отец. «Под руководством отца очень рано я научился разбираться в явлениях окружавшей нас природы. Развитию наблюдательности способствовало одиночество; это же вынужденное одиночество в семье (я рос единственным ребёнком) наложило печать некоторой грусти, мечтательности, почти болезненной застенчивости на моё детство, на всю жизненную судьбу, хотя мрачным, завистливым, подозрительным к людям я никогда не был, даже в самые тяжкие времена». Впервые отец взял его на охоту в 10 лет. «...Вот твоя дичь! — шутливо сказал отец. — Целься хорошенько, да не закрывай глаза... Я выцепил пухлую синичку, сидевшую на сухом сучке. Грянул выстрел, ружьё толкнуло в плечо. Пополз синий дым, запахло порохом. Мёртвая синичка повисла в развилине сучка. С диким восторгом кинулся я к моей первой добыче. Я чувствовал себя героем. Маленькая птичка серым лёгким комочком лежала в моей руке. Мне было немного жалко маленьку, напрасно застреленную птичку. На охотничьем веку многое множество перестреляли я птиц и зверей, но эта маленькая пушистая синичка, моя первая охотничья добыча, осталась в памяти на всю жизнь. Со всем чёткостью помню сентябрьский день, прыгающую по ветвям синичку и свой первый выстрел...»

Мне хотелось бы познакомить читателя с несколькими охотничьими рассказами И.С. Соколова-Микитова из разных циклов из вышедшей в 1977 г. книги «Голубые дни». В ней писатель запечатлел свои юношеские романтические устремления и увлечения путешествиями по диким и экзотическим местам.

Голубые дни

И. Соколов-Микитов

Березовый ток

В охотничьем хозяйстве мне показали редкостный глухаринный ток, и каждую весну я въезжал туда на охоту. От многих, хорошо известных мне глухаринных токов, этот, обильный птицею, ток отличался необычайной особенностью. Обычно глухаринные токовища располагаются в сосновых лесах и болотах. Жизнь глухаря тесно связана с сосновою (всю зиму глухари кормятся сосновой хвоёю), и с давних времен охотники привыкли искать глухарей возле сосновых лесов и болот. Удивительно, что в указанном мне токовище не было ни единой сосны, а заскорузлые болотные елки попадались очень редко. Все токовище, занимавшее обширное кочковатое торфяное болото, сплошь было покрыто редким корягистым березняком. В таких, заросших березняком, лесных болотах весною охотники обычно ищут хорошую тягу.

Трудно сказать, почему выбрали глухари место, столь не подходящее для токовища. Быть может, в незапамятные времена здесь также рос сосновый лес, и после вырубки или лесного пожара его не стало. Таинственная привязанность к древнему токовищу заставляла птиц по-прежнему сюда собираться. Очень возможно, что в голодные годы гражданской войны, когда деревенскими охотниками было выбито и уничтожено много богатых глухаринных токов, напуганные птицы сами переместились на безопасное место, и новый ток здесь обосновался.

Мы очень долго искали этот ток. Глухарей всюду было множество, зимою мы поднимали их целыми партиями с деревьев, по тридцати, сорока штук, а найти весной ток не удавалось. Однажды весною охотник проходил возле березового болота и вдруг услыхал громкое хлопанье крыльев. Он стал подходить на знакомые звуки, и перед ним открылось богатое токовище. Глухари пели посреди березового болота, на деревьях и на земле. По нашему краю ток был необычайно обильный, — охотник насчитал не менее полсотни птиц. С тех пор новый березовый ток мы держали в

строгом секрете, неумелых и жадных охотников туда совсем не пускали...

Дорогу на березовый ток показывал мне приятель. Мы шли по лесу, по нехоженым, диким местам, и по закоренелой охотничьей привычке я замечал путь. Место, где находился березовый ток, было окружено густыми лесами без дорог и селений. Полная безлюдность и глуши мне очень понравились, и, приглядываясь к местности, я радостно предвидел успешную охоту.

Проходя леса, пересекая болота, мы не раз поднимали кormившихся глухарей. С треском и шумом вспархивали рябчики. На мху, на проталинах виднелись кучки свежего лосиного помета. Веточки молодых осинок были начисто остиржены лосями. На коре деревьев далеко виднелись свежие погрызы. Не раз мы видели бурые спины лосей, скрывавшихся в кустарниках и болотах. Шумом и треском наполнялся лес, когда, вскочив с лежек, ломая сушь, звери мчались по лесной чащобе. Чтобы отдохнуть и хорошенько послушать, мы присаживались на пеньки. Лес окружал нас знакомо и просто. Немного передохнув, мы взваливали заплечные мешки, шли дальше тихо и осторожно.

На место, к березовому токовищу, мы пришли только под вечер и, как водится, тотчас начали приготовляться к ночлегу. Еще до прилета птиц (глухари слетаются на ток на закате солнца) нужно нарубить дров, приготовить из веток постели. Сердцу охотника особенно приятен лесной охотничий уют, с которым не могут сравниться обычные удобства. С особым удовольствием мы разводили костер, укладывали и развесивали походные пожитки. Здесь, у охотничьего костра, я предполагал провести не одну ночь. Приятель и спутник мой хорошо знал мои охотничьи привычки. Вечером, приготовив постель, мы разделились. Спутник отправился искать соседние токовища, а я остался один.

Проводив приятеля, я затоптал костер, взял ружьё и не торопясь направился в ток. Еще по первому взгляду место показалось мне совсем неподходящим. Вокруг росли коря-

И.С. Соколов-Микитов перед выходом на охоту. Конец 50-х годов

ые голые березы. Я смотрел на окружавшие меня голые деревья, и мое сомнение вырастало. «Уж не подшутил ли надо мною приятель?» — подумал я, оглядывая болото.

Сомнение мое скоро исчезло. Под деревьями я увидел множество глухариного «игрового» помета. Свежий «игро-

вой» помет — вернейший признак глухариного тока. Нет, друг товарищ меня не надул, и глухариный ток здесь будет наверно! Под старой березой я выбрал высокую кочку, очень похожую на бархатное кресло, и расположился на ней с полным удобством. И кочка, и березовое глухое болото теперь мне очень понравились; закурив трубочку, я приготовился слушать и наблюдать.

Для нас, охотников, особенную прелест имеет незабываемый час солнечного заката. Чудесная, волшебная наступает в лесу тишина. Еще поет, разливается, как бы не в силах сдержаться, неугомонный музыкант — дрозд; сидя на вершине дерева, страстно воркует освещенный золотым лучом закатного солнца дикий голубь — витютень; спохватится, прокукует и, как бы вдруг поперхнувшись, примолкнет кукушка. Последние звуки в лесу подчеркивают наступающую тишину. Но уже по-вечернему тихо и прохладно внизу под деревьями. Нарушая наступившую тишину, прогудит жук и, зацепившись за ветку, свалится к ногам охотника на землю. Тихо и влажно хоркая, весь золотой в лучах закатного солнца, пролетит над головою охотника первый вальдшнеп и, как бы на секунду приостановившись, медленно потянет над сквозными вершинами леса.

Еще никогда не доводилось мне видеть на токах такого необычайного количества глухарей. Я сидел в бархатном кресле, а они слетались, иногда обдавая меня ветром своих сильных крыльев, низко садились на голые, сквозившие на золоте неба деревья. Я близко видел их бронзовые груди, сторожко поднятые головы с брусличными бровями.

Я сидел очарованный, не шевелясь, боясь двинуться, чтобы не испугать сидевших птиц. Длинноносые вальдшнепы один за другим непрерывно тянули над лесом. Пара вальдшнепов, страстно цвиркая, неожиданно спустилась на кочку, и я очень близко видел любовную их игру... Я сидел до позднего вечера, до ночной темноты. До самой ночи глухари пели, «скиркали», дрались и перелетали. Сидя на месте, я видел поющих, дерущихся птиц, — чудными, сказочными казались звуки окружавшего меня лесного мира. Не желая тревожить птиц, я решился остаться до утра в току. Развалившись в лесном кресле, я засыпал и просыпался, курил трубочку и слушал, как пошевеливаются надо мною, покрьтывают спящие птицы. Где-то пролаяла лисица. Гукали и стонали зайцы; было слышно, как прошли краем болота лоси. Не разжигая огня, я провел среди тока всю ночь. С трепетным чувством я терпеливо ждал утра, утреннего рассвета. Картина невиданного спящего тока рисовалась моему воображению.

Странное дело: утром глухариный ток молчал. Медленно наступал рассвет, на фоне просветлевшего неба выступили черные ветви деревьев, но ни единого звука не слышалось на спящем току. «Неужто ночью здесь прошли лоси и напугали глухарей?» — думал я, стараясь разгадать причину мол-

Еще никогда не доводилось мне видеть на токах такого количества глухарей
Фото С. Кирпичева

На дупелином току

чания тока. Чтобы проверить подозрения, я решился тихонько пройти по всему токовищу. Тотчас над моей головой стали слетать с деревьев молчавшие птицы. Казалось, неведомый дирижер им подал сигнал молчания, и они дремали...

Больше я не мог оставаться на току и, огорченный неожиданной неудачей, тронулся в путь к своему костру. Необычайная перемена наступала в лесной природе: гнилой, ходячий, почти непроницаемый туман надвинулся из залива. Густой туман медленно окутывал деревья, с намокших ветвей струились и падали тяжелые капли. Моя одежда, ружье были мокры.

«Так вот почему сегодня глухаринный ток молчал, — разжигая костер, думал я о необыкновенной способности птиц предчувствовать погоду. — Несомненно, глухари знали о приближении тумана, и это было причиной молчания». Мы, охотники, должны приглядываться к явлениям природы: от этого зависит успех охоты...

Дупелиный ток

Современным молодым охотникам редко приходится слышать о дупелиных токах — этой необычайной, интересной, забытой теперь охоте. Излюбленной ружейными охотниками «благородной» золотой птицы — бекасов, гарнепов и дупелей — с каждым годом становится меньше. Даже в известных дупелиных местах, на кочковатых, поросших кустами болотах, где в былье времена ленинградские охотники брали за выезд на «высыпках» по двадцати — тридцати пар, редко счастливому стрелку удается взять двух-трех дупелей. Очень возможно, что причина оскуждения угодий было несоизмеримое с прошлым обилие зайдных стрелков, осушка и вспашка болот, на которых гнездились и «высыпали» пролетные дупели, а прежде всего безжалостное истребление всяческой дичи.

Некоторые бывалые охотники уверяют, что в некоторых, обильных болотной дичью, местах (например, на Волховских поймах) до сего времени сохранились хорошие дупелиные тока. Признаться, рассказам таких охотников, умеющих иногда «присвистнуть», я верю мало. По рассказам старых, опытных и правдивых охотников, существовали некогда дупелиные тока, на которые в весенние зори вылетали десятки и сотни маленьких длинноклювых птиц. Распустив крыльшки и хвосты с белой подушкой, дупели бойко бегали по избранному ими токовищу, обычно представлявшему собой небольшую, поросшую прошлогодней травой, кочковатую площадку. Здесь происходили дуэли, скрещивались шлаги ревнивых бойцов, от зари до зари продолжалась весенняя любовная игра. Всю долгую весну дупели слетались на свое излюбленное токовище, и даже выстрелы охотников не очень их пугали.

На дупелиных токах охотились затемно, иногда с огнем. Посередине дупелиного токовища с вечера ставили зажженный фонарь. Не страшась огня, бойкие птицы всю ночь бегали вокруг фонаря, и попадавших в луч света охотники стреляли на выбор. После выстрела увлекшиеся любовной игрой птицы обычно не улетали, и охота на дупелиных токах продолжалась до рассвета.

Первый и единственный раз в моей охотничьей жизни на дупелиный ток меня водил отец. В те времена мы жили в Смоленской губернии, среди прекрасных охотничих угодий, и мои детские впечатления тесно связались с природой. Не могу забыть окружавшего наше жилище леса, кишащих рыбой прудов, хозяйствского теплого дома с бревенчатыми стенами, от которых пахло смолой. В этих стенах, в окружавшем дом глухом лесу, проходило мое детство. До сего времени волнуют меня воспоминания о первых охотах, на всю жизнь закрепивших горячую страсть.

Хозяин отца, богатый калужский купец и лесопромышленник Козлов, был тоже ярый охотник. Охотничими богатствами славились скупленные им лесные имения, находившиеся под управлением отца. В одном из имений, носившем название Мой Удел (на реке Осьме, под городом Дорогобужем), был дупелиный ток. Приглашая отца на службу, хозяин-богач ему говорил:

— Можешь что угодно в имениях моих делать. Доверяю тебе все мое имущество бесконтрольно, на полную веру. Одно настороже запрещаю: не смей охотиться на моем дупелином току и никого на ток не пускай. Ток этот у меня заповедный. Если нарушишь приказ — не гневайся, прогоню...

Долгое время отец беспрекословно выполнял строгий хозяйствский наказ. Но нетерпеливо сердце охотника. Однажды отец не выдержал — уж очень манила его редкостная охота.

Помню, я очень просился взять меня на дупелиный ток, и, по мягкости характера, отец уступил моим настойчивым просьбам. По весенней, еще не просохшей дороге мы ехали на беговых дрожках. Уже и в те времена мало оставалось таких богатых охотою мест. Это было еще не тронутое царство охоты. Множество уток, гусей и другой дичи пролетало над нашими головами. Мы слушали пение птиц, музыкальное журчание весенних ручейков, бесчисленные звуки наполняли окружавший нас сияющий и счастливый мир.

Ночью мы сидели в шалаше, накрытом камышом и осокой. Хорошо помню впечатление, которое произвела на меня эта первая в моей жизни охотничья ночь. Мы провели вечернюю и утреннюю зори на дупелином току. Всю ночь мы слушали пробуждавшиеся весенние голоса. В щели шалаша был виден ток. Маленькие птички, важно распустив хвосты, шныряли вокруг шалаша, высоко подпрыгивали, дрались. Иногда они скрывались в высокой прошлогодней траве, и казалось, что вся трава шевелилась. Случалось, токущие дупеля подбегали к самому шалашу. Я близко видел их длинные клювы, грозно распущенные крылья. Сколько смешной важности было в их быстрых воинственных движениях! То и дело они схватывались, дрались и вновь разбегались. Мы любовались на них, как бы сидя в сказочном театре. Солнце уже восходило, но все жарче и страстнее разгорался удивительный дупелиный ток!

Множество голосов наполняло окружавшее нас, озаренное утренним солнцем, пространство. На опушке леса пели тетерева, крякали над рекой и озерами утки, страстно хрюпали, проносясь в воздухе, дикие селезни. Чудесный, сказочный, звонкий окружал нас мир...

Отец не вытерпел, выстрелил. Два подстреленных дупеля затрепыхались в мокрой траве. Густой пороховой дым слоями растекался над токовищем. Мы долго не выходили из шалаша. Даже после выстрела дупелиный ток продолжался.

Солнце поднялось над лесом и над извилистой, скрытой рекой. Над заливными лугами, как недвижимое волшебное озеро, разливался золотистый туман. Бесчисленные бекасы-«баранчики», падая и взлетая, токовали над нашими головами...

Воспоминание о дупелином токе и сказочном весеннем утре осталось на всю жизнь. Уже никогда больше не удавалось мне побывать на такой редкой охоте. Довольные и счастливые возвращались мы домой.

Охота на заповедном хозяйственном току не прошла отцу даром. О преступлении отца Козлову сообщил служивший в имении чахоточный конторщик-доносчик. Вскорости отец получил из Калуги письмо, в котором богатый хозяин Козлов сообщал, что не находит возможным оставлять отца на службе. К письму было приложено подтверждение, что отец оставляет службу «по собственному желанию». Так печально закончилась наша охота на запрещенном дупелином току. Скоро на место отца прибыл новый — сухой маленький человек, совсем не интересовавшийся охотой.

Потеря службы была, разумеется, большой неприятностью. Но все же воспоминание о дупелином токе, о чудесном утре на реке Осьме осталось на всю долгую жизнь.

Рев оленей

— Желаем вам услышать в горах рев оленей, — еще в управлении заповедника говорили нам молодые зоологи, направляя нас в дорогу. — Рев теперь в полной силе, и для охотников, любителей природы, это будет как лучшая музыка, послушать которую удается очень немногим...

Добрые пожелания наших друзей осуществились. Еще по

Горное озеро. Северный Кавказ

Серна. Северный Кавказ

Фото Н. Вехова

дороге отчетливо увидели мы в бинокль пасшихся на опушке оленей: красавца самца с рогами, похожими на украшение рыцарского шлема, и безрогую красавицу самку. Олени бродили на опушке, прислушиваясь к каждому звуку. Рыцарь поднимал голову, как бы рисуясь перед прекрасной дамой, спокойно щипавшей полегшую траву.

Я долго сидел на краю каменного обрыва. Внизу, на покатой поляне, зеленевшей свежей травою, паслись легкие серны. Они казались тенями, скользившими среди кустов и каменных обломков.

Солнце скрылось за острый гребень хребта, и над горами быстро опустилась ночная лиловая тень. Тотчас внизу, близко, из накрытого тенью ущелья послышался звук трубы. Невидимый влюбленный рыцарь трубил, созывая соперников на поединок. Удивительное чувство в сердце охотника порождает этот призывный и страстный звук. Чуются в этом звуке гордая сила, и страстный призыв к возлюбленной, и угроза сопернику. Широкая расходившаяся котловина усиливала звук, эхо далеко повторило голос ревущего оленя. Тогда на склонах горы ответили трубачу голоса соперников. Казалось, вокруг охотника ожила вдруг леса и раскрылась лесная сказочная тайна...

Ночью, лежа у дымившего костра, я не спал. Я поднимал голову, прислушиваясь к раздававшимся в горах трубным звукам. Звезды наполняли ночной черное небо. Не в силах заснуть, я смотрел на звезды, слушал треск костра, далекий рев оленей, трубивших радостную песню своей любви. Живя в горах, мы еще долго слышали победный рев оленя. Это ликовал олень-победитель. Рев победителя отражался в горах, и ему отвечали другие. В звуках трубы была воинственная угроза. Среди многих голосов мы узнали робкие голоса

молодых. Один олень трубил особенно печально. Наверное, это был старый одинокий самец, из года в год ревевший на облюбованном месте. Наш провожатый — опытный охотник — по голосу знал старого оленя. В голосе старика слышался звук разбитого металла, печаль утраченного. Нам этот старый олень представлялся печальным рыцарем, замкнувшимся в своем одиночестве...

На Кавказ мы приехали в октябре. Рев оленей еще продолжался. Закованные в бронзу, стояли леса. Сверху мы видели чудесный ковер осеннего раскраса, лиловую шубу буковых лесов, червонное золото горных кленов.

Разумеется, нам очень хотелось ближе увидеть турнир лесных благородных рыцарей, но редкому охотнику выпадает такая удача. Опытные люди, близко наблюдавшие ревущего самца-оленя, рассказывают, что каждый олень в пору игры облюбовывает место, свой маленький «точок». Здесь он проводит осенние ночи, чутко слушая голоса соперников и трубы. Осторожному охотнику удается иногда подойти близко к оленю, увлекшемуся любовной игрой. Редкое удовольствие испытывает такой счастливец. Он видит влюбленного рыцаря, гордо поднявшего голову, украшенную ветвистыми рогами. Ожидая возлюбленную, олень трепещет. Горе сопернику, осмелившемуся приблизиться! Рука не поднимается у охотника стрелять в прекрасное животное, объятое страстью любви...

Бродя в горах, мы открыли несколько «точков», выбитых оленями во время рева. Видеть лесной турнир близко нам, однако, не посчастливилось. Все же воспоминание о ночных, проведенных в горном лесу в пору рева, осталось драгоценнейшим воспоминанием, которым может похвастать не каждый охотник.

Размеры и вес тела волков: внутривидовая изменчивость

А. Суворов, кандидат биологических наук,
доцент кафедры Биологии и охотоведения
Красноярского государственного аграрного университета

В России обитают следующие подвиды волка: полярный, лесной, степной (лесостепной) и южный горнолесной (в европейской части — кавказский, в Сибири — алтай-саянский (Гептнер и др., 1967; Соколов, Россолимо, 1985). Территориальные изменения размеров и окраски тела тесно коррелированы с градиентом ландшафтно-климатических условий и носят адаптивный характер. Это отражается в параметрах тел, черепах волков и в их внешнем облике (Юдин, 1990). Территориальные изменения размеров и веса тела волка в пределах огромного его ареала в России весьма велики и закономерны. Максимальные размеры отражают потенциальные свойства вида. В целом, согласно теории Бергмана о «клинической изменчивости», размеры и веса волка должны нарастать в популяциях северных широт и снижаться к югу. Л.П. Сабанеев (1877) считал, что самые крупные волки лесные, а тундровые волки средней величины и отличаются главным образом высотой, белизной и пушистостью шерсти. Исследованиями В.П. Макридина (1978) на Европейском, Обском и Енисейском Севере на массовом материале более 400 полярных волков это было подтверждено. Установлено, что полярный волк, хотя и кажется крупным из-за богатого опушения, в действительности же по параметрам тела уступает лесному волку северной тайги. Максимальный вес обследованных полярных волков редко превышал 50 кг. Самого крупного тундрового волка весом 66 кг и самую крупную волчицу — 43,5 кг добыл Г.И. Чувашёв на Гыданском п-ве. В серии волков из Ненецкого автономного округа, с Гыданского п-ва, Таймыра, из тундры Якутии и с Чукотки взрослые самцы имели длину тела 122,8—132,1 см и вес 39,5—44,5 кг. Отдельные экземпляры весили от 49 до 66 кг. Средняя длина тела самок варьировала в пределах 117,7—124,8 см и вес 34,0—37,8 кг (Соколов, Россолимо, 1985). На Таймыре средняя длина тела (см) промеренных нами самцов (n=29) составила 128,8±1,12, самок (n=29)—122,8±0,54, средний вес самцов (кг) (n=29) составил 44,1 ± 0,74, самок — 35,5±0,61.

М.П. Павлов (1990) считал, что в СССР самые крупные волки — лесные. Они водятся в лесах верховьев Волги и Волжско-Камского междуречья Рос-

сии, в Латвии, Минской, Витебской и Могилёвской областях Белоруссии (зоне северных и средних лесов), где отдельные экземпляры добытых охотой хищников весили до 70 и даже до 80 кг. Среди 344 лесных волков, отстрелянных в 1937—1954 гг. в Окском, Мордовском и Воронежском заповедниках, вес двух самцов превышал 50 кг (51,5 и 56,2 кг). Средний вес 5 взрослых волков-самцов, отстрелянных в 1977—1979 гг. в Пермской области, составил 49 кг. В Кировской области из 9 взрослых волков, добытых в 1960-х гг., вес самого мелкого составил 44,8 кг (длина тела 130 см), самого крупного — 61 кг (средневозрастная волчица). Волк с рекордным весом 76 кг был здесь застрелен охотниками в 1949 г. Средняя длина тела взрослых самцов составляла 126—145 см, а средний вес — 40—45 кг. Наиболее крупные звери весили от 50 до 65 кг. Средняя длина тела самок составляла 113,7—128,0 см, средний вес 30—36 кг (Павлов, 1982, 1990).

В 1980—1990-х гг. ещё более тяжёлые лесные волки были отстреляны с вертолётов в Эвенкии. В Байкитском районе экипажем А.А. Когута был убит волк весом 71 кг. В районе пос. Эконда весной 1992 г. был добыт волк весом 97 кг, а весной 1999 г. в бассейне

реки Таймыры был убит хищник весом 118 кг (взвешивание в присутствии охотников и членов экипажа вертолёта проведено начальником Эвенкийской окружной госохотинспекции Р.В. Гордеевой).

Сравнение морфологических показателей тела различных популяций лесных и полярных волков из разных регионов Сибири (Соколов, Россолимо, 1965; Козлов, 1966; Попов, 1977; Железнов, 1985; Юдин 1990; М.Н. Смирнов, 2002; Суворов и Петренко, 2003; Цындыжапова, 2002) приведено ниже (табл.). Сравнение данных авторов с разными методическими подходами, размерами выборок и неоднородностью возрастного состава (нельзя включать в выборку физически не сформированных прибыльных и переярков) далеко от совершенства, но приводится нами из-за недостатка морфологического материала из регионов. Из таблицы следует: среди полярных волков дальневосточные (чукотские, корякские) хищники — наибольшие по длине (см) ($132,5 \pm 1,51$ — ♂ и $124 \pm 1,8$ — ♀) и весу тела (кг) ($44,1 \pm 0,7$ — ♂ и $38,2 \pm 1,5$ — ♀). Им уступают по этим показателям все полярные волки Западной и Восточной Сибири. Уступают даже по длине (см) ($130 \pm 1,0$ — ♂ и $125,0 \pm 0,7$ — ♀) и по весу (кг) ($44,8 \pm 0,9$ — ♂ и $35,7$

Таблица

Морфологические параметры взрослых волков Сибири

Подвиды	Регионы	Средняя длина тела				Средний вес тела			
		самцы (п)		самки		самцы		самки	
		п	мм	п	мм	п	кг	п	кг
Полярный	Ямал	23	124,2	23	121,3	23	40,0	23	36,6
	Гыдан	28	124,6	16	120,6	28	44,5	16	36,1
	Таймыр	29	128,8±1,15	29	122,8±0,53	29	44,1±0,70	29	35,5±0,66
	Путораны	27	129,6±0,92	22	123,0±0,54	29	44,0±0,94	29	34,8±0,73
	Чукотка	15	132,5±1,51	11	124±1,83	15	45,4±1,94	11	38,2±1,5
	Корякское на-горье	5	132,5±1,13	4	124±1,08	5	45,6±1,17	4	41,6±1,20
Лесной (средне-таёжный)	Равнинное левопобережье Енисея	19	127,6±0,35	17	124,2±0,7	19	43,5±1,14	17	35,4±0,82
	Эвенкия	25	130±1,04	25	125,0±0,39	25	44,8±0,91	25	35,7±0,73
	Центральная Якутия	15	126,1	16	113,7	10	40,7	10	30,0
	Омолон	5	129,8	1	121,0	—	—	—	—
Южный горно-таёжный (саяно-алтайский)	Север Хабаровского края	4	123,2	—	—	4	38,5	—	—
	Юг Красноярского края	18	126,8±1,17	17	124,2±0,71	18	37,7±1,22	27	31,5±0,94
	Тыва (северные районы)	17	127,4±0,87	12	124,6±0,82	18	36,9±1,01	14	31,9±1,24
	Горный Алтай	28	126,71	26	119,07	32	37,92	31	32,73
	Прибайкалье	16	135,4±1,46	14	123,6±1,0	16	44,5±1,33	14	348±1,4
Лесостепной (синантропный)	Приамурский юга Хараровского края	8	114,8±2,61	6	108,7±2,09	8	29,9±2,35	6	26,1±1,52
	Юг Красноярского края	23	125,5±0,73	25	122,6±0,51	23	35,4±0,94	25	31,0±0,71
	Хакасия	5	123,8	2	123,0	5	33,8	2	31,5
	Верхнее Приамурье	57	114,8±1,06	46	110,1±1,04	57	29,1±0,98	46	26,7±0,83
	Приуссурье	14	117,4±1,10	12	110,8±1,51	14	33,0±1,0	12	27,6±1,64

±0,7—♀) лесные эвенкийские волки представленной автором выборки, потому что в ней не попали выдающиеся и многие крупные экземпляры. При трофеином спросе на черепа и шкуры особо крупных эвенкийских волков, добываемых отстрелом с вертолётов, их передавали таксiderмистам для трофеинных изделий. Крупные лесные (восточно-сибирские) волки обитают в зоне северной и средней тайги Якутии и Дальнего Востока (в бассейне р. Омолон, на севере Хабаровского края).

Крупными размерами тела, близкими к размерам полярного волка, обладает горно-таёжный волк (Суворов, 2004). Волк 72 кг был отловлен в капкан на Алтае в 1942 г. (Павлов, 1982, Бондарев, 2002). Показатели средней длины и веса тела саянских и алтайских волков почти идентичны, однако указанные параметры заметно уступают таковым у самцов прибайкальских волков. По средней длине тела (см) (самцов — 135,4±1,46; самок — 123,6±1,0) и среднему весу (кг) (самцов — 44,5±1,33; самок — 34,8) при-

байкальские волки близки к аналогичным параметрам среднетаёжных волков Енисейского Севера. Популяции этих волков в Прибайкалье контактируют и, вероятно, смешиваются между собой из-за очагового характера зоны степей и сближения границ зон средней, южной и южной горно-таёжной тайги.

В Приенисейской Сибири самыми мелкими оказались лесостепные синантропные волки трансформированных рубками лесов, горных пастбищ, лесостепей Хакасии и юга Красноярского края. Средняя длина тела самцов в см составила 125,5±0,73, самок — 122,6 ± 0,52; средний вес самцов в кг (п = 23) составил 35,4 ± 0,9, самок (п = 25) — 31,0 ± 0,7.

К сожалению, из-за недостатка морфологического материала из регионов, малых исследуемых выборок и включения в них молодых волков, не удалось исследовать в сравнении с нашими показателями изменчивость параметров тела волков Якутии и Дальнего Востока. Таким образом, в морфологии волка России наблюдается заметная географическая изменчивость, при этом клинальная с уменьшением параметров с севера на юг просматривается лишь в общих чертах. Самые крупные волки России обитают в полосе северной и средней тайги от Белоруссии и Прибалтики до Хабаровского края Дальнего Востока. Наши выводы подтверждаются также анализом результатов, проводимых охотниками России, трофейных конкурсов, где более 80% золотых и большая часть серебряных медалей принадлежат трофеям (череп, шкура) лесных волков из зон средних и северных лесов.

Фото В. Бологова

Человек и природа

А. ФОРМОЗОВ, профессор, доктор биологических наук

Разнообразна и богата природа нашей великой Родины: огромные горные хребты с шапками вечных снегов, безбрежные степи, жаркие песчаные пустыни, зеленый океан тайги, сотни тысяч озер, множество малых и больших рек... Благодаря быстрому расширению сети железных и автомобильных дорог, росту воздушных перевозок самые отдаленные уголки нашей страны стали теперь доступны для освоения и широкого хозяйственного использования, а также для посещения туристами, охотниками и рыболовами. К сожалению, далеко не все ведут себя в природе как добрые, заботливые хозяева. Часто, даже после кратковременного пребывания геологических партий или туристов, в тайге остаются выгоревшие участки кедровников, трупы животных и т. п.

Вот почему вопросы охраны природы приобрели сейчас исключительное значение. Необходимо выработать правила научного, строго этического, продуманного отношения к нашим живым богатствам. Охотничьи хозяйства вместе с тем призваны давать стране все в большом объеме нужные населению продукты: пернатую дичь, мясо зайцев, копытных зверей, пушнину и т. д.

В целом ряде густонаселенных стран с давно обжитой территорией и мощной промышленностью в таких, например, как Чехословакия, Германская Демократическая Республика, ежегодно добывается большое количество дичи. В любом ресторане ГДР вы можете заказать бифштекс из кабана, олена. Среди этой дичи большую долю составляют серые куропатки и фазаны, которые прекрасно уживаются в условиях культурного ландшафта: среди полей, чередующихся с садами, лесными полосами, виноградниками и т. п.

Фазаны и куропатки, помимо того, что дают мясо, помогают человеку в его борьбе с насекомыми — вредителями сельского хозяйства, истребляют массу семян сорняков. По данным чехословацких натуралистов, серая куропатка сберегает около половины урожая сахарной свеклы, истребляя свекловичных долгоносиков.

Именно эту оседлую дичь — куропаток и фазанов нужно разводить в южной половине нашей страны и в некоторых районах средней полосы. Если в густонаселенных районах, где имеются десятки тысяч охотников, мы не займемся дичеразведением, там никогда не будет достаточного количества дичи.

У нас еще явно недостаточно опыта по разведению дичи, особенно наиболее ценных и перспективных видов. Так, например, для многих горных районов Кавказа, Закавказья и Средней Азии очень ценным объектом разведения могут быть разные подвиды кеклика (горной куропатки). Но опытов их массового разведения еще не было. Между тем такие опыты послужат важным толчком для изучения многих географических форм охотничьих птиц и зверей.

Тетерев, белая куропатка — птицы, кажется, всем давно известные. Но так ли хорошо они изучены! За последние два-три десятилетия установлено, что повсеместно, начиная с Калининградской области, в Латвии, Литве, Эстонии, в Ярославской, Костромской, Горьковской областях, даже за Уралом — у южной границы своего распространения, белая куропатка вымирает, все больше и больше отступает на север.

В Московской области даже в хорошо организованных хозяйствах Военно-охотничьего общества белая куропатка угасает на глазах, а местами совсем исчезла. В Костромской области, где белых куропаток совсем не стреляют, она тоже

Александр Николаевич Формозов

вымерла. Куропатку очень тщательно охраняют в Эстонии, в Литве, но и здесь она исчезает. Характерно, что в этих местах исчезает не только куропатка, но и гнездившиеся прежде ее спутники — северные тундровые виды: чернозобик, золотистая ржанка.

Причина этого, видимо, заключается в значительном потеплении климата Северного полушария. Это потепление, особенно заметное в летние месяцы, сказалось даже на морских рыbach. Расширились миграции в Баренцевом море трески и сельди — эта рыба стала заходить в ранее холодные воды, омывающие Новую Землю. Но каков механизм неблагоприятного влияния потепления на куропатку, мы еще не знаем.

В Гренландии за последние десятилетия местами вымер овцебык. Датские натуралисты выяснили в чем дело: тоже сказалось потепление климата. В районы обитания овцебыков зимой стал прорываться теплый воздух, нередко с дождями, часто стали появляться сильные гололеды, которые одевали в броню лишайники и траву. В результате гренландский овцебык лишился зимнего корма и не мог существовать. Видимо что-то в этом роде происходит и с белой куропаткой.

При попытках обогатить фауну под Москвой нужно считаться с этим фактом; попытки поселить привезенных с севера белых куропаток, наверное, окончатся неудачей (во

всяком случае в ближайшие годы). Поэтому выгоднее заниматься другими видами дичи, но, конечно, не даурской или бородатой куропаткой, которую с энергией, достойной лучшего применения, охотники общества пытались внедрить в подмосковную фауну. Бородатая куропатка мельче серой, область ее обитания — сухие степи в основном гористых областей с солнечной, морозной и малоснежной зимой, с очень засушилым летом.

Даже в Монголии, где почти нет снега, бородатые куропатки зимой часто кормятся «под копытами» яков, лошадей, коров. Животные при пастьбе расчищают снег, а птицы в их прикопках собирают семена, листочки. Переселяя эту куропатку в районы с многоснежной зимой, сырьим дождливым летом нельзя. Это птица континентального климата, и поселять ее под Москвой — биологически безграмотно. Нужно хорошо изучать объекты хозяйствования, учитывать природную обстановку детальнейшим образом.

Даже географические расы или подвиды животных, принадлежащие к одному виду, сильно различаются по особенностям физиологии и требованиям к среде. Польский русак по внешнему виду не очень отличается от московского русака. Но вот что показал любопытный для охотоведов случай. В весьма морозную (по западно-европейским условиям) зиму 1929/30 года зайцы в Польше, Чехословакии, Германии в массе погибли. А ведь морозы стояли такие, которые наши приволжские, башкирские русаки переносят легко. Значит, опасно западно-европейского русака, который более изжен, чем наш, расселять под Москвой. Здесь нужно стараться расселять крупных русаков из Татарии, Башкирии, которые более привычны к холоду. Однако чем дальше и востоку, тем суще. Не исключено, что эти русаки окажутся в то же время менее приспособленными к влажному лету.

Все это свидетельствует о том, как важно наладить и очень продуманно вести изучение промысловых животных в сравнительно-экологическом плане. Страна наша огромна и на ее обширном пространстве водятся десятки экологических, резко отличающихся друг от друга форм глухаря, рябчика, горностая, зайца и др. Надо улучшить методику изучения, пересмотреть и дополнить ее.

Система заповедников дает очень многое для такого изучения с учетом отличий географической среды и ее творческой роли в формировании особенностей географических рас животных.

Очень плохо изучены болезни охотничих животных, а также причины, вызывающие их массовую смертность. Нередко, например, за зиму сильно сокращается количество рябчиков и тетеревов даже в тех местах, где на них не охотятся.

Весной находят перья рябчиков, тетеревов, явно съеденных лисицами. Этот хищник очень характерно обгрызает ма-ховье перья крыльев. Но ведь, кроме лисицы, и другие хищники ловят тетеревиных птиц; лиса может просто подбирать за ними остатки их добычи. Я немало походил по лесам за 10 лет, из опыта охоты знаю, да и из литературы это известно, что тетерева замерзают, ночуя под снегом. Правда, мне только один раз на севере Вологодской области удалось найти замершего тетерева. Это был косач, с зобом, набитым сережками березы. Он сидел, собравшись в комок, под снегом (я нашел его в начале мая). Под хвостом у него была кучка помета. Видно, что птица с аппетитом ела. Я взял метеорологические данные соседней станции и оказалось, что первая половина зимы была крайне морозная, с малым количеством снега. Тетерев замерз, т. к. над ним не было «снежного одеяла». Зоб он набил, но тепловой баланс в теле птицы оказался нарушенным. Этот тетерев попал мне в руки потому, что вскоре после морозов прошла полоса сильных снегопадов, лисицы откочевали из лесов и погибший тетерев остался нетронутым под метровой толщиной слоем снега. В противном случае я бы тоже считал, что этот тетерев съеден лисой, тогда как хищник воспользовался уже погибшей птицей.

При троллении лисиц под Москвой я убедился, что они часто находят погибших синиц и соек. Птицы в сильные морозы падают, как камешки, с дерева в снег и лиса их выкапывает с глубины 30—50 сантиметров. Она выкапывает также трупы животных, погибших от инфекций еще летом, подъедает остатки птиц, пойманных и расклеванных ястре-

бом-тетеревятником.

В первой половине зимы лисица успешно охотится за полевками, а потом начинает голодать и питается разными отбросами.

При недостаточной точности наблюдений люди часто приписывают лисице уничтожение животных, которых в действительности она использует, как санитар, подбирающий падаль.

Охотники вообще склонны переоценивать вред, приносимый хищниками, особенно пернатыми. Виды, приносящие вред лишь местами или в течение короткого периода, полагается только отпугивать с помощью разных, иногда очень хитроумных, приемов.

Перед доктором Мансфельдом, работающим на орнитологической станции в Заэбаке (ГДР), был поставлен вопрос: как защитить поля и огороды от повреждений пролетными стаями журавлей.

Одна из больших последних популяций серых журавлей, сохранившаяся в Европе, гнездится в Норвегии, Швеции, Финляндии и у нас — в Карельской АССР. Осенью, во время пролета, тысячные стаи журавлей останавливаются на острове Рюген, находящемся в Балтийском море в пределах ГДР. Журавли истребляют картофель, расклевывают кочаны капусты и т. д. Но уничтожать журавлей нельзя — в ГДР они находятся под охраной закона.

Мансфельд нашел простой способ — сделал из фанеры подвижные макеты лисиц, которые расставил в полях; силуэты эти хорошо отпугивают журавлей. Таким образом, не уничтожая птиц, удалось резко снизить вред, который они причиняли.

Вернемся к вопросу о степени изученности наших обычных животных. О многих из них мы смело пишем, но каждый раз, когда практика хозяйства ставит тот или иной вопрос ребром, приходится убеждаться, что знания наши еще поверхностны, недостаточны. Если изучать животное в конкретной географической среде, то обязательно сталкиваешься с такими явлениями, как годовые изменения погоды, колебания урожая кормов, и с другими условиями, играющими большую роль в жизни вида. Поэтому изучать состояние вида надо с учетом всех этих условий.

На одном из совещаний по экологии ко мне обратился большой любитель животных, ученый из Австрии с вопросом: есть ли возможность получить из СССР несколько рисей с тем, чтобы акклиматизировать их в горах Австрии! Там охраняются серны, но среди них свирепствует эпизоотия чесотки. Существует взгляд, и он вполне обоснован, что хищники очищают популяции от ослабленных, заболевших животных. Австрийский зоолог считал, что волков ввозить опасно, а рыси будут вылавливать в основном больных серн и остановят распространение чесотки. Я решил, что рисей, пожалуй, лучше всего взять из горных областей Сибири, где они чаще охотятся на копытных животных.

От распространенного ранее взгляда, что хищники только вредны, ученые начинают отходить. Все больше накапливается материала, говорящего о благотворном воздействии на популяцию отбора слабых особей, осуществляемого хищниками. Недавно были опубликованы материалы о том, что в очаге лептоспироза на озере Неро в Ярославской области луны луговые и полевые из популяции полевок-экономок вылавливали в первую очередь заболевших зверьков и тем несколько оздоровляли очаг, где часто заражались лептоспирозом и люди, особенно во время сенокоса.

Нельзя упрощенно смотреть на хищников только как на вредителей. Я не жалею заряда, чтобы сбить камышового луна, тетеревятника, перепелятника, но не трогаю сов, мелких соколов, степных орлов, соек. Они красивы, оживляют и оберегают от разных напастей наши леса, поля и степи.

Несколько слов о мало изученном у нас вопросе о защитных условиях мест обитания дичи.

Когда пересекаешь Чехословакию, классическую страну эффективного разведения куропаток, бросается в глаза пятнистость, мозаичность распределения разных угодий, обилие маленьких рощиц, лесных полос, частое чередование культур. Эта пятнистость, мозаичность в некоторых отношениях неблагоприятна для сельского хозяйства. Мы обратили внимание, что местами сильно засорены поля (это свя-

зано с обилием опушек, межами и т. п.). Мне рассказали, что сейчас, с образованием кооперативов, укрупнением массивов обрабатываемых земель, поля стали чище, но укрытий стало меньше и условия жизни куропаток ухудшились. Каков же выход из этого положения? Предполагается использовать опыт США. Там получили интересные результаты, создавая участки рослых многолетних лекарственных трав среди массивов рано созревающих зерновых. С оголенных при уборке участков выводки уходят в полосы лекарственных трав. Серые куропатки, фазаны, виргинские перепела находят в них хорошее укрытие. Важно, что дают защиту не сорняки, а ценные растения.

Из этого примера ясно, что сельское хозяйство должно учитывать интересы охотничьего хозяйства.

В связи с вопросом о защитности охотничьих угодий стоит привести еще один пример — о разорении воронами гнезд уток. В средней полосе нашей страны утки часто гнездятся на пойменных лугах. Таких чистых травостоев никогда в природе не было — народ сам расчистил эти луга, и в ряде случаев перестарался. Отдельные полосы и группы кустов в лугах

необходимы для сдерживания течения в период половодья. Там, где течение замедляется, оседают мелкие частицы плодородного ила. А когда полностью уничтожены кусты — течение увеличивается, плодородные частицы смываются, корневища кувшинок, рогоза уносятся. Все это уменьшает кормность пойменных водоемов.

Весной на скошенных лугах, только что вышедших из-под воды, бывает голо, как на ладони. Утки в этом случае вынуждены устраивать гнезда на чистых местах или под защитой кое-где оставшихся кустиков шиповника, ивы, пучков старой травы. Для ворон не составляет большого труда осмотреть эти немногие укрытия, и яйца уток становятся их легкой добычей. В озерной лесостепи Западной Сибири и Казахстана гнездится огромное количество уток и, несмотря на обилие ворон, разоренные гнезда встречаются редко — защитные условия для уток там гораздо лучше, чем на сплошь выкошенных лугах.

Для того, чтобы сохранить плодородие лугов, нужны защитные кустарниковые полосы, которые будут задерживать засорение лугов песком и обеспечат отложение наилы. Здесь в кустах и рослой траве утки будут гнездиться в лучших условиях. Это опять-таки говорит о необходимости согласованности интересов разных отраслей хозяйства.

Из ряда областей поступают сведения об истреблении гнезд глухаря во время массовой подсочки сосны. Сборщики живицы ежедневно подходят к каждой сосне, а именно в светлых борах, где рано образуются проталины, часто гнездится глухарь. Если подсочку ведут во всем массиве бора, большинство гнезд оказывается уничтоженным.

Там, где ветви после рубки сжигают весной, все гнезда тетеревиньи, расположенные под валежником, погибают.

Ясно, что необходимо четко согласовать проведение лесохозяйственных работ с интересами охотничьего хозяйства. Работники лесничеств должны вести учет промысловой фауны и обеспечивать ее охрану, как это практиковалось у нас многие годы тому назад.

Каков же вывод из всего сказанного выше? Дело охраны и воспроизводства ресурсов промысловых животных нельзя вести кустарно, без серьезной научной базы и без четкой согласованности с задачами других отраслей хозяйства в охотничьих угодьях.

Частицы русской истории и пейзажа

Неотъемлемой частью культуры любого государства, любого народа является фольклор. Это в полной мере относится и к культуре России, в основе, в «фундаменте» словесности которой покоятся мощный пласт народных преданий, сказов, былин, сказок, бывальщин и небывальщин.

Это и «Сказания Русского Народа» Ивана Сахарова (1841 г.), и ставший «классикой» корпус «народных русских сказок», собранных историком литературы и теоретиком фольклора Александром Афанасьевым (1826–1871); и свод обрядов, преданий, поэзии русского народа, составленный Михаилом Забылиным (1880); и уральские Сказы Павла Бажова (1939) с Хозяйкой Медной Горы, с Огневушкой-Поскашкой, с Великим Полозом; и поморское были и сказания Бориса Шергина (1924–1957), и «бухтины» вологодские Василия Белова (1969); и архангелогородские «бывальщины» и «небывальщины» Степана Писахова.

Чудесный писатель-сказочник Степан Григорьевич Писахов, собиратель фольклора Русского Севера, в

двадцатые годы прошлого века опубликовал сборники архангелогородских и поморских «бывальщин»

и «небывальщин» — «Морожены песни», «Ледяна колокольня» и др. (по замечательным фольклорным миниатюрам Писахова был создан удивительно тёплый мультфильм, прекрасно озвученный Евгением Леоновым). В миниатюре Писахова «Не любо — не слушай» приезжают в наши северные российские края пингвины:

«Про наша Архангельский край столько всякой неправды да напраслины говорят, что придумал я сказать все, как есть у нас. Всю сушу правду, что ни скажу — все правда. Кругом земляки, сорвать не дадут. .../

Пингвины у нас хоть и не водятся, но приезжают на заработки, с шарманкой ходят да с бубном, а ины облизьяной одеваются, всяки штуки представляют, .../ ну, да мы не привередливы, на хоть и не всамделишна облизьянами, лишь бы смешно было».

Может быть, вот такой пингвин, одетый обезьянкой, и встретился как-то мне в северных лесах... Ведь чего только в жизни не бывает...

О. ЧУГУНИХИН
Фото автора

Валентину Сергеевичу ПАЖЕТНОВУ — 75 лет!

В стране иногда рождаются удивительно одаренные люди! Такое произошло и в г. Каменске Ростовской области, где в июне 1936 г. родился юбиляр. С 15 лет начал работать на заводе, стремительно овладевая разными специальностями. Три года службы на Дальнем Востоке. Окончив службу в армии, солдаты обычно стремятся скорее вернуться домой, а Валентин просит опытного охотника А.М. Торопова взять его в тайгу и проходит там «самую главную школу, оставившую в сознании неписаные руководства для всей моей последующей жизни в лесу».

При встрече Нового 1959 г. дед Мороз подарил Валентину встречу со Светланой. В марте они поженились, а уже в июне с одним чемоданчиком едут в село Ярцево Красноярского края. Валентин стал штатным охотником Ярцевского коопзверопромхоза, Светлана устроилась на работу в портовую столовую. Четыре года сложной, напряженной, иногда смертельно опасной, но в целом счастливой жизни. В 1963 г. Пажетновы с двумя детьми вернулись в Ростовскую область, в крупный и богатый совхоз «Тарасовский». Валентин Сергеевич работает в механических мастерских, учится в вечерней школе, в 1965 г. поступает во ВСХИ-ЗО на отделение «охотоведение». Светлана Ивановна — воспитатель в детском саду. Нормальная обустроенная жизнь, в семье впервые появился достаток, который вскоре опять пропадет лет на 25. Причина известна: «не отпускала томная тоска по таежной воле». С января 1970 г. и по сей день Валентин Сергеевич работает в Центрально-Лесном заповеднике (Тверская область). Начальник охранной зоны, и.о. директора с последующим переводом в научный отдел для изучения бурого медведя. Знакомство 40 лет назад с лауреатом Ленинской премии Л.В. Крушинским определило научное направление и качество работы юбиляра. Тогда Леонид Викторович заведовал Лабораторией физиологии и генетики поведения на кафедре высшей нервной деятельности МГУ, а с 1981 г. был заведующим этой кафедрой до смерти в 1984 г. При одной из встреч Л.В. Крушинский предложил Валентину Сергеевичу

проводить эксперимент, суть которого — стать «медведицей» для медвежат-сирот и изучать формирование их поведения в естественных условиях. Это было блестательно исполнено и продолжается сейчас. За долгие годы Валентин Сергеевич с женой и сыном вырастили и выпустили в природу более 160 осиротевших медвежат, включая и родившихся в зоопарках. Итогами работы семьи Пажетновых стала отшлифованная «Методика по выращиванию медвежат-сирот» и понимание важности генетической программы как основы формирования поведения медвежат.

Валентин Сергеевич с детства «безнадежно болен рыбалкой». Основной объект ловли 15—50-граммовая плотва. Наблюдать с какой увлеченностью и ловкостью он это делает, слушать его комментарии, когда какой-нибудь окунек незаметно запутает его удочки, редкое удовольствие.

Итоги жизненного пути В.С. Пажетнова очень впечатляют. Его друзья — работники районной библиотеки — подсчитали количество специальностей и ремесел, которыми он владеет на высоком уровне. Пока остановились на цифре 70 (семьдесят)!!! Без этого значительная часть выполненных им научных исследований была бы невозможна. Чего стоит только опыт охотника-промысловика в многосугодичных походах с медвежатами по угодьям. Багаж его знаний и умений, бескорыстие всегда вызывают уважение местных жителей и встречающихся с ним людей.

Валентин Сергеевич даже с семьёй (!) стендами в сердце спит 4—5 часов в сутки. Его мысли и дела направлены на два вида деятельности: на созидание и украшение! О нем у нас и за рубежом написано множество статей, снято несколько фильмов. Самим Валентином Сергеевичем о любимых, как он их называет, медведиках написаны три книги и десятки статей, замечательная книга «Моя жизнь в лесу и дома», две книги сказок!

Доктор биологических наук, заслуженный эколог России, ведущий специалист в мире по поведению бурого медведя. Им создана биостанция «Чистый лес», где проводятся научные работы мирового уровня не только по медведю, построен музей медведя, совместно с географом Т.М. Кирилловой и профессором из Твери В.М. Воробьевым 14 лет назад создан экологический летний лагерь для детей. Валентин Сергеевич — почетный гражданин Торопецкого района Тверской области!

В январе 2011 г. Валентин Сергеевич рассказывал о своей работе на расширенном заседании секции охотоведения в Центральном доме учёных. Хорошо знающий его почти 40 лет В.М. Песков на этом заседании выступил с инициативой выдвижения Валентина Сергеевича на соискание премии Правительства России, что единодушно было поддержано присутствующими! От имени большого круга друзей жалела Валентина Сергеевича долгих творческих лет на благо России!

Виктор БОЛОГОВ

Уважаемые авторы!

Ваши статьи должны быть напечатаны на компьютере или машинке. Просим указывать свой почтовый и электронный адреса, контактный телефон. Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Черношейная поганка и речная крачка

В. ЕРОХИН. Фото автора

Черношейная поганка довольно широко распространена в европейской части России, но обычна лишь в местах с подходящими биотопами — мелководными водоемами с густой надводной растительностью. Прилетает в среднюю полосу обычно в начале мая — после вскрытия водоемов. Гнездится отдельными парами, но в колониях чайковых птиц может образовывать небольшие поселения из нескольких пар. Гнездо строится из частей водных растений, собираемых в основном со дна водоема. Оно располагается на воде среди надводной растительности.

К середине мая в гнезде уже обычно бывает полная кладка — чаще всего из четырех чисто-белых яиц. Но по мере насиживания яйца приобретают буровато-оливковый цвет. Это связано с

особенностью поганок, покидая гнездо, накрывать кладку гнездовым материалом из водных растений, которые и окрашивают яйца. Вылупившиеся птенцы, обсохнув, уже готовы следовать за родителями, они хорошо плавают, а через два-три дня способны и нырять. Все поганки — отличные ныряльщики. Свой корм они добывают под водой, ловя мальков рыб и водных насекомых. Покидают наши водоемы они в начале сентября.

Речная крачка, пожалуй, самая обычная и многочисленная из всех видов наших крачек. Она широко распространена в России. Как и все другие виды крачек, гнездится колониями, которые могут насчитывать от нескольких пар до сотен птиц. Крачки гнездятся на самых различных водоемах — от рек и озер до прудов и даже луж в поймах рек. Наиболее охотно они занимают различные островки, на которых их гнезда находятся в относительной безопасности.

Кладки у речных крачек появляются в конце мая — начале июня, содержат обычно три яйца беловатого фона с черными пятнышками. Насиживание длится около трех недель. Кормятся они мальками рыб, головастиками, водными насекомыми и этим же выкармливают своих птенцов. Охотясь, крачки с воздуха высматривают на поверхности воды свою добычу и пикируют на нее с лета. В месячном возрасте птенцы уже полностью оперяются и начинают летать. И вскоре после этого покидают гнездовые места и кочуют по различным водоемам в поисках наиболее коренных мест. В первой половине сентября речные крачки улетают от нас на зимовку.

Об английском сеттере... и не только

О. ОБУХОВ

Эдуард Лаверак. 1797—1877

Двадцать лет назад по инициативе секции любителей английских сеттеров отмечался 100-летний юбилей этой породы в России. Польза юбилеев состоит в том, что они представляют собой определенные вехи в истории. Наверное, естественно, что в такие моменты мы, еще раз вспоминая всю прошедшую историю, можем внести определенную ясность в суть процесса, историю которого мы вспоминаем.

Отмечая в 2011 году 120-летний юбилей английского сеттера в России, мы с такими же основаниями и с таким же успехом можем говорить и о том, что будем отмечать 120-летний юбилей английского сеттера и в Англии, и вообще где угодно в мире, потому что мы отмечаем юбилей даты утверждения одной из редакций стандарта породы английских сеттеров. Стого говоря, различные редакции стандарта породы существовали и до 1891 года, и после этой даты принимались различные национальные и международные стандарты. Однако это не может быть основанием для того, чтобы еще раз не вспомнить и не поговорить об истории замечательной породы охотничьих собак, истории, в которую и российские охотники и собаководы вписали немало важных страниц! Будем считать, что вопрос об определении точной даты появления английского сеттера в России открыт и ждет еще своего пытливого исследователя!

Мы же здесь отметим лишь то, что произошло это задолго до 1891 года. И в качестве примера, подтверждающего такую точку зрения, приведем всего лишь одну историю о том, как в

России в 1880 году два генерала менялись собаками. Генерал В.И. Асташев променял генералу В.Р. Дицу кровного выписного льюэллин-сеттера на полукровного пойнтера.

Что же это за льюэллин-сеттер и о чем, собственно, идет речь? Давайте теперь очень кратко рассмотрим историю сеттера.

За начало отсчета истории пород сеттеров (английского, в том числе) можно принять дату проведения первой выставки собак, на которой они были разделены и экспонировались отдельно по породам. Известно, что первая такая выставка была проведена в Англии в 1859 году в Ньюкастле. Поскольку сама по себе дата начала отсчета для нас совершенно никакого принципиального значения не имеет, а во всем мире принято историю кинологии делить на "довоиставочный" период и "послевыставочный" и при этом ориентироваться именно на выставку 1859 года, я не вижу причин, по которым мы не можем поступить точно также.

Итак, 1859 год, ноябрь, Ньюкастл, Англия. Выставка собак. Все сеттеры ходят в одном ринге и все они английские — никакого разделения даже по названиям нет, а что же было до 1859 года?

Я уже упоминал о том, что в «довоиставочный» период в «туманном Альбиона» существовало довольно много разнообразных длинношерстных вислоухих собак, использовавшихся для охоты по пернатой дичи. Среди них в отдельную «породу» выделялись собаки, способные замирать перед найденной птицей. За такую особенность своего поведения «порода» эта получила название сеттер. Собаки этой «породы» были очень популярны среди охотников и мы можем сказать, что на Британских островах еще задолго до официального разделения сеттеров на породы существовало достаточное количество питомников, ведущих в большей или меньшей чистоте свои «породы».

Типичный «Русский сеттер»

Порсделл Льюэллин. 1840—1925

Среди заводчиков и охотников было много любителей крапчатых (разных цветов крапа) и пегих в крапе (также разных цветов) сеттеров. Впрочем, имелось и большое количество почитателей сеттеров и других разновидностей («пород»).

Среди заводчиков сеттеров тех времён оказались такие, которым удалось добиться колоссальных успехов в отношении константности своих собак.

Одним из них был эскуайр из Шропшира Эдуард Лаверак (Edward Laverack, 1797—1877). Свою самостоятельную жизнь Лаверак начал с того, что вынужден был зарабатывать на жизнь своим собственным трудом. Надо полагать, что в те времена он мог охотиться и заниматься разведением охотничьих собак только в самых розовых своих мечтах. Однако полученное наследство, сняв материальные проблемы (появилась возможность не только организовать свой собственный питомник, но и арендовать довольно большие участки охотничьих угодий в Уэльсе, Англии, Шотландии и Ирландии), позволило ему целиком отдаваться любимому увлечению. Будучи страстным охотником и весьма недурным (если судить по приводимым им же в его книге результатам некоторых охот) стрелком, Лаверак потратил немало времени, прежде чем сумел найти собак, которые отвечали бы не только его эстетическим вкусам, но и полностью соответствовали его представлениям о практическом применении подружейных собак на охоте. Раз уж я заговорил о книге Лаверака, то скажу, что речь идет о его труде «Сеттер», в котором он очень подробно описал свою работу по выведению собак собственной породы. В этой книге Лаверак дал довольно пол-

ный обзор пород подружейных собак, которые существовали к тому моменту, когда он начинал свою работу. Здесь интересно отметить, что в своем обзоре Лаверак вслед за валлийскими сеттерами переходит к рассмотрению особенностей породы "Русского сеттера". (А выглядел этот самый "русский сеттер" в соответствии с представлениями Стоунхенджа (Stonehenge) так, как показано на рисунке.)

В подстрочном примечании в русском издании книги Лаверака И.Я. Задельский пишет, что "никакого "Русского сеттера" никогда в России не было и нет". Позволю и себе высказаться по этому вопросу. Прежде всего мне представляется совершенно невероятной ситуация, когда миграция собак, если так можно выразиться, по планете идет только в одном направлении. Да и подстрочное примечание на следующей странице уже не столь категорично и допускает, что "...можно предполагать, что это были наши старинные брусьбарты". Были это на самом деле брусьбарты или какие-то совершенно другие собаки, теперь уже точно не установить. Да это и не суть важно при той мешанине, из которой сеттер-то собственно и получился. Скажем здесь о том, что начало работы Лаверака по выведению собственной породы сеттеров можно отнести к 1825 году, когда им были приобретены у пастора Гаррисона первые собаки для своего питомника. Скажем также и том, что не только Лаверак в те времена занимался выведением новых пород охотничьих собак и их разведением на Британских островах. Существовало много и других питомников. Одним из таких питомников был питомник Пюрселя Льюэллина, эсквайра из Лестершира (R. LL. Purcell Llewellyn 1840—1925).

Собак именно этого питомника, славившихся как непревзойденные полевики, и стали называть ллюэллин-сеттерами.

К большому сожалению, в рамках журнальной статьи нет возможности рассказать даже очень кратко обо всех питомниках (как в России, так и за ее пределами), в которых на рубеже 19 и 20 веков велась очень интенсивная работа с породой английских сеттеров. Даже простое перечисление таких центров собаководства заняло бы, по-моему, не одну страницу текста... Да и нет сейчас особой необходимости в таком перечислении. Здесь будет достаточно сказать, что как в России, так и за ее пределами на рубеже прошлого и позапрошлого веков среди питомников английских сеттеров (как, впрочем, и собак других пород) наметилось заметное разделение на питомники, в которых разводили животных исключительно выставочного направления и на питомники, в которых больше внимания уделяли не экстерьеру, а рабочим качествам собак. Интересно отметить одно забавное совпадение. В 1915 году в Англии на выставках, среди английских сеттеров, резко выдвинулось по-

томство Mallwyd-Albert'a, собаки из питомника Г. Стидмана, который занимался разведением английских сеттеров выставочного направления, особенно среди молодёжи. Примерно в то же время в России начала входить звезда другого Альберта — собаки из питомника известного российского заводчика Ивана Ивановича Алфузова.

Надо сказать, что И.И. Алфузов, как и подавляющее большинство российских заводчиков, старался получить собак, сочетающих в себе прекрасные выставочные качества с незаурядными полевыми рабочими достоинствами. При этом он мог позволить себе не считаться с материальными затратами. Доказательством тому могут служить и призы, и награды, полученные собаками завода Алфузова, и тот факт, что фотография Альберта помещалась в каталогах российских выставок охотничьих собак вплоть до второй половины 20 века!!!

История нашей страны на протяжении последних 100 лет изобилует трагическими событиями, которые не могли не наложить свой отпечаток и на историю развития породы английских сеттеров. И здесь мы должны отдать дань уважения и вспомнить о тех людях, которые, несмотря ни на какие испытания и трудности, не прекратили заниматься любимыми собаками и сохранили для нас эту замечательную породу! Особенно бы мне хотелось остановиться на очень колоритной фигуре Якова Константиновича Орлова. Английских сеттеров Я.К. Орлов начал держать ещё до революции и в начале 90-х годов выводил на выставки своего кобеля Ивика, завода Б.В. Павлинова. Благодаря усилиям и авторитету Я.К. Орлова стало возможным возрождение славы английских сеттеров в послевоенной России! Его Пюрсель-

Абрек дал столько полевых и выставочных победителей, ставших в свою очередь основателями многочисленных племенных линий, что мы и сегодня можем не испытывать волнения за будущее породы! Много внимания Яков Константинович уделял не только ведению породы и воспитанию молодых владельцев английских сеттеров и привитию им традиций правильной охоты, но и организации кинологической работы в стране, только-только оправляющейся после страшных ран войны. Поэтому совершенно справедливо, что до сих пор самым почетным трофеем в секции любителей английских сеттеров является Приз памяти Якова Константиновича Орлова! Да, много можно было бы еще назвать и славных имен владельцев английских сеттеров и их замечательных собак...

К большому сожалению, в рамках журнальной статьи сделать это довольно проблематично. Скажу, однако, что сохранились еще документы, по которым можно установить, что Пюрсель-Абрек Орлова является потомком Роджера Дица. При этом надо отметить, что Роджер в свое время был собакой очень известной, если не сказать, знаменитой, и об этом самом Роджере писал в своих трудах еще и Л.П. Сабанеев. Поэтому позволю себе очень кратко рассказать здесь и о В.Р. Дице, и о том, что он сам говорил об этой своей собаке.

Владимир Робертович Диц родился 17 июля 1850 года в семье полицмейстера Лисинского учебного лесничества Роберта Эристовича Дица и был четвёртым ребёнком. Закончив военное училище, В.Р. Диц проявил себя грамотным и храбрым офицером. Он был награждён медалями за сербско-турецкую кампанию, серебряной медалью "За храбрость" и золотой болгар-

Альберт — английский сеттер И. И. Алфузова

В.Р. Диц —
Ловчий Е.И. Величества. 1899 г.

ской медалью. За время военной службы В.Р. Диц зарекомендовал себя и как отличный охотник. Будучи в звании прапорщика, он прикомандирован был для испытания в должность управляющего Императорской охотой.

В 1877 году, в чине штабс-капитана, В.Р. Диц увольняется с военной службы и утверждается управляющим Императорской охоты. С 1882 года должность эта носит название Ловчий Его Императорского Величества. В круг обязанностей Ловчего входило: обучение команды охотничьему делу по посовой и ружейной охоте, выездка верховых лошадей и натаска собак, наблюдение за правильным уходом и содержанием животных.

Ни сам В.Р. Диц, ни его жена не обладали каким-либо имением и жили в казённой квартире в Егерской слободе в Гатчине на 1500 рублей жалования в год.

Работу на государственной службе В.Р. Диц совмещает с большой общественной деятельностью. Так, при образовании в Петербурге ОЛПС (Общество любителей породистых собак), В.Р. Диц входит в число его организаторов, а впоследствии становится и Президентом этого общества. О том уважении и авторитете, которыми пользовался В.Р. Диц в среде петербургских любителей охотничьих собак, хорошо говорит тот факт, что он единогласно был избран судьёй на первые полевые испытания Общества, которые состоялись в августе 1888 года в Новом Петергофе. В.Р. Диц очень любил охоту с легавыми собаками и, особенно, с английскими сеттерами, заводчиком которых он и сам являлся. О его большой любви к этим собакам говорит тот факт, что, будучи уже в генеральском звании, на выставках охотничьих собак Владимир Робертович всегда водил своих собак сам, не доверяя это важное дело егерю.

По роду своей работы В.Р. Дицу приходилось вести различного рода многочисленные записи. История сохранила для нас некоторые из них. Есть среди них и относящиеся к английскому

Банкет Общества любителей породистых собак. 1913 г.

сеттерам. Я полагаю, что современному читателю будет небезынтересно с некоторыми из них познакомиться.

Так, о Роджере В.Р. Диц писал: «Первым моим английским сеттером, породу которых я держу с 1880 года, был Роджер выписан из Англии... Роджер был чёрный, жёлтоподпалый с белой проточиной на голове и шее, трёхцветный, английский сеттер, среднего роста, породы известного заводчика в Англии: Пюрселя Льюэллина. Получил я его от моего большого приятеля охотника генерала В.И. Асташева, которому купил эту собаку в Англии известный ружейный охотник англичанин Гамельтон, очень много охотившийся у нас в России вместе с Асташевым.

Получив Роджера с прекрасными отзывами, Асташев в полной надежде увидеть отличную собаку в поле, отправился с ней сейчас же на охоту. К великому его удивлению и разочарованию собака, крайне горячая и с очень быстрым поиском, наскочила на два выводка серых куропаток, чем огорчила своего нового владельца.

Я замечал не раз, что выписные собаки не сразу показывают свою чёткость, что происходит, вероятно, от перемены климата, почвы и многих других причин, это было и с Роджером, который первый год показал мало чёткости, а потом оно было очень хорошее. Мне же поиск и все приёмы в поле, равно и наружный вид этой собаки, крайне понравились.

В это время у меня была замечательно хорошая полевая собака — полукровный пойнтер, собака князя Трубецкого, которого я променял Асташеву на Роджера и никогда в последствии не сожалел об этом... Долгое время я не находил для него подходящей суки и наконец в 1885 году были получены из Англии от принца Уэльского для Императорской охоты два английских сеттера: кобель «Ролло» и сука «Молло», от последней и Роджера пошли мои собаки.

Роджер был ума выдающегося, он передавал своему потомству как полевые, так и выставочные качества. Я охотился с ним, когда ему было уже 13 лет, несмотря на то, что он был уже глух и всё-таки он вполне доставлял удовольствие своей умной, добычливой и красивой работой. Он привезён из Англии 3-х лет в 1880 году и пал 16 Декабря 1891 года...»

Много еще интересного можно было бы рассказать из истории английских сеттеров в России, но, из-за недостатка времени и места, я возвращаюсь опять во времена Я.К. Орлова.

Итак, в 1931 году произошла вязка Грумма И.А. Найдёнова и Мисс-Эвелин Б.В. Павлинова и единственный, родившийся в марте 1931 года, щенок по воле Судьбы достался Якову Константиновичу Орлову. И кличу щенку дали красивую и гордую — ПЮРСЕЛЬ-АБРЕК.

Можно, наверное, считать слово «Пюрсель» префиксом питомника английских сеттеров Б.В. Павлинова, но официально такая приставка никогда зарегистрирована не была. Просто, по словам известного московского англичанина К.Г. Горба, начиная с 1924 года Б.В. Павлинов делал такую приставку перед кличками щенков, родившихся от его сук, для того, чтобы подчеркнуть наличие у них кровей собак Пюрселя Льюэллина.

Буквально первым же своим выступлением в поле Пюрсель-Абреク доказал, что он по праву может считаться по томок знаменитых полевиков Льюэллина! А произошло это 1-го сентября 1932 года на испытаниях Московской областной испытательной станции легавых собак. Ведомый егерем Г. Голубевым, полуторагодовалый первопольный кобель зарабатывает диплом III степени с общим балом 73 при 17 баллах за чёткость.

Однако куда более показательным я считаю тот факт, что в 1934 году через

М.Б. Угримова

испытательную станцию прошли уже несколько потомков Пюрсель-Абрека! «Несколько» — это ещё очень скромно сказано. Из двадцати трёх англичан, прошедших в 1934 году через испытательную станцию, семь были потомками Пюрсель-Абрека от разных сук. При этом шесть собак из семи были дипломированы и при очень неплохих баллах. Одна из этих шести собак — первопольная Перфекта-Эрна П.И. Пахомова от Магды 6081 Мацкевича выставлялась ещё и на состязания в конце сентября, но там выступила не очень удачно. Интересно, что из шести дипломированных потомков Пюрсель-Абрека три собаки кроме полевых дипломов получили ещё и денежные премии из пяти присуждавшихся, а егеря Г.А. Алексеев получил награду в 100 руб. за ведение натасканных им собак, в том числе и за английских сеттеров.

Примечательно, что одного однопомётника упоминавшейся уже Эрны Перфекта-Орлика оставил себе сам Яков Константинович, а второго — Перфекта-Рональда взял другой известный заводчик английских сеттеров, владелец суки Магды В.В. Мацкевич. Именно эти три собаки — Орлик, Рональд и

Эрна и взяли денежные призы на испытательной станции, о которых я говорил выше.

Судьбе было угодно, чтобы карьера Пюрсель-Абрека сложилась так, что он не только затмил славу своих знаменитых предшественников — Сэр-Марса О.Ф. Аспергера и Кент-офф-Спасска П.Ф. Пупышева, но и сыграл выдающуюся роль в деле дальнейшего развития породы английских сеттеров в России. В качестве подтверждения этих слов можно привести в качестве примеров то, что потомки Пюрсель-Абрека использовались в качестве производителей и в охотниччьем обществе «Динамо», где на базе в д. Марково Владимирской обл. у известнейшего егеря и натасчика легавых Г.А. Алексеева содержался потомок Абрека кобель Арно, и в Военно-охотничьем обществе, где очень хорошо зарекомендовал себя однопомётник Арно кобель Энго.

В Московском обществе охотников и рыболовов много сил и внимания сохранению крови Пюрсель-Абрека уделяла М.Б. Угримова. От ее собак Энго 1330/а и Стэлы 1073/а (дочери Энго 597/а ЦС ВВОО) можно легко уже проследить родословные многих современных английских сеттеров московского разведения.

Говоря о сегодняшнем состоянии дел в породе английских сеттеров в России, мы можем сказать, что все усилия наших предшественников не пропали даром! Сегодня мы имеем прекрасных собак, которые самым выгодным образом сочетают в себе и прекрасный экстерьер, и замечательные рабочие качества! И произошло это во многом благодаря тому, что российские охотники и собаководы не только бережно хранят и чтят традиции своих предшественников, но и пользуются при ведении пород охотничьих собак теми же, если так можно сказать, нормативными документами. Одним из таких документов является стандарт породы, 120-летие принятия которого мы и отмечаем в этом году!

Однако, полагаю, разговор об исто-

Я.К. Орлов на выставке

рии породы охотничьих собак нельзя считать завершенным, если мы не скажем хотя бы несколько слов еще об одном важнейшем документе, без которого совершенно невозможна племенная работа. Я имею в виду Правила проведения полевых испытаний, потому что именно на полевых испытаниях выявляются и расцениваются основные присущие породам собак рабочие качества, благодаря которым настоящий охотник не представляет себе охоты без своего верного помощника и который скорее пойдет в угодья без ружья, чем без охотничьей собаки.

Полевые испытания легавых собак в России начали проводиться в 80-х годах позапрошлого века. Не вдаваясь в подробности, скажу, что в Петербурге до революции испытания проводились по так называемой английской парной системе, в Москве же испытания проводились индивидуально для каждой собаки, при этом ее рабочие качества расценивались в баллах по специальной таблице. Жизнь показала, что такая, назовем ее для определенности «московской», система проведения полевых испытаний является более эффективной. При такой системе появляется возможность сравнить полевые достоинства не только собак, которые не встречались, так сказать, в личном единоборстве, но и собак различных поколений, что, естественно, позволяет делать более обоснованные выводы о состоянии племенной работы и ее эффективности и определять направления и перспективы ведения пород охотничьих собак. Этим и следует, наверное, объяснить то, что «московская», система проведения полевых испытаний получила широкое распространение во всех, как теперь говорят, регионах и кинологических центрах дореволюционной России. Позже, в России Советской, в 1925 году на Первом Кинологическом съезде были рассмотрены, утверждены и принятые, уже в качестве официального документа, Правила полевых испытаний легавых собак, в разработке которых приняли

Роджер III английский сеттер В.Р. Дица

активное участие Р.Ф. Гернгросс и П.Ф. Пузышев. Шло время, сменялись поколения охотников, приходили и новые эксперты по охотничьему собаководству. Естественно, при этом велась работа и над содержанием стандартов пород охотничьих собак и над содержанием правил полевых испытаний. Как бы там ни было, но уже в 1959 году и Стандарты пород охотничьих собак, и Правила проведения полевых испытаний приобретают статус государственных нормативных документов и утверждаются начальником Управления по заповедникам и лесному охотничьему хозяйствам МСХ СССР! Понятно, что, обладая таким статусом, документы эти были обязательны для исполнения, в том числе и общественными организациями охотников на всей территории СССР. Естественно, что и при этом нормативы время от времени «уточнялись», пересматривались, перерабатывались и переутверждались. К счастью, переработки эти носили в основном редакционный характер и не могли серьезно влиять на организацию племенной работы с охотничьими собаками. В качестве примера можно привести такую «переработку», как изменение названия породы «английский сеттер» на «крапчатый сеттер» во времена борьбы с космополитами. В результате всех этих изменений на всей территории бывшего СССР к моменту его распада действовали стандарты охотничьих собак легавых пород и Правила полевых испытаний легавых собак, утвержденные Главным управлением по охране природы, заповедникам, лесному и охотничьему хозяйствам МСХ СССР в 1981 году. С распадом Союза не стало было единства и в кинологии. Как грибы после дождя стали образовываться различные клубы, клубики, питомники и прочие организации и объединения организаций. Из этих многочисленных организаций стали формироваться разного рода ассоциации и федерации, которые, в свою очередь, стали объединяться с мощными международными кинологическими организациями, такими, например, как FCI и IKU. Естественно, что в таких условиях при проведении различных кинологических мероприятий в нашей стране часть собаководов стала ориентироваться на нормативные документы, действующие в этих международных объединениях. Но это бы было еще полбеды. Значительно хуже то, что в таких условиях подняли голову и активизировали свою деятельность и наши доморощенные «ревизионисты» от кинологии, которым во что бы то ни стало понадобилось устраниять различного рода «несуразности» и в советских кинологических нормативах. Или же говорить здесь о том, что эти «несуразности» зачастую являются плодом чрезмерно возбужденного воображения таких ревизионистов. А неумное их желание устраниять выявленные «несуразности» при ближайшем рассмотрении объясняется банальным желанием удовлетворить свои личные амби-

ции, а не пользой дела. Вред же от разоблачающей и деструктивной деятельности таких ревизионистов, на мой взгляд, совершенно очевиден. И для того, чтобы в этом убедиться, можно рассмотреть какую-нибудь одну из предлагаемых новаций. В качестве такой, я думаю, можно рассмотреть требование обязательного испытания легавой по перемещенной птице при решении вопроса о присуждении ей полевого диплома первой степени. Всем известно, что даже в славные прошлые времена, года небо было голубее и дичи в угодьях водилось неисчислимое множество, никто не взялся бы гарантировать работу по перемещенной птице каждой заявленной на испытания собаке. А без такой гарантии и само проведение испытаний теряет всякий смысл, так как даже при очень удачном стечении всех остальных обстоятельств собака может быть не оценена по достоинству просто из-за того, что ей не досталась перемещенная птица! Да и сама по себе перемещенная птица — это та еще «вещь в себе»! Чем же эта, столь вожделенная для ревизионистов, перемещенная птица на самом деле отличается от обычной жиющей и не перемещенной птицы? Если дать себе труд хотя бы одну минутку спокойно подумать, то каждому станет совершенно ясно, что только лишь тем, что перемещенная птица абсолютно гарантированно как минимум один раз напугана или «настегана», как говорят охотники! И на что же мы можем рассчитывать, требуя от собаки обязательно отработать такую птицу? Очевидно, что только на то, что, чувствуя неослабевающую активность преследующей ее охотничьей собаки, эта птица станет более осторожной или «строгой»! А вот каким образом проявится эта осторожность — заранее могут знать только наши непогрешимые ревизионисты! Только когда они проводят экспертизу на испытаниях и состязаниях переме-

щенная, как привязанная, сидит на месте приземления, и только они в состоянии абсолютно точно в любых условиях и на любом расстоянии зафиксировать это самое место! Так и на что же мы все-таки можем рассчитывать, требуя от собаки обязательно отработать перемещенную птицу? Мне кажется, что более интересным будет поискать ответ на другие вопросы. Какова же квалификация экспертов, которые, без отработки собакой перемещенной птицы, не в состоянии определить ее полевых достоинств? Как эти эксперты будут расценивать охотничьи качества легавой на полевых испытаниях по боровой дичи? Или там тоже без срочного устранения выявленных «несуразностей» никак не обойтись..

Получается, что и по сей день солидные и серьезные охотничьи и кинологические организации, разрабатывая и утверждая Положения о проведении сколь-нибудь значимых мероприятий (будь то выставки, испытания или состязания охотничьих собак), обязательно указывают, что соответствующее мероприятие проводится в соответствии с требованиями нормативных документов в редакции 1981 года!..

Отмечая 120-летний юбилей принятия стандарта породы английский сеттер, российские охотники и собаководы демонстрируют бережное и уважительное отношение к национальному достоянию замечательных пород охотничьих собак отечественного разведения и приверженность богатейшим отечественным традициям правильной охоты и правильного собаководства!

Сообщаем, что 10 марта с.г., когда готовилась к печати данная статья, ушел из жизни один из старейших «англичанников» — Анатолий Васильевич Пицалев, материалы которого использованы при написании статьи.

При подготовке данной статьи были использованы фотоматериалы из архивов автора и А.В. Пицалева.

Английский сеттер Персистен вл. О.Ю. Обухов

Урок географии

В тот год весна в средней полосе России выдалась затяжная. В конце февраля началась оттепель, на открытых взгорках оголилась земля, зазеленела травка. Казалось, весна будет ранней. Однако сразу после масленицы похолодало. Только в последних числах апреля потекли мутные ручьи. Весеннюю охоту в тот год открыли поздно. Двое сослуживцев Петр Иванович Васенкин и Ипполит Григорьевич Стеблев махнули к общему приятелю Кринкову Дмитрию Леонидовичу на гусиную охоту. Еще зимой он их приглашал, обещал увести в места, где гусь валом прет.

К полудню сослуживцы добрались до села Терковино, где проживал Кринков. Хозяин поджидал. Встретил хлебосольно. С дороги гости перекусили, стали упрашивать Дмитрия Леонидовича доставить их на место, где гуся тьма, напомнили ему, что две ночи готовы провести на природе.

Дружно сели в машину, поехали на Дичковские поля. Километров десять пребирались по грунтовой дороге, сильно размытой вешними водами. Перед огромной лужей, похожей на озеро, остановились. Стеблев заглушил мотор, почесал затылок, коротко пробасил: "Приехали!"

Вылезли из машины, закинули за плечи тяжелые рюкзаки, взяли в руки зачехленные ружья. В поднебесье залывался жаворонок, в березовой роще трещали дрозды, из глубины поля доносились переливчатая песня большого кроншнепа, надрывно кричали в лугах чибисы. Запахи полыни, прелой листвы, зацветающей вербы веселили.

Кринков деловито огляделся, поправил съехавшую на затылок кепку, сказал: "Пошли!" Двинулись по топкой пашне в чернеющему вдали перелеску, клином вдававшемуся в поле. Шли медленно — ноги утопали в коричневом месиве.

Часа через два добрались до перелеска, тяжело дышаступили на твердую землю. Отдохнули, с устатку выпили по стопочке. Вдали показалась над полем стая гусей. Она сделала круг, опустилась на середину поля, километрах в двух от охотников.

— Сотни три будет! — сказал Васенкин.

— Это еще что. Бывает, налетит стая, глянешь вверх, неба не видно! — произнес Кринков.

— Да ну? — поправляя съехавшую на бок кепку, удивился Васенкин.

— Вот тебе и да ну! — весело крикнул Стеблев.

Кринков поднял вверх руку, призвал гостей к вниманию. Сказал, что Стеблеву следует идти к старой линии электропередач, пересекающей поле, Васенкину же посоветовал обосноваться на противоположной стороне, около небольшого озерка. Сам же Кринков выразил намеренье остаться у старой сибирской ямы, расположенной рядом

с перелеском.

И по-командирски отчеканил: "Стреляйте по гусаку, когда увидите прижатые к брюху лапы, иначе пустое дело. Сбор здесь в 23.00".

Напоследок Кринков пояснил, что расстояния между каждым из охотников будет примерно около полутора километров. "Хорошо", — уже на ходу отозвался Васенкин, быстро скрылся в перелеске. Стеблев закинул на плечо ружье, не спеша пошел к виднеющимся вдалеке столбам.

Кринков остался один. Нарубил елового лапника, сверху навалил сухих прошлогодних листьев, сел на мягкую подстилку. Солнце опустилось за перелесок, сквозь ветки слепило глаза. Кругом стоял птичий гам. Гуси перелетали с места на место вдали. Начинало свежеть, от деревьев поползли длинные тени. Кринков взял ружье, пошел к сибирской яме.

Васенкин прибежал к озерку, торопливо сел на кочку около ивового куста, зарядил стволы, стал наблюдать за гусями. Стеблев подошел к линии электропередач, огляделся, взобрался на скирду прошлогодней соломы. Гуси не приближались, дразнили охотников. Стемнело, на небе обозначились звезды. В поднебесье послышалось долгожданное "гого", гуси тронулись. Летели высоко, неторопливо, перекликаясь. Васенкин ждал.

Петру Ивановичу показалось, что теперь гуси летят ниже, и он открыл пальбу. Напарники не стреляли. Вскоре лёт прекратился. Тишину изредка нарушал раздававшийся из болота крик выпи. Васенкин пощупал патронташ, удивленно заморгал глазами: в правом отделении патронташа сиротливо торчали два патрона.

Вдали появилось пламя костра, машило к теплу. Васенкин опоздал на час. "Думали в озере утоп", — сказал Стеблев. Трофеев ни у кого не было.

Кринков пояснил: "Гусь стал хитрить, только ночью шпарит. До вашего приезда вторую неделю канонада по всей округе стоит. Распугали гусей".

Он почесал за ухом, хитро подмигнул Стеблеву, сказал: «А что нам гуси! У них и яйца вкусные, спасу нет. Видели, на середине поля вчера сидели — Оба гостя утврдительно кивнули. — Там у них гнезда. Завтра с утра обегите поле до наезжих охотников, наберите гусиных яиц. А потом из них можно и гусят вывести и яичницу сварганиить. Домашние порадуются!». Стеблев ухмыльнулся. Васенкин живо глянул Кринкову в глаза, промолчал.

Выпили, легли спать. Петр Иванович встал спозаранку, Васенкин, отхлебнув холодного чаю, огляделся, не обнаружив напарника, поинтересовался:

— Где Стеблев?
— Знамо где — на охоте, — ответил Кринков.

Васенкин торопливо натянул сапоги, схватил рюкзак, ружье, растворился в темноте.

Было прохладно, на небе блистали звезды. Он бежал в глубину поля, где вчера, по его расчетам, были гуси. Падал, поднимался, упрямо шел к светному месту, сверяя направление движения по звездам. Васенкин с детства любил астрономию.

Малая Медведица указывала ему путь. Посветлело. Васенкин остановился, внимательно осмотрел местность — показалось, что до места не дошел. В стороне послышался шум трактора. "Деревенские браконьеры прут! Надо опередить!" — заторопился Васенкин. Под ногами стали появляться птичьи перья и пух. Васенкин остановился, стал искать гнезда. Досконально обшарил каждую кочку — гнезд не было. На живые то тут, то там были видны следы чужих сапог. «Все обобрали», — подумал Васенкин. Уныло оглядев пустынное поле, направился обратно. К полудню, весь в грязи, злой, голодный и усталый, Васенкин притащился к перелеску, где ярко горел костер.

Кринков и Стеблев были на месте. Увидели приятеля, дружно поставили на землю кружки с чаем, уставились на приближающегося охотника. Лица их были серые.

Васенкин подошел к костру, тяжело опустился на корягу, припасенную на дрова. Он тяжело сопел, со лба градом катился пот. Переведя дух, зло покосился на Стеблева, сказал:

— Какая-то bestia все яйца собирает. Только перья и валяются. Опоздал!

— А ты почем знаешь? — удивленно спросил Кринков.

Васенкин налил в кружку черного, как смоль, чаю сделал два глотка, зажмурился. Отдышавшись, сказал:

— Все поле сапожищами утоптано. Поди, ты, Стеблев, вперед меня яйца собрал!

— Я в скирде спал, — ответил Стеблев. Помолчав, добавил: — Ты шутки понимаешь?

— Какие тут к черту шутки! — огрызнулся Васенкин.

— В школе по географии, небось, двойка была? — поинтересовался Кринков.

— Причем тут география? — крикнул Васенкин.

— А притом! Гуси яйца откладывают в тундре! — вытирая мокрые от смеха глаза, крикнул Стеблев.

Когда до Васенкина дошел смысл слов сослуживца, он открыл рот. Опомнившись, вскочил с коряги, грозно надвинулся на Кринкова с кулаками, выдохнул:

— Ты чего вчера наплел, паскуда?

Кринков проворно отскочил в сторону, крикнул:

— Причем тут я! В школе географию надо было учить!

Васенкин вернулся на прежнее место, вновь сел на корягу. Ситуация.

В. СЕКОВАНОВ

Американские патроны группы 7 мм

А. БЛЮМ. Фото автора

В сего в Соединённых штатах можно насчитать 12-14 патронов с диаметрами пуль 7,04-7,21мм, но популярных, под которые выпускается большое количество различного оружия, не больше 7. Вот те, о которых пойдёт речь: .270 Winchester, .270 Weatherby Magnum, .280 Remington, .284 Winchester, 7 mm Remington Magnum, 7 mm Weatherby Magnum, 7 mm-08 Remington. Но сначала следует внести ясность в наименования этих патронов. Некоторые из них в своём названии несут трёхзначные числа, вроде бы обозначающие в долях дюйма калибр, к которому относится данный патрон. На самом же деле эти числа, кроме 284, переведённые в метрическую систему, никак не попадают в истинный диаметр пули, а служат только для наименования патрона. Патроны с индексом 270 имеют диаметр пуль 7,04 мм, а все остальные, и с метрическим обозначением «7 мм», и с дюймовыми обозначениями .280 и .284—7,21 мм.

Патрон .270 Winchester.

Он был разработан в США в 1925 году на фирме Winchester под конкретную винтовку (мод. 54) с продольно-скользящим поворотным затвором. Базовой гильзой для него послужила гильза патрона .30-06, который стоял в то время на вооружении армии США. Довольно быстро патрон .270 Winchester получил распространение и в США, и в Европе. Он изначально разрабатывался как охотничий и применяется для отстрела животных весом до 200 кг. Имеет гильзу бутылочной формы с проточкой. Снаряжается экспансивными и неэспансивными пулями разных конструкций. Популярность этого патрона у охотников объясняется его широким диапазоном использо-

вания. Им отстреливают разных животных размером от лисицы до олена. Специально для стрельбы по лисице есть вариант патрона с легкой оболочечной пулей массой 6,48 г. Хорошая баллистика позволяет уверенно стрелять по этим зверям на расстояния до 200 метров. Оптимальная дистанция пристрелки 200 метров, при необходимости более дальней стрельбы оружие надо пристрелять заново. Под этот патрон выпускают карабины большинство фирм Европы и Америки: «Mauser» мод.66, 2000, «Steyr Mannlicher» мод. M, «Sauer Weatherby» мод. Europa, «Mannlicher Schonauer», «Frankonia», «Winchester» мод.70 и 770, «Remington» мод. 700 и Gamemaster и другие. Патрон выпускают в США, Швеции, Англии, Германии, Чехии, Финляндии.

Патрон .270 Weatherby Magnum.

Практически для всех патронов фирмы Weatherby прототипами стали английские патроны Holland & Holland. Не стал исключением и патрон .270 Weatherby Magnum. Он был разработан в 1943 году на основе гильзы патрона .300 Holland & Holland с опорным буртиком в основании. Назначение патрона охотничье. Его рекомендовали для охоты на животных весом до 250 кг. Снаряжается экспансивными пулями разных конструкций. Относится к патронам высокого давления. Он показывает хорошие результаты при отстрелах косуль, ланей, северного и пятнистого оленя, а также всех подвидов благородного оленя, кроме особо крупных быков марала и валдиги. Очень хорош для охоты в горах, где требуется стрельба на большие расстояния. Им можно с успехом добывать все виды горных копытных от серны до архара.

Оптимальная дистанция пристрелки 200 метров. При необходимости дальней стрельбы пристрелку нужно проводить через каждые 50 метров после двухсот. Под этот патрон фирма Weatherby изготавливает винтовки с продольно-скользящим затвором. Патрон производят в США и Швеции.

Патрон .280 Remington.

Этот патрон также как и .270 Winchester фирма Remington начала выпускать на базе гильзы патрона .30-06 Springfield с 1957 года. Он предназначен для отстрела животных весом до 250 кг. Снаряжается экспансивными пулями разных конструкций и, в частности, типами TMR и TMS. Патрон .280 Remington хорошо известен и в Европе, но наиболее популярен в США. На обоих континентах его чаще всего используют для охоты на оленей и горных животных. Он показывает хорошие результаты по убойности при отстрелах ланей, благородных и северных оленей, некрупных особей лосей. Реко-

Окончание. Начало см. № 5, 2011 г.

командуемая предельная дистанция стрельбы 350 метров, для крупных особей благородных оленей ее желательно сократить до 200. Оптимальная дистанция пристрелки – 200 метров. На большие расстояния оружие нужно пристреливать дополнительно. В США под него выпускают винтовки "Remington" мод.740 (самозарядная), а также модели 725 и 760 с продольноскользящим затвором. Патрон выпускают в США и Швеции.

Патрон .284 Winchester.

Фирма того же наименования начала его выпуск в 1963 году. Предназначен чисто для охотничьих целей. Характерной особенностью конструкции гильзы можно считать меньший диаметр фланца по сравнению с диаметром корпуса гильзы у проточки. Снаряжается экспансивными пулями разных конструкций и используется для отстрела животных весом до 200 кг. Показывает хорошие результаты при охотах на большинство видов и подвидов оленей, исключая наиболее крупные особи вапити, марала и изюбря, и, конечно, лосей. Как и другие патроны этой группы, хорошо для охоты в горах с дистанцией эффективной стрельбы до 350 м. Оптимальная дистанция пристрелки – 200 метров. Больше известен в США, чем в Европе. Фирма "Winchester" выпускает под него карабины моделей 70, 88 и 100. Фирма "Sauer" тоже выпускает винтовку мод. 99. Сам патрон производят в США и Швеции.

Патрон 7 mm Remington Magnum.

Этот патрон считается относительно молодым. Впервые он появился как разработка фирмы "Remington" 1962 году. Он предназначается для охоты на животных весом до 250 кг. Очень популярен и в США и в Европе. Относится к патронам высокого давления. Гильза имеет проточку и опорный буртик. Патрон снаряжается экспансивными пулями разных конструкций в том числе TMS, TMR и Vulkan. Он показал хорошие результаты при охотах почти на все виды охотничьих животных Северной Америки и Европы, кроме медведя, крупных лосей и особо крупных особей марала и вапити. Иногда его рекомендуют для охоты и на медведя. Нет сомнения, что наиболее тяжелая пуля этого патрона способна нанести смертельное ранение даже крупному медведю, но это не значит, что она оставит его на месте и, тем более, остановит нападающего. Медведь зверь опасный для человека и оружие при охоте на него должно быть надежным, а патрон иметь достаточную убойность и останавливающую силу. С успехом патрон 7 mm Remington Magnum применяется в горах для охоты на горных козлов и баранов, включая и самых крупных. Дистанции стрельбы до 400–450 метров. Оптимальная дистанция пристрелки 200 метров, но при необходимости дальней стрельбы оружие

нужно пристрелять на большие расстояния с интервалом между дистанциями 50 метров. Под этот патрон выпускается большое количество оружия самыми различными фирмами. В США это "Smith & Wesson" мод. A, "Weatherby" мод. Vanguard, "Ruger" мод. 70, "Remington" мод. 700 ADL, "Savage" мод. 110E и др., а в Европе – "Mauser" мод. 2000, "Mannlicher Schonauer" мод. S и др.

Патрон 7 mm Weatherby Magnum.

Был разработан на фирме Weatherby в 1944 году. Предназначен для охоты на животных весом до 250 кг. Снаряжается экспансивными пулями разных конструкций. Относится к патронам высокого давления. Размеры и форма гильзы практически одинаковы с гильзой патрона .270 Weatherby Magnum. По своим убойным качествам 7 mm Weatherby Magnum очень близок своему однофамильцу под индексом .270, но все-таки немного мощнее из-за увеличенного диаметра пули. Он очень популярен в США. С ним успешно можно охотиться на косуль, ланей, пятнистых, северных и благородных оленей, в том числе и из сибирской популяции (марал, изюбрь), но, также как и другими патронами группы 7 mm, им не рекомендуется стрелять по крупным особям лосей, так как его убойная сила для этих гигантов недостаточна. Очень хорошие результаты он показывает на горных охотах. Отличная баллистика позволяет добывать самых крупных баранов с максимальных расстояний, т.е. 400 и более метров. Оптимальная дистанция пристрелки 200 метров. При необходимости стрельбы на большие расстояния пристрелку надо проводить и на другие дистанции с интервалом 50 метров. Под патрон 7 mm Weatherby

Magnum фирма "Weatherby" выпускает винтовки с продольноскользящим затвором.

Патрон 7 mm-08 Remington Magnum.

Один из самых "молодых" патронов. Его разработали только в 1980 году на гильзе суперпопулярного в наше время патрона .308 Winchester, или 7,62x51 по-нашему. Небольшие размеры позволяют использовать его в лёгких карабинах с разными системами перезаряжания. Его снаряжают пулями от 7,7 до 10 г и применяют для охоты на животных среднего размера, в частности на оленей, косуль и горных животных. По своей баллистике он мало чем отличается от других патронов этой группы. Под этот патрон часто изготавливают облегчённое оружие специально для горных охот (Remington 700 titanium).

В заключение об этом калибре можно сказать следующее. В своё время мне довелось довольно много охотиться с тройником, нижней ствол которого был под патрон 7x57R и с карабином Weatherby под патрон 7 mm Weatherby Magnum. Особое впечатление производила прекрасная настичность траектории. Убойность тоже можно считать достаточной и по лосю, и по кабану, но останавливающее действие пули, на мой взгляд, слабое. Из примерно трёх десятков кабанов, которых мне пришлось отстрелять из карабина Weatherby 7 mm Magnum, при совершенно точном попадании "по месту", только три или четыре зверя остались на месте. Все остальные бегали! Кто 30, а кто и 150 метров. Поэтому тропить опасного подранка или скрадывать крупного зверя при большой вероятности выстрела накоротке с этим калибром я бы не рекомендовал.

Наименование патрона	Показатели							
	Тип пули	Масса пули, г	Скорость пули, м/с, на разных дистанциях, м			Энергия пули, Дж, на разных дистанциях, м		
			v0	v200	v300	E0	E200	E300
.270 Winchester	TMS	8,04	933	752	670	3656	2375	1886
	TMR	9,7	800	650	590	3104	2049	1688
	KS	9,7	895	720	638	3885	2514	1975
.270 Weatherby Magnum	TMS	8,4	1042	852	766	4560	3049	2467
	TMS	9,7	1001	824	744	4859	3294	2683
.280 Remington	TMR	9,7	905	715	640	3951	2660	1987
	TMR	10,7	859	648	558	3448	2414	1666
	Vulkan	11,0	790	631	559	3442	2191	1720
	Oryx	11,0	820	644	565	3700	2282	1756
.284 Winchester	TMS	8,1	975	—	680	3581	—	2383
	TMS	9,7	872	701	623	3688	1872	1882
7 mm Remington Magnum	TMR	9,7	949	768	686	4359	2861	2282
	TMR	10,0	970	812	740	4704	3299	2737
	Vulkan	11,0	920	744	655	4655	3047	2429
	CL	11,3	982	734	670	4296	3044	2536
7 mm Weatherby Magnum	TMS	10,0	993	833	760	4930	3473	2890
	Vulkan	11,0	945	770	690	4911	3257	2617
7 mm – 08 Remington	—	9,1	872	717	640	3530	2387	1901
	—	7,7	910	731	652	3253	2099	1670
	—	10,1	828	694	628	3533	2482	2032

Спортивный — увлекательная стрельба из охотничьих ружей

Виктор ГУРОВ. Фото автора

Все времена охотника интересовала меткая стрельба из охотничьего гладкоствольного ружья. Для этого надо, как писал С.Т. Аксаков в знаменитых «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии»: «Стрелять постоянно, стрелять как можно больше — и будешь стрелять хорошо, то есть попадать в цель метко». А меткий выстрел — украшение охоты. Но сколько же надо сжечь патронов, чтобы научиться метко стрелять? При скучности наших охотничьих угодий, на охоте этому искусству не научишься. Да и грех учиться меткой стрельбе на «братьях наших меньших». В современных условиях в приобретении навыков в стрельбе из охотничьего ружья дробью неоценимую услугу оказывают занятия на стенде. Особенно упражнение спортивный. Этот вид стрельбы наиболее близок к условиям современной охоты и позволяет им заниматься не только высококвалифицированным спортсменом, но и новичкам, людям преклонного возраста и инвалидам.

Так что же это за упражнение спортивный и откуда оно появилось? В лоне ФИТАСК на использовании некоторых полётов мишней траншейного и круглого стендов, а также введение новых и зародился такой вид популярной стрельбы дробью из гладкоствольных ружей, как спортивный. Его родоначальниками являются англичане и французы. В СССР спортивный как-то не культивировался. Евгений Петров, известнейший стендовый стрелок, завоевавший полный набор всевозможных чемпионских титулов Олимпиады, чемпионатов Мира и Европы, главный тренер сборной команды СССР по стендовой стрельбе в 1975 г. был приглашён кипрским стрелком на участие в соревнованиях по спортивному, проводимым в Андорре. Е. Петров вместе с командой из четырёх человек туда и отправился. К сожалению, эта поездка не вызвала заинтересованности у чиновников Госкомспорта в продвижении спортивного в СССР. Тем не менее, по инициативе Е. Петрова, в 1995 г. Госкомспорт РФ издал приказ №344 о признании спортивного новым видом стендовой стрельбы. Был образован «Стендовый охотничий союз», первым президентом которого избрали Е. Петрова. Стендовый охотничий союз был принят полноправным членом ФИТАСК, а Е. Петров входил в состав управления этой международной организации. Были разработаны и утверждены классификационные требования по присвоению спортивных разрядов и званий, а также правила проведения соревнований.

В 1996 г., с целью продвижения своих автомобилей на российский рынок, фирма LAND ROWER в Москве высадила целый десант, в составе которого были и спортсмены-стендовики английского клуба BBC (Военно-воздушные силы) Её Королевского Величества. На территории стрелково-стендового комплекса «Кузьминки» Центрального Совета ВОО, (Военно-охотничьего общества) В. Корзинкин, инструктор Совета ВОО вместе с англичанином Джоном установили метательные машинки и подготовили шесть площадок для компакт-спортивного.

26 сентября состоялись показательные соревнования англичан с российскими стендовиками. Сошлись две команды по 20 спортсменов с каждой стороны. В общем, стенка на стенку. Соревнования судили англичанка (леди) и двое наших судей — Стешин и Ваулин. Для российских стрелков некоторые мишени оказались весьма неожиданными. «Заяц» бегал по брустверу «траншеи», «чирики» вылетали из-за спины, а «куропатки» летели навстречу. Но российские стрелки быстро разобрались с непривычными для них полётами мишней. И большой неожиданностью для англичан стала победа российских спортсменов. Весь пьедестал почёта заняли наши стрелки — В. Коньшин 1-е, В. Корзинкин 2-е и В. Романовский 3-е места. Образно говоря — причесали чопорных англичан. Англичане за поражение, естественно,

обиделись, но после банкета их обида развеялась, как пыль от разбитой тарелочки. И они, в знак глубокого уважения и признания высокого мастерства российских стендовиков, подарили им привезённые машинки.

Соревнования 26 сентября ознаменовали собой день рождения спортивного в России и предопределили его шествие по широким просторам нашей Родины. «Эти показательные соревнования, — как потом выразился К. Рачинский, судья международной категории, — и положили начало зарождения спортивного в России».

В спортивном в России выполняют следующие упражнения:

- компакт-спортивный,
- английский спортивный,
- большой (международный) спортивный,
- дублетная стрельба,
- стрельба по пропеллерам,
- русский спортивный.

Компакт-спортивный. В первые годы, из-за отсутствия материальной базы, стрельбу этого упражнения проводили на существующих стрелковых площадках «трап» и «скит». По правилам в упражнении должно быть задействовано не менее 5—7 метательных машинок. Для того чтобы круглую площадку оборудовать для стрельбы компакт-спортивного достаточно к двум имеющимся машинкам установить ещё три, а на траншейной площадке — две, настроив их на соответствующие траек-

На стрелковом месте компакт-спортивного

Стрелковые позиции спортивного охотника

тории полёта мишеней. Значительно упрощается подготовка комбинированной площадки («скит» и «трап»). На ней достаточно установить одну дополнительную машинку для мишени «заяц». Площадка «трап» удобна ещё и тем, что её стрелковые номера полностью соответствуют требованиям компакт-спортивного охотника: размер 1×1 м, расстояние между ними 3–5 м. Каждый номер оборудуется рамкой-ограничителем, исключающей повороты ружья в опасных направлениях. Машинки обозначаются буквами А, В, С, Д, Е и т. д. При составлении программы эти буквенные обозначения вносятся в таблицы соревнований, используемые стрелками и судьями в качестве нот.

Траектории полётов мишеней должны быть максимально разнообразными и включать в себя траектории двух типов: обязательные и произвольные. К первым относятся: 1 траектория слева направо; 1 траектория справа налево; 1 (максимум две) прямая угольная. Произвольные выбираются организациями соревнований в соответствии с рельефом местности. Стрелок, в случае промаха, имеет право произвести по мишени второй выстрел. Относительная несложность полётов тарелочек привлекает широкий круг любителей компакт-спортивного охотника, и он доступен стрелкам с разным уровнем стрелковой подготовки.

Английский спортивный охотник. В Англии под эгидой «Ассоциации стрельбы по спортивным мишеням Великобритании» были упрощены правила для спортивного охотника. Это позволило организовывать и проводить соревнования при самых разнообразных вариантах полётов мишеней с учётом рельефа местности и создавать условия стрельбы, близкие к охоте на куропаток, фазанов, уток и зайцев. Для проведения соревнований оборудуется от 10 до 15 стрелковых позиций.

ковых позиций с двумя метательными машинками. Количество мишеней, по-данных с одной позиции, не более 10, меньше можно. Стандартных мишеней должно быть не менее 70%, а дублеты от общего числа мишеней составляют около 40%. Количество мишеней, принимаемых стрелком определяется программой соревнований. К примеру, стрелок принимает 100 мишеней, тогда должно быть оборудовано не менее 10 стрелковых позиций и на каждую составляется карточка-протокол. Стрелок приобретает 10 карточек-протоколов и в определённое программой время (например, с 10.00 до 18.00) волен по своему усмотрению выбирать время и стрелковую позицию. Отстреляв-

шись на всех стрелковых позициях и будучи неудовлетворённым своим результатом, спортсмен, проплатив новые 10 карточек-протоколов, может повторить стрельбу. Ему засчитывается лучший результат. Своей демократичностью и простотой английский спортивный охотник завоевал большую популярность в мире. Он доступен охотникам и спортсменам всех возрастов, а также и инвалидам.

Большой (международный) спортивный охотник. Большой спортивный охотник предполагает значительную территорию с пересечённым рельефом. Его ещё называют «маршрутом охоты», «тропой охоты», а в Англии — «супер-спортивный охотник». Большой спортивный охотник — самый разнообразный по траекториям полёта мишеней и сложности стрельбы по ним. Например, по мишени бату. Вроде бы размеры бату практически не уступают стандартной мишени (106,5 мм против 110 мм в диаметре). Всё коварство бату таится в её низком профиле (6,4 мм против 10,8 у стандартной) и в способности на излёте неожиданно увеличивать скорость полёта. Когда мишень вылетает, то на начальном участке её просто не видно. В лучшем случае спортсмен видит её боковую грань. Сложность стрельбы бату состоит в том, что она летит не по прямой траектории. Она может быть ветреной или угольной. Мишень, делая виражи, создаёт у стрелка чувство «реальной охоты». Стрелок зачастую не видит вылета мишени (кусты, деревья, складки местности), что в значительной мере усложняет стрельбу. «Охотнику» необходимо умение распределять свои силы на стрельбу и прохождение всей «охотничьей тропы».

Для проведения соревнований по большому спортивному охотнику намечаются маршруты, на каждом из которых оборудуются по четыре стрелковых площадок.

Стендовая площадка нередко используется для спортивного охотника

ки. Маршруту присваивается буквенный индекс, например Д, а площадкам тот же индекс с добавлением порядкового номера — Д1, Д2, Д3 и Д4. На каждом маршруте спортсмен отстреливает серию из 25 мишеней с четырёх площадок. Например, маршрут Д:

на площадке Д1 — 7 мишеней (5 одиночных и один дублет);

на площадке Д2 — 6 мишеней (4 одиночных и один дублет);

на площадке Д3 — 6 мишеней (4 одиночных и один дублет);

на площадке Д4 — 6 мишеней (4 одиночных и один дублет).

В большом спортиве выполняются дублеты: сигнальный — две мишины, поданные одной или двумя разными машинками. При этом первая подаётся по команде стрелка, а вторая в промежутке от 0 до 3 секунд, после того, как была принятая первая мишень; синхронный дублет — две мишины, выпущенные одновременно, которые обстреливаются в любой последовательности; интервальный дублет — две мишины, поданные одной метательной машинкой по одной траектории. Команду на подачу первой мишени даёт стрелок, а время подачи второй задано программой. На прохождение одного маршрута команда из 6 стрелков затрачивает не менее часа. Общая длина «охотничьей тропы» (протяжённость всех маршрутов) может быть более одного километра. Рельеф местности на маршрутах бывает довольно сложный. Спортсмену приходится стрелять по тарелочкам, летящим из-за горы, на «брейющем полёте», над водой или стоя над обрывом по мелькающим где-то на глубине 10—15 м «куропаткам», а «заяц» скакет между кустами как настоящий.

Большой спортив — это серьёзное испытание для спортсмена. Судить об этом можно на таком примере. Программа включает 100 мишеней. В компакт-спортиве в упражнениях «трап» и «скит» спортсмен делает четыре старта и принимает каждый раз по 25 мишеней. А в большом спортиве, чтобы отстрелять серию из 25 мишеней, ему надо стартовать четырежды и всё на разных площадках. 100 мишеней — 16 выходов! И всякий раз надо настраиваться на стрельбу. Это, по признанию специалистов, уже высший пилотаж. Как говорит англичанин Филипп Торрольд, один из самых знаменитых и титулованных спортивистов: «Прежде всего стрелок должен думать. Техника стрельбы, стойка, оружие — это всё вторично. Стрелок должен точно знать, в какую точку выстрелить, чтобы поразить мишень». Поэтому большой спортив начинающим стрелкам не рекомендуется.

Дублетная стрельба. У читателя может возникнуть вопрос: «А в чём, собственно, заключается отличие большого спортивного от дублетной стрельбы?» Да. В большом спортиве есть сочетание стрельбы по одиночным мишеням с дублетами. А в дублетной стрельбе только дублеты. На площадках большого спортивного по одиночной миши-

и в случае промаха стрелок может стрелять по ней вторым патроном, а на дублетной стрельбе спортсмен на каждую мишень может потратить только один патрон. Поэтому-то в дублетной стрельбе ответственность за выстрел очень высока. Шесть тарелочек — три дублета. Всего шесть выстрелов!

Стрельба по пропеллерам. В спортиве есть одно очень интересное упражнение — стрельба по мишеням-пропеллерам. Главное отличие этого упражнения от других — неожиданная траектория полёта мишени и неизвестная последовательность их запуска. Стрельба ведётся со стрелкового номера, оборудованного рамкой-ограничителем. От стрелкового места на расстоянии 25—30 м устанавливаются метательные машинки, за ними в 20 м ограждение из сетки высотой около 0,8 м, выкрашенной в жёлтый цвет. Сетка играет роль «строгого контролёра»: если битая мишень падает, не перелетев ограждение, стрелок получает два очка, если же «перевалила» через него, то одно очко.

Метательная машинка представляет собой станину, на которой установлен электромотор с насадкой для мишины. Машина со стороны стрелка прикрыта металлическим щитком. Насадка, вращаясь в горизонтальной и вертикальной плоскостях, придаёт пропеллерам различные направления полёта: боковые, круто уходящие в небо, удаляющиеся с небольшим подъёмом и виражами или стелющиеся над самой землёй. Подача мишени осуществляется с пульта, в него заложена программа последовательности их запуска, о которой не знают даже оператор и судья на площадке.

Мишень представляет собой пропеллер размером 28 см. Сам пропеллер

оранжевого цвета, внутри него закреплена тарелочка белого цвета диаметром 10,3 см и высотой 2,5 см. Пропеллер и тарелочка изготовлены из хрупкой пластмассы. У нас, к сожалению, пока не выпускают необходимое оборудование, и спортивные клубы приобретают метательные машинки испанской фирмы «Кромсон», мишины-пропеллеры итальянского или китайского производства.

«Русский спортив». Национальное «изобретение». Это упражнение как раз для охотников, не желающих в межсезонье растерять свои стрелковые навыки. Я не раз принимал участие в таких соревнованиях. Они носят названия (в зависимости от сезона) «Весенняя охота» или «Осенняя охота», систематически проводятся на стрелковом комплексе «Лисья нора». Охотник может «поохотиться» как на отдельные виды дичи (вальдшнеп на тяге, гуси на пролёте, тетерев, фазан, голубь, утки, болотная дичь, шотландские куропатки, заяц), так и пройти весь охотничий маршрут. Маршрут проходит по угодьям, где на пути охотника встречаются куртики с камышом и кустарником, болотца и маленькие озёрки, с которых взлетают «утки», срываются «куропатки» и «бекасы», или круто поднимается «фазан». Перед вылетом «дичи» включается магнитофонная запись, имитирующая кряканье утки, хлопанье крыльев или кудахтанье «фазана». А появление «зайца» сопровождается голосом собаки, преследующей его. В упражнении «Весенняя охота» тарелочки, изображающие самку и самца, вылетают парой. Они окрашены в разные цвета. Например, селезня или тетерева изображает мишень оранжевого цвета. Охотник предупреждается, что в случае поражения «самки», ему не только не засчитывается попадание, но и налагается штраф. С его результата снимается мишень.

Спортсменам на соревнованиях по спортиву разрешается применять все системы гладкоствольных ружей, калибр которых не превышает 12-го, с минимальной длиной стволов 660 мм. Навеска дробового снаряда не должна превышать 28 г, диаметр дробин от 2-х до 2,5 мм. Запрещается использовать патроны, снаряженные дымным порохом, и трассирующие. Положение ружья в упражнениях компакт-спортив, английский спортив и русский спортив по выбору стреляющего, а в большом спортиве до появления мишени нельзя поднимать приклад выше контрольной линии, отмечаемой у стрелка на куртке и расположенной на 25 см ниже средней линии плеча.

За прошедшие 14 лет спортив в нашей стране, хотя они и пришёл к нам из-за рубежа, приобрёл чисто российские черты. За этот короткий период в России была создана учебно-тренировочная база, позволяющая готовить спортсменов и проводить чемпионаты Мира и Европы. Например, такие, как стрелковые комплексы мирового уровня — в Одинцовском районе «Спортив-

Машина с мишенью «пропеллер»

Клуб «Москва», в Дмитровском — знаменитая «Лисья нора» и «Бисерово-Спортинг», что в 15 км от МКАД по Горьковскому шоссе. Уже 120 спортсменам присвоено звание мастер спорта. Мы гордимся нашими чемпионами В. Коньшиным, С. Александровым, В. Саламатиным и Инной Котовой (Александровой). Радуют своими успехами М. и В. Николаевы (отец и сын), Ю. Баскакова, М. Богуславская, О. Букина, А. Мещерякова, Н. Колячко и юниор Д. Полегешко. Но на достигнутом нашим тренерам и спортсменам останавливаться не следует. Соперники не дремлют.

И в заключение. Некоторые охотники считают стендовую стрельбу «потехой» для богатых. Мне, мол, она ни к чему. Я и так хорошо стреляю. Пусть ею занимаются спортсмены. Им надо рекорды ставить. Не спорю. Есть весьма талантливые в стрельбе охотники. Возьмём промысловика. Он в тайге один и может встретиться с хищным и весьма агрессивным зверем. Вот тут-то ему и потребуется хладнокровие и мастерское владение оружием. Но речь идёт о любителях. Я мастер спорта по стендовой стрельбе, много охочусь, работал охотведом и на своей охотничьей тропе повидал стрелков всяких. Кто из нас на задаваемый вопрос, как поохотился, не слышал в ответ: «Хорошо пострелял. Сбили 10 уток. Правда, нашёл только две». Этого десятка хватило бы для охоты двух подготовленных охотников. А он один загубил 8 птиц. Ни себе, ни людям.

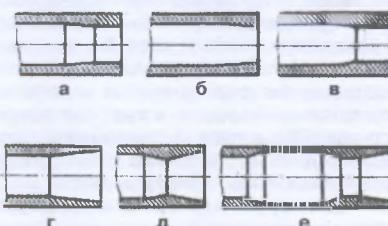
Беседуя с руководителями охотхозяйств, я не раз слышал их сетования на плохую стрелковую подготовку охотников в охоте на копытных. Много промахов и недобранных подранков. Хозяйства несут убытки и охотники тоже. Вот последний пример. Охота на лося. На линии стрелков раз за разом гремят 5 выстрелов. На соседние номера выходят 2 лося. Но охотники не стреляют. Проинструктированы. В случае двух выстрелов на номере, другие не имеют права стрелять. А «карабинер» настrelялся. 5 выстрелов и все мимо. Вот по этим причинам и возникает необходимость заниматься стендовой стрельбой, где для этого есть возможности. Спорт этот затратный. Но как будут радовать вас меткие выстрелы на охоте.

А статью хочу закончить словами английского оружейника В. Гринера: «Чем раньше мальчику даётся в руки ружьё, тем лучше. Лучшие охотники выходят из тех, кто начинает стрелять с малых лет. Они прочно усваивают необходимую осторожность в обращении с огнестрельным оружием, и с ними редко случается то, что сплошь и рядом слышно о дилетантах средних лет, нередко не умеющих носить заряженного ружья...»

Консультации охотоведа А. Блюма

К нам в редакцию пришло письмо из с. Арефино Нижегородской области от Бухтатова Вениамина Романовича, в котором он просит помочь разобраться в следующем вопросе. Наш читатель в ноябре 2010 года в магазине приобрёл новое ружьё МР 18М-М 16 калибра. При пробной стрельбе из нового ружья патронами «Феттер» (дробь № 1) результаты по кучности были примерно в два раза хуже, чем из ствола с чоковым сужением ружья ТОЗ 63 теми же патронами, резкость тоже была хуже. Пытаясь найти причину плохого боя МР 18, автор письма определил, что дульное сужение левого ствола «тулки» начинается в 45 мм от дульного среза, а правого — в 40. Тогда как у «ижевки» чок гораздо короче — всего-то 14 мм. Г-н Бухтатов задаёт вопрос, такое короткое дульное сужение — это что, результат какого-нибудь эксперимента или тривиальный брак. И не в нём ли кроется причина плохого боя?

Для начала покажем несколько конструкций дульных устройств, наиболее часто используемых в стволах гладкоствольных ружей. И обратим особое внимание на позицию под буквой «б» — параболический чок. Как видим, судя по рисунку, это самая короткая конструкция из показанных здесь.

Типы дульных устройств:

- а — конический чок с направляющим цилиндром;
- б — параболический чок без направляющего цилиндра;
- в — параболический чок с направляющим цилиндром;
- г — коническое расширение;
- д — сопловой растрub;
- е — чок с преддульным расширением

Что же касается короткого параболического чока, то вот что пишет о нём С.А. Бутурлин в своей книге «Дробовое ружьё». «Великолепные результаты даёт чок Паркера — параболическое сужение без цилиндра у вылета, но он скорее расстреливается и хорошо в особенно массивных в дуле стволах». Мне кажется, что дульное устрой-

ство ружья МР18М-М и относится к параболическому чоку, а так как оно многократно не только испытано, но и многие годы находит применение при конструировании стволов гладкоствольных ружей, то винить его в отрицательном влиянии на качество боя не следует. И положительно, и отрицательно влиять на бой могут разные причины. К сожалению, далеко не всегда случается так, что первый же выстрел из нового ружья патрон показывает прекрасный результат, обычно подбор патрона кропотливое и не-скорое занятие.

Но что бы я рекомендовал в первую очередь обратить внимание при поиске причины плохого боя: первое — это осмотр ствола, и, второе, снаряжение патрона именно для данного ружья с учётом размера канала ствола, внутреннего диаметра гильзы и соответствия пыжей этим размерам. Я не случайно на первое место поставил осмотр ствола, в моей практике были несколько случаев, когда новые ружья постоянно «живили» и давали плохую осьль именно по причине плохого качества ствола. Сверловку необходимо проверить по теневым кольцам или по теневым фигурам. Если со стволом всё в порядке, следует заняться патронами и самое пристальное внимание обратить на пороховые пыжи и прокладки. В начале XX века Гражданский инженер (псевдоним), автор книги «Современное охотничье оружие», писал: «Свойства, материал и размеры пороховой пыжи имеют сильное влияние на резкость боя... Как бы ни были хороши ружья, гильзы, порох и пистоны, при скверных пыжах хорошего боя ожидать нельзя...». Необходимо следить за тем, чтобы пыжи и прокладки шли в гильзу плотно, с натягом; если они входят в гильзу свободно, то ждать хорошего боя ни по резкости, ни по кучности не приходится.

Но бывает, и совсем не редко, что внутренний диаметр гильзы оказывается меньше диаметра канала ствола сразу за пульным входом, и тогда пыжи и прокладки надо подбирать по стволу. Они должны быть на 0,1, а лучше на 0,2 мм больше либо диаметра канала ствола, либо внутреннего диаметра гильзы, если он соответствует стволу. Учитывая, что диаметры каналов стволов ружей даже одного калибра значительно отличаются между собой, до Великой Отечественной войны, например, для ружей 12 и 16 калибра выпускали пыжи двух размеров: отдельно для ружей с узкими и широкими каналами стволов. И хотя в наше время такой практики нет, забывать о том, что каналы ружейных стволов имеют разные размеры нельзя.

Прощание с плавнями

И. АЛЁХИН

Какой идиот додумался узаконить платную лицензию на отстрел шакала?! Вреднейшего хищника, уничтожающего нынче в плавнях все живое, размножившегося до невероятного количества. За отстрел шакала нужно платить тому, кто это сделал, а не требовать у него оплатить возможность убить вредное животное! Подобные законы и правила придумывают либо просто весьма далекие от проблем охотниччьего хозяйства люди, либо врачи его. А может, просто тупые. Хотя есть ли оно сейчас, это охотничье хозяйство? Похоже, доживает последние дни. Корабль тонет, и все спасаются как могут.

Еще одна проблема в плавнях — так называемые «арендаторские хозяйства». Некоторые из них существуют давно, но многие создаются сейчас заново. Под тем или иным предлогом на основании таких-то законодательных актов определенным людям выделяется участок плавневой земли, на котором они основывают свое «фермерское хозяйство». И не важно, на два года или на сорок девять лет эта гряда переходит в его полную собственность — здесь появляется гнездо абсолютно неконтролируемого браконьерства. Здесь всегда есть моторные лодки, а это в данном случае возможность круглогодичного выхода в лиманы и море. Теперь, когда без проблем можно приобрести вездеходную технику на гусеничном ходу, квадроциклы и т.п. — этого добра на таких становищах прибавляется заметно. А разве кто-нибудь контролирует выезд подобной техники в плавни, в камыши, на охоту в любое время года, в любой день? Да абсолютно никто! И даже если у хозяина «фермы» нет вездехода-боловтохода, на нем к нему приедут его «гости», свояки-родственники, друзья и братва. Сомневаться не приходится.

Я как-то раз был на одном из подобных очагов цивилизации в районе Сухого лимана. «Фазенда», состоящая из нескольких разномастных домиков-лачуг, два десятка голодных собак без привязи, орава кошек, все вокруг замусорено и загажено и хозяевами, и их многочисленными «гостями». Молодая лихая жинка хозяина выгребала в лиман на «Ершике», выбирала раколовки, угощая развеселую компанию приезжих рыболовов и охотников, которые до полуночи орали, ели и пили за большим длинным столом, потом она же распределяла их по комнатам на ночь. Всем было очень весело. Плавня вокруг «фазенды» представляла собой жалкое зрелище — вытоптаный козами и домашними свиньями камыш,

Автор очерка Алёхин Игорь Иванович

набитые овцами дорожки, пыль, бедичье... Выходящий в лиман канальец был забит пластиковым мусором, досками, бутылками... Чтобы нормально устроиться на ночь и хотя бы элементарно заснуть, мне пришлось уйти от «фазенды» метров на триста и расстелить спальный мешок в куртине помятое камыша с густой травой. На следующий день я, наплевав на рыбалку, ради которой мы приехали в это место и на которую в лиман с гиканьем и смехом на разномастных лодках устремилась воскресшая рать, до обеда без цели бродил в окрестностях «фермы», но никаких признаков какой-либо дичи не увидел.

Что творится на так называемых «рыболовно-охотничих базах», созданных при современном НЭПе, хорошо известно. Никем не контролируемое браконьерство с выездом на моторках и вездеходах, которое не принимает во внимание никакие «периоды покоя дичи» и «нерестовые трехмесячники». Езжайте весной в плавни и посмотрите, что делается на лиманах именно в период запрета на использование моторных лодок и как организуют «отдых» себе и гостям устроители подобных очагов цивилизации среди камышей. Стрельба кабанят-полосатиков летом только ради развлечения, когда поросят даже не подбирают, гонки за водоплавающей птицей на мощных моторах — это обычное дело... А кто им запретит? Некому! И какие выводы дела-

ет видящий все это свинство «народ»?

Я больше десяти последних лет ездил осенью в отпуск в одно и то же место в плавнях, которое использовал в качестве «базы» и откуда совершал каждодневные выезды и выходы в лиманы, ерики и гряды. Меня не тяготило время, проведенное в одиночестве среди камышового моря, открытых гряд с высокими травами, синих лиманов с белой шапкой облаков над ними. Наоборот, мне не хватало времени побывать везде, где хотелось.

Распорядок каждого дня был разным. Я мог с утра блеснить окуней-горбачей у развалин каналов, выхвачивая тяжелые, полосатые, красноперые и колючие слитки из темной воды. После обеда можно было пойти половить местную щучку в туником каналце за развалинами старого дома, к подножию которого впервые причалил несколько лет назад. Вечером можно было сходить на вечернюю охоту за утками на недалекие разливы мелких луж в обрамлении тростниковых ствов — случалось над ними пролетали и гусиные стайки. Иногда на вечерней заре я просто сидел, прислонившись к стенке своего жилища, и смотрел на гряду. На нее часто выходили шакалы, похожие на маленьких волков, или выкапывались, словно пара пушистых шаров, енотовидные собаки — всегда по двое, неразлучно.

На следующий день с утра отправлялся на моторке за щукой на какой-

Окончание. Начало см. в № 5

нибудь лиман подальше и возвращался только к вечеру. Или, наловив живцов в канале рядом с хижиной и нарав в траве у берега лягушат, уезжал ставить донки на сома.

В другой день брал ружье и уходил из дома по длинному, вьющемуся через плавни валу вдоль заросшего канала, сворачивал с него километров через восемь, делал круг и возвращался к дому грядами, слегка пугаясь заплутать и не найти нужный проход в камышовых зарослях.

А еще нужно было ездить в хутор за водой, печеньем, вареньем и шампанским или пивом — тем, что не могли дать мне плавни. Готовить еду, прибираясь «по хозяйству».

Потом опять ехать на лодке «туда, где еще не был» — проходить по обводному каналу под самым морем, сворачивать в маленькие ответвления, распугивая дремлющих у поверхности щук и карасей. Однажды в одном из таких канальцев-отворотков при выходе в лиман Широкий щучью блесну схватил двухкилограммовый окунь и, при вываживании бросившись под лодку, сломал мой любимый японский спиннинг.

Мне не было скучно. И у меня, кроме сына, не было компаний. Никто из знакомых не мог высидеть в плавнях хотя бы неделю. Но сын повзрослел и уехал служить, а когда он приезжал и выбирался со мной на мой остров, я видел, что охотник и рыболов он совсем не такой, каким бы я его хотел видеть. Это поселяло в сердце грусть, а потом, когда я оставался один, туда же стала заползать тоска. Это было плохо, потому что с грустью жить можно, а тоска травит душу, и тебе становится невыносимо в одиночестве. В прошлом сезоне, на третьей неделе отпуска, вдруг остро почувствовав тоскливый укол, я подумал, что, наверное, старею, но не испугался этой мысли. Все естественно. Невозможно не увидеть старость, если только рано не умрет. Однако почему-то старость представлялась мне немощью, а никак не тоской. Как-то вечером, сидя у своей хижины и дымя ароматной ванильной сигаркой, я поразмыслил над этим и пришел к выводу, что все же тоска лучше. Потому что вместе с немощью обязательно придет и тоска, и будет она от осознания, что я больше не смогу бывать в своих плавнях. Но (думал я дальше) если тоска все же пришла и мое пребывание здесь начинает тяготить меня, это означает, что пришла пора расстаться со своим ежегодным отшельничеством, что от меня уходит какая-то часть моей жизни. Может быть, довольно значительная. Это печально. Однако я уже достаточно давно подумываю о том, чтобы в очередной отпуск поехать куда-нибудь подальше. В стране, слава богу, предостаточно мест, где я не был и где можно встретить много интересного. Совершенно нового. Карелия, Северный Урал, Алтай, да мало ли... Экзотики там — черпай большой ложкой. Я го-

ворил знакомым, что обязательно поеду на Печору или Кольский полуостров, как только плавни отпустят меня. Что такое «отпустят» я понимал, казалось, достаточно хорошо. Но что это будет так печально, предвидеть не мог. Неужели мои плавни, отпуская меня, оставляют мне душевную печаль и пустоту? Я думал, что это должно произойти как-то иначе. Легче. Просто вдруг мне станет неинтересно среди гряд, лиманов и камышей, и я с легким сердцем сяду в поезд на Петрозаводск или Абакан.

Но прошел год, прежняя, вдруг нежданно свалившаяся тростниковая тоска забылась, и я, подготовившись к очередному отпуску как никогда более обстоятельно, опять плыву через знакомый лиман, а душу наполняет радость от предвкушения охоты и рыбалки. Все будет хорошо. Наверное.

Вот и вход в канал. Он широкий, словно река, и прямой, как автострада. Через пару километров — единственный изгиб, а потом снова ровный участок, и с этого места в хорошую погоду на горизонте виден крест. Он появился на месте разрушенного дома, и представляет собой основание печи с кирпичным дымоходом, поперек которого торчит бетонная плита перекрытия. Все стены вокруг бывшей котельной, как и ее собственные, разобраны до основания местным людом на хозяйствственные нужды, а зажатая кладкой вертикального дымохода плита повисла в воздухе, опираясь своей серединой на кирпичи трубы. Получился большой крест. Он хорошо виден издали, особенно на фоне заката. Кресту всего года три — до этого стены дома были целыми. Когда в прошлом году я уезжал отсюда, то оглянулся, прощаясь со знакомым силуэтом. Солнце уже перевалило за полдень, лучи его освещали огромный крест сзади, и он показался мне почему-то зловещим. За ним, на горизонте, в морской стороне, собирались закатные тучки. Они вытянулись над тростниками темно-серой лентой, и казалось, что крест торчит из этого

зыбкого, неясного основания землисного цвета. Наверное, оно и создавало это тревожное чувство, которое возникло, когда я обернулся назад. Тогда я подумал, что, возможно, вижу крест последний раз. Его в конце концов должны были разрушить не одни, так другие люди, но последние два года я приезжал и видел его по-прежнему возышающимся над окружной.

Вот и поворот. Выйдя на прямой участок, сразу посмотрел вдаль и не увидел креста. Зато в том месте, где он должен был быть, что-то белело. Расстояние составляло около трех километров, и я не видел, что это такое. Показалось — кузов рефрижератора. Большой белый кузов. Что он там делает? Ну, мало ли. Так, гадая и посматривая по сторонам на камышовые стены вдоль берегов канала, я миновал большую часть пути.

Когда до места оставалось совсем мало, я увидел, что довольно высокий бугор, на котором раньше стоял необитаемый дом, а потом крест, заставлен передвижными вагончиками, один из которых был белого цвета. Я заметил столбики будущего забора и — кирпичный туалет на самом высоком месте. Туалет был единственным капитальным строением, но это говорило о том, что место занято людьми, которые обосновались надолго. Что было одновременно и хуже, и вместе с тем закономерно, возле вагончиков стоял небольшой гусеничный вездеход. Я увидел то, что хотел увидеть меньше всего, хотя и знал, что рано или поздно это должно было случиться.

Я свернул в боковой канал и через короткое время причалил возле своей хижины. Там все было как прежде, год назад, только простейший причал из толстых серых досок, сооруженный рыбаком Николаем, обитавшим здесь лет пять назад, сильно покосился, а доска поручня одним концом упала в воду.

Выходя из лодки и разминая затекшие ноги, я направился к своему саду, иногда наезжавшему в свой дом-

Тот самый «крест» — останки разрушенного Дома отдыха в плавнях

дачу, стоящий рядом с моим пристанищем. За несколько лет мы с Василием хорошо узнали друг друга и не плохо ужились. Гостей у моего соседа много не бывало, гостили они недолго, и получалось, что на этом острове весь месяц постоянно жил только я один. А теперь, выходит, у нас появились соседи. Взглянув в сторону новой «базы отдыха» со стоящим во «дворе» вездеходом, я вздохнул, потому что ничего хорошего от этого соседства не ждал. Я слишком много бывал в плавнях, чтобы знать, что значит несколько вагончиков, кирпичный туалет и гусеничный вездеход. Это было как раз то, от чего я последние двадцать лет старался уйти. Но оно догоняло. Разговор с Василием только утвердил мои невеселые выводы. После приветствий я сказал, показывая в сторону новых соседей:

— Болотоход у них, гусеничный. Небольшой, но...

— Кончут плавню, — уверенно, но невесело кивнул Василий. — Вин и по камышам, и плавае. Так шо... хана плавнене... — и добавил: — Вони тот канал, шо за бывшим домом, де ты щуку ловив, раскопали, почистили и, вроде, ловить тамочки за семьсот рублей предоставляют... Кажуть вроде зарыбыли його... — он усмехнулся.

— Зарыбили? — удивился я.

— Та хо там його зарыбляв, — рассказал смехом сосед. — Колы вин с другим каналом соединяется!

— Ну, и кто тут семьсот рублей будет платить за рыбалку, в том канале? — покачал я головой.

— Та никто не буде! — махнул рукой Василий. — А ты думаешь им хто-нибудь нужен?

— Так ото ж, — усмехнулся я. — Никто им и не нужен. Им нужна официальная вывеска, что-то вроде «Рыболовно-спортивная база». Фикция. Их управлятеля с растопыренными для важности руками я уже видел. Я, говорит, хозяин. И скорей — городиться! Скорей забор, да повыше и чтоб глухой, как стена, был.

Вечером я сидел один при свете свечи, выпил две стопки настойки на чабреце и, выйдя на крыльце, смотрел на светящееся оконце в чужом вагончике. Кто-то там пару раз заслонил свет. Сторож, наверное... Отчего-то стало тоскливо и сразу вспомнилось прошлогоднее. Я поймал себя на мысли, что не слушаю, как обычно, уходящие в ночь плавни. Голова была занята другим.

Я, конечно, знал, что повсюду в стране полным ходом идет передел охотничьих и рыболовных угодий. Вместо сдавшего свои позиции государства править бал начинают разного вида охотпользователи — и частные хозяйства повсюду теснят и общественный Росохтрыболовсюз, и государственную Главохотову. В нашем крае и в горной местности, в лесу и в плавнях этот процесс тоже набирает обороты. Эх-хе... Мы снова на пороге больших перемен, убоявшись которых советовал

мудрец Конфуций...

Впервые за много лет мне в первый же вечер своего пребывания на острове захотелось с кем-то пообщаться, и я пошел к Василию. Как будто чувствовал, что узнал еще не все местные новости.

Василий готовил ужин. Он жарил на большой сковородке рыбу с луком и, увидя меня с бутылкой настойки в руке, покачал головой:

— От, бачишь як... Не хотел я честно говоря пить, но с тобой выпью. Да по раньше лягу, бо завтра утром побегу, мормышки выломать надо, та ще сетки у мэнэ уже нэдилю стоять. Вроде передавалы — шторм идет, як бы их не покрутило так, шо...

Из разговора с ним я узнал, что большую часть плавней, где я обычно охотился, выкупил уже известный в крае своими приобретениями сельхозугодий Дерипаско. Теперь он тоже будет еще и охотпользователем. Егеря из Росохтрыболовсюза ушли к нему на более высокую зарплату.

Утром следующего дня я отправился без ружья побродить по плавням, захватив с собой только видеокамеру. Прошел по знакомому валу, где мы с Костей охотились на уток, вылетающих из заросших мелким тростником каналов. Хорошая, веселая охота была! Как я был рад меткой стрельбе сына! С удовольствием, надев комбинезон, лазил доставать добычу. Мы прятали битых уток в траве под валом, оставляя метки — завязанные на стеблях отрезки марлевого бинта, а на обратном пути подбирали птиц... Вот тут, кажется, я как-то чуть не утонул в канале и выбрался на берег только благодаря Косте. В этом месте мы видели большущего кабана, идущего по гряде нам навстречу, там — норку, а здесь — громадную выдру. На этом валу я впервые поймал в капкан енота, а сын добыл своего первого гуся. Здесь Костя состоялся как охотник, потому что первый раз ушел в свою самостоятельную

охоту, в плавни, в двенадцать лет, и я помню, как ждал его и тревожился, и ругал себя за то, что отпустил одногого... Но он пришел и принес гуся, и я по-настоящему был счастлив тогда, потому что этот первый его гусь был мне дороже любого количества своих.

Пройдя еще немного, я увидел в плавне за валом ярко-желтый аншлаг. Он стоял на крепком столбе, торчавшем из рогоза. Я примерно знал, что на нем написано. Олег Дерипаско обозначил свои владения соответствующими знаками. Все, как положено по закону. Я сделал попытку прочесть надпись на окрашенном листе металла, наведя на него объектив видеокамеры. Но при большом увеличении становилась слишком заметной дрожь в руках, и разобрать, что там написано, я не смог. Перебраться через канал я тоже не мог — не было даже высоких сапог, я ведь вышел не на охоту. Да и какая разница. Какой-нибудь заказчик по разведению, например, дикого кабана. А чего его разводить в наших-то плавнях? Охраняй, и он сам разведется. Уверен, что в ближайшую субботу не услышу с этой стороны ни одного выстрела. Никого из «простых охотников» сюда не пустят. Запрет либо полный, либо за охоту назначат такую плату, что будет равносильно запрету. И прекрасно здесь будут чувствовать себя только слуги хозяина и его знакомые. Им никто не будет мешать. И им некого будет бояться. Потому что они в России, где законы писаны не для всех.

Когда я вернулся в хижину, то услышал со стороны новой «охотничьи-рыболовной базы» какие-то звуки. Там деловито расхаживали люди и рокотал двигатель вездехода. Не иначе на охоту собрались ребята. А то, что сегодня неохотничий день — какая к черту разница, верно? Кого им бояться? Совершенно некого!

Действительно, под вечер гусеничная машина выползла с территории «базы» и резво укатила в плавню. В

Моя камышовая хижина в сердце плавней

кузове сидели трое громко разговаривавших мужчин. Через полчаса с той стороны, куда они уехали, стали доноситься выстрелы. Там, над камышами, промелькнуло несколько улетающих уток. Ну вот, хлопцы охотятся. Почему нет? Может завтра, когда охота будет разрешена, у них времени не будет. Они же деловые люди. Хозяева жизни. И, конечно, лучше меня знают, «як трэба жити».

На следующий день моего пребывания на острове посыпался нудный осенний дождь. Через сутки его сменил ветер. Потом он перешел в ураган. С моря погнало воду, и она затопила окрестные гряды, подобравшись к порогу моего жилища. Двое суток выходить куда бы то ни было не имело никакого смысла.

Я все же время от времени брал спиннинг и поплавочную удочку и шел на знакомое место, на развилику канала, где когда-то, больше десяти лет назад, одного за другим выхватывал из воды крепкотелых окуней-горбачей, подставляя лицо ласковому осеннему солнцу. И потом в течение всех последующих лет это повторялось. Менялись сезоны, погода, уровень воды, но окуни всегда безотказно, яростно и жадно атаковывали силиконовых рыбок, которых я опускал в темную глубину канальной воды на тонкой и прочной леске.

И вот в прошлом сезоне это не повторилось. Окуневого клева за три недели рыбалки я так и не увидел. Ходил на знакомое место каждый день утром, в обед и под вечер, менял приманки, способ их проводки — все было бесполезным. Тогда я садился в лодку и уезжал подальше — на знакомые по прежним рыбалкам «точки», где всегда гарантировано была рыба. Неплохо ловилась щука, но окуней не было. Они словно кончились там, в воде, исчезли, и для меня это было неприятным сюрпризом. Но в прошлом году выручила тарань, которая неплохо клевала в Широком гирле Ахтарского лимана, куда я ездил на лодке за пятнадцать километров, и отсутствие знакомых окуней не воспринималось как какая-то трагедия, хотя и вызывало тревогу. Все-таки крупные, отборные окуни были своего рода визитной карточкой моих ежегодных вояжей в плавни. Не только они, конечно.

Через неделю я неожиданно понял, что находиться на моем острове мне стало невмоготу. Не клевала рыба и поэтому занять себя днем было нечем. Плохая, дождливая и ветреная погода делала мои пешие прогулки по плавням унылыми и безрезультивными. Гусей видно не было, а утки меня не интересовали. Да и они были редкими и какими-то перепуганными. Я не ошибался. Ясно видел, насколько более сторожкой и «настеганной» стала птица. Да, фактор беспокойства... Человеческий фактор. В плавнях стало шумно. Появилось огромное количество техники. В первую очередь, конечно,

моторные лодки. Теперь каждый молосос, бесконечно далекий от проблем скудеющей природы России, мог купить лодку с мотором, навигатор и, забив в него карты лиманов, носиться, «вытаращив глаза», где угодно, забираясь в самые удаленные уголки плавней. Там, где раньше стояла тишина — в самых отдаленных лиманах под морем, — нынче ревут моторы. С утра до вечера. Интернет и мобильная связь мгновенно рассекречивают любое уловистое место для сколь угодно большого количества любителей «рыболовного спорта», которые немедленно огромным стадом прибывают туда, вооружившись самыми современными снастями и приманками, способными вычистить, например, от щуки, любую акваторию. Они будут ездить туда каждый день и прекратят ловлю только после того, как основное поголовье рыбы будет выловлено. Я не преувеличиваю. Нисколько. Спиннингисты выкашивают щуку похлеще, чем прежде браконьеры с сетями.

В один из долгих темных вечеров, когда в стропилах моей хижины глухо и безнадежно завывал ветер, я понял, что пора уезжать. Что-то изменилось — во мне, в плавнях, в моей охоте, в восприятии всего этого. Стало тоскливо.

Пришла ночь, бесконечная и темная. Я вставал, зажигал свечу и садился к столу. Долго смотрел на пламя, вздыхал и думал, что становлюсь похожим на остальных людей — тех, которые не могли составить мне компанию все эти двадцать лет, потому что в плавнях им было скучно.

Теперь, выходит, я начинаю их понимать. Чувствовать то же, что и они. Отчего это? Возраст, очевидно. И еще стеченье обстоятельств. Этот неудачный сезон. Дурацкая погода. Дачи, которые строят там, где, если рассуждать разумно, их быть не должно. «Особо охраняемая территория», как написано на больших аншлагах, где пасутся сотни коров и лошадей и браконьерство абсолютно неконтролируемо.

Я наливал в стопку свою настойку на чабреце и шиповнике с медом, которой мне должно было хватить на месяц, даже если угощать ею всех знакомых рыбаков и егерей, резал на дольки яблоко на закуску и долго сидел над этой стопкой. Пить не хотелось, но я все-таки осиливал настоящую на травах водку, а потом выходил на крыльце и долго стоял в темноте, слушая шум ветра в тростниках и поглядывая в мутные разрывы ползущих в ночном небе туч.

Сколько прекрасных ночей провел я среди этих тростников, поросших дикой травой гряд! Лунные, звездные ночи. Тишина и свежесть плавневой ночи, далекий гомон гусиных стай, свист утиных крыльев. Треск кабанов в камышах, урчанье мамаши-свиньи, взвизги поросят, шуршание еноток, неслышная поступь шакалов, их сгорблленные, вороватые силуэты. Деловой, хозяинский хруст ондатры, плеск рыбы,

меланхоличные крики цапель в вышине...

А сегодня все не так. Шум ветра. Шорох дождя. Темень. Не кричат гуси, не свистят крыльями утки. Даже шакалы не воют. И завтра, знаю, не будет клевать рыба. Она тоже не любит перемен. Я позвонил домой и узнал, что по прогнозу из Интернета такая погода продлится неопределенное время.

Вот и все. Придется смириться с тем, что, похоже, впервые за много лет я уезжаю из плавней и не знаю, вернусь ли сюда обратно. Что-то случилось, изменилось, надломилось, и я уезжаю. И даже тороплюсь, что очень странно.

Я позвонил знакомому в Приморско-Ахтарск, как мог объяснил ситуацию и причину моего настроения.

— Завтра я отступаю, Володя. Все, не могу больше.

— А че ж так? — нерадостно и немного тревожно спросил голос в трубке. — Я ж хотел приехать, посидели бы, побалакали... Че-то ты рано в этом году, Иваныч...

— Не могу, Володя. Не знаю... Не-вмоготу прямо. Рыбалки нет. Охоты тоже. Делать нечего. Сидеть в хате? Пить? А что еще, скажи? Неудачно все в этом сезоне как-то. Да еще эти новые соседи... Поругался с ними немножко даже. Загородили как раз те места, где окуней ловил, да и канал Щучий разрыли... в общем, хозяинчиают. И я, получается, у них все время на виду, они ж на бугре себе место обосновали. Оно мне до лампочки вроде, а с другой стороны...

— Ну понятно — возня... — сказал бывший рыбинспектор. — Ну, ладно, раз так... А я ж хотел приехать...

— Может, в другой раз... на следующий год... — пробормотал я в трубку.

— Та шо ж ты до следующего сезона не приедешь, шо ли? — засмеялся Володя. — А весной, на щуку? Да и вообще — мало ли...

— Приеду, конечно, — неуверенно ответил я. — Конечно, приеду. Вот хандра кончится... и все будет по-старому.

— Кто кончится? — не понял мой собеседник.

— Хандра. Ну, депрессия, — пояснил я сам себе. — Знаешь, ветер этот, дождь, соседи... Все как-то...

— А, ну да, — донеслось из трубы. — Пройдет! Должно пройти.

Наутро я уехал.

Когда плыл через широкий, мелководный лиман, из туч над головой, словно в насмешку после недели ветреной и дождливой погоды, проглянуло солнце. Но оно почему-то не позолотило, как обычно, гребни убегающих за корму волн и не сделало воду синей и прозрачной. Вода вокруг так и осталась серой, темной и холодной, а волны, упывающие назад, в плавни, были однообразно скучными и безжизненными. Даже чайки не вились за моей лодкой. Только стороной, над удаляющейся кромкой тростника, летел одинокий черный баклан.

Не зная броду...

С водой у меня давние, буквально с пеленок, не очень приятные отношения. Во время морского купания мать оступилась, попав в «трубу» (резкое понижение между двумя намывами — перекатами), и как на грех присевшая «9-я волна» выбила сосунка из рук у потерявший равновесие родительницы. И в мутной воде възерепенившегося Черного моря никак не могли меня поймать. Как сказывала мать с нервным смехом (вместо «Караул, помогите!»), со старшей сестрой тетей Маней да с помощью очевидцев с большим трудом, наконец, удалось меня изловить. В таких волнах взрослым не рекомендуется купаться, а тут еще с младенцем, да еще, не зная броду, то есть dna!

Сначала я научился ловить бычков и лишь значительно позже прямо в ванной — плавать. Поэтому меня отпускали на рыбалку лишь со «взрослыми». В тот памятный ясный, тихий солнечный день, с на редкость зеркальной, чистейшей морской водой дядя Сережа, который был всего на четыре года старше меня, не захотел ловить рыбу и пошел со мной на пляж, на 16-ую станцию Большого фонтана. То, что там людей была тьма, — это ничего не сказать. Народ радовался раздолью: кричал, орал, визжал, купался и просто булыхался. Мой дядя решил почтить книжку и очень неосмотрительно предоставил мне полную свободу. Зайдя в воду, я крикнул: «Сережка, посмотри, вода мне по колено!» Затем, следуя за мальчишками, я опять закричал: «Сережка, посмотри, вода мне по пояс!» Далее сообщил, что вода мне по грудь. Вскоре ребята залезли на подводную скалу, и я за ними и тут же удивил дядю: «Сережка, посмотри, воды мне всего по колено!» Я, несомненно, надоедал родичу, и он с досадой отрывался от чтива. Мальчишки, что повзрослев, прыгнули в море и поплыли. Я, поддавшись общему порыву и дабы еще раз удивить дядю, безрассудно сиганул за ними и... стоял медленно опускаться вдоль оброщей темно-зелеными водорослями скалы, из расселин которой на меня с «удивлением» взирали ракчи, поводя длинными усиками, а когда достиг дна, то испугал большого краба. Он бочком пустился наутек, вздымая легкое облачко муты. Не осознав, что произошло, я

не испугался, присел и, оттолкнувшись от дна, проследовал обратным путем вверх, при этом моя голова показалась на поверхности, но воздуха глотнуть не удалось, так как я вновь стал тонуть. Сколько так продолжалось — не помню, но, когда воздух в моих легких иссяк, в самый последний миг Сережкины руки подхватили меня... Оказывается, он, не слыша надоедливых окриков, забеспокоился и стал высматривать меня среди массы купающихся, как вдруг его внимание привлекла моя голова, показавшаяся на миг и вновь исчезавшая под водой. После третьего «показа» дядя понял, что это не шутки и спас меня. Иногда мне снится это, и спасительный выход я находил только во сне: цепляясь за расселины, спокойно выбирался, как по лестнице, на свет божий, а вот в сопливом детстве, когда запаниковал, меня ничто не осенило. Кстати, такие камни из перекристаллизовавшегося известняка с массой застreich пришлось видеть только на 16-ой станции Большого фонтана. В других местах они были из самого обычного мягкого ракушечника.

Данный урок спас мне жизнь значительно позже — в студенческую пору, когда возглавляемый мною «колхоз» с броским названием «Красный лапоть», как раз на Октябрьские празднества, на радость контролерам, таскавшим нас, безбилетников, по составу, согласился остановить поезд на первой остановке за Черустями, что во Владимирской области. Это место удалось обнаружить, когда, начиная со второй остановки, мне пришлось осилить пешком огромное моховое болото, простиравшееся до самого леса, начинавшегося как раз напротив первой железнодорожной остановки, и проделать изматывающий обратный путь нагруженным богатой добычей, в том числе и мошником. Поэтому в разведенном месте «колхоз» бывал довольно часто и останавливался сначала у лесника, а потом еще ближе к охоте — у приютивших студентов деда с бабой. Их дом внедрился в лес и стоял особняком среди обступивших его с трех сторон прекрасных сосен. Погода в тот день не задалась: сплошной обложняк, из которого сеял нудный мелкий дождичек. Но раз мы выбрались «На волю, в пампасы!», как звучал клич охотоведов прошлых выпусков, то надо было идти — и мы пошли. Вскоре профорг Боря Латынский и комсорг Алик Никульцев (такие же социальные ступени они занимали в первой группе охотоведов набора 1948 г.), не охотясь, уже носились по лесу. В дисциплинарном порядке я отправил их скакать по

лесу вдвоем и тут же убил старую, со съеденными зубами, но очень жирную лисицу, которая уносила ноги от моих «колхозников». Они вернулись, помогли мне ободрать первый трофей и помчались далее. А мне в этот день, как никогда, невероятно везло. Минут через 15 я взял беляка. На вопли «колхозников» не откликнулся. Рюкзак мой наполнялся дичью и стал увесистым, а плечи под лямками вскоре промокли. В пожелтевших массивах лиственницыказалось, что сквозь сплошные тучи, наконец, пробивается солнышко, но в сосновке и чернолесье опять становилось сумрачно.

Пора к дому, тем более что дождичек хоть и мелкий, но промочил до костей, а дом: вон он, совсем недалече, спуститься по довольно большой дуге дорогой, а направим — вообще ничего. Да вот и собака заливается, почтай, рядом. Хоть народная пословица говорит, что самый короткий путь это дорога, я, мечтая о теплой избе, горячим сладком чае с бутербродами из маргарина, густо намазанного на хлеб, и плавленых сырков, несмотря на гущающиеся сумерки, бодро отправился на лай собаки. Вскоре стало совсем темно. В лесу постоянно натыкаешься на сучья, спотыкаешься о пеньки да колодины, в общем, без компаса и звезд невозможно выдерживать нужное направление. Единственным ориентиром во тьме ночной стал непрерывный лай собаки, который, какказалось, смещается в обратную сторону. Но делать нечего, надо отбросить сомнения и, перекрестившись, дабы не казалось, — вперед!

И лес стал не тот, и появилась первая древняя старица Черной реки, которую я пересек по щиколотку в воде. Вот и вторая старица. Воды столько же, а под водой лед. Все было не так: и шел я в другую сторону, и лай гончака, как выяснилось потом, прекратился, но ноги несли меня вперед. Лишь на третьей старице с обрывистыми берегами я опомнился и, держась за березку, ткнул длинным деревцем, валявшимся рядом, в лед — он проломился, и все деревце ушло под лед. Ба, да это же сама Черная река. Поди ж ты, куда меня занесли ноги вопреки здравому смыслу. В общем, не зная лёду... кормить бы мне раков. Пришло заночевать в мокром лесу!

В другой раз наш «колхоз», встречая мало дичи, оказался вновь на берегу Черной реки, и так захотелось в неожженые нами правобережные леса, что спасу нет, да и лед, вероятно, хороший, раз мальчишки играют на нем в хоккей. Пока мы решали форсировать Чер-

ную реку или нет, Алик Никульцев, наш бесменный комсорг, как и следовало коммунистам, шагнул вперед, на лед, просевший из-за падения уровня воды и напоминавший у берегов края чаши, поскользнулся и, падая, ударился мягким местом, но проломил лед. Беда, да и только: ноги на льду, а туловище по самую шею в воде и надо бы извернуться пловцу 3-го разряда и попытаться выбраться, но бросить свое первое ружье, которое мы купили ему за счет нашей фотохалтуры, было жаль. Честно говоря, Алик фотографировал плохо, печатать карточки вообще не умел, но, обладая высоким даром убеждения, мог всучить за полцены самые бракованные фотографии и был довольно сносным компаньоном.

Он тянет ружье в нашу сторону, мы же, вцепившись в деревца у самого обрывистого берега, пытаемся дотянуться до него, а в эти секунды хоть и не сильное зимнее течение вот-вот затянет комсорга под лед. Получается как в бодрой строевой песне военных лагерей у студентов нашей 1-ой группы: «Пошел купаться Оверлея оставил дома Доротею... решил нырнуть вниз головой, но голова тяжелее ног — она осталась под водою...» В отличие от бедняги Оверлея мы, наконец, вцепившись в ружье, извлекли из полыни комсорга. После этой передряги маршбросок на правый берег отпал сам собой. Благо, что в лесу дров навалом и не более чем через час мы под бодрую песню высушили нашего Оверлея. Правда, все хорошо не бывает — слишком старались и прожгли ему ватник.

Значительно позже, уже на Одесщине, моего покойного шурина Виолена Церконюка сперва я увлек охотой, а затем и рыбалкой, причем последняя у него получалась лучше, и он предпочитал ее. Итак, мы отправились на маленькую речушку Барабой, что между Одессой и Днестром, попытать счастья на одном из ставков (запруды), в котором водилась разная рыба, в том числе и судаки. Подъехав к озерцу, стали гадать — хорош ли лед. А родич предложил: «Сейчас проверю». С азартом ринулся вперед и... проверил по

самые ноги! Леса нет, дров нет, не выслушаться, и посему возвратились домой. Черт его понес проверять канаву с текучей водой, а, значит, и более тонким льдом. В общем, — «Не зная лёду...»

И еще позже, когда, обращаясь ко мне, почтительно говорят: отец или менее почтительно — дед, когда съел не один пуд соли... в общем, и на ста-руху бывает проруха. А дело в том, что хоть я не очень ценю в качестве трофея вальдшнепа как «королевскую дичь» и предпочитаю ему полевую птицу (перепела, куропатку, фазана, а также горлицу обыкновенную), но охоту на него обожаю. После долгих лет проб и ошибок я знаю теперь, по какой погоде следует ожидать хороший пролет и отменные высыпки на богаре, и ошибаюсь крайне редко. Так вот накануне занепогодило: разгулялся сильный северный ветер, даже слишком сильный для хорошего пролета. Он гнул деревья и гудел в проводах. И все же я сбрался проверить сохранившиеся от порубок лесополосы, рассаженные «по сталинскому плану преобразования природы». Проехал 10 километров на трамвае до завода «Центролит» и посадками собрался вернуться домой.

В общем, не ошибся: в начале «контрольной (коронной) посадки» мой фоксик Зарка поднял одного долгоносика, затем пару, одного из них я тоже взял. «Отличное начало», — подумал я, — пачка есть» и вдруг вспомнил, как самым бессовестным образом нас обманывал раз за разом матерый фазан. Он кормился на стерне пшеничного поля, густо поросшего сорняком щетинника, семена которого очень любили куриные и голуби. При виде нас фазан прятался в густой тростник, что рос широкой полосой над вечно прорыгавшейся канализацией заводских стоков, а вспугнутый фоксиками вылетал всегда неудобно, чаще за выстрелом и садился в густые заросли дурнишника на неухоженном фермерском поле (никогда ранее я не видел этих цепких сорняков выше человеческого роста).

Меня заело, что я, старейший охотвед высшей квалификации, не могу взять этого «мудрого» петуха — позор! Решил действовать в одиночку. Хоть он и хитер, но работает по трафарету, на этом можно сыграть. И, оставив на короткое время вальдшнепов, я ринулся через дебри дурнишника в параллельную посадку, что тоже тянулась с севера на юг метрах в 300—400 восточнее. Зарку, чтобы она не выдохлась в непроходимых для нее сплетениях сорняков, я взял на руки. Вот и лента тростника. Вполне естественно, что петух нас уже давно заметил и спрятался в тростник. Поэтому теперь следовало идти с подветренной стороны, собака его стронет, и он вероятнее всего полетит навстречу мне над серединой крепей и, если с наветренной стороны, то все равно будет в зоне досягаемости выстрела. Так оно и случилось. Не прошли и 50 метров, как собачка ринулась в тростник. «Хитер, — подумал я, — пошел мне навстречу, чтобы как всегда сливать вне выстрела». Помыслалось коканье птицы и шумный взлет. Фазан появился низко прямо над метелками тростника, в моем расположении было всего 2-3 метра, а потом он скроется за высокой куртиной растений и, когда покажется вновь, опять будет вне выстрела, — ух, как хитер бродяга! Быстро обгоняю стволами птицы и нажимаю на спуск. Результат не вижу. Бегу назад. Не летит в спасительные заросли дурнишника — значит попал. А если подранок, то надо срочно перекрыть ему пешее отступление, так как Зарка может застриять в густом тростнике. Забегаю вперед. Здесь тростник кончается, а внутрь ведет тропинка. Спешу по этой тропинке и никогда подумать — кто и зачем ее протоптал. Поднимаясь на бугор, чуть ли не в мой рост, и далее спускаюсь по этой же тропинке к воде. Ну и тростник! Ничего не скажешь — могуч, а у воды каждый стебель толщиной с мой большой палец. Даже бульдозер-дратхаар застрянет и, если не доста-

нет дна лапами, беда. «А маленькая собачка тем более может застрять в нем и погибнуть», — с опаской подумал я. Вдруг закошал петух — значит подранок и собака возле него. Час от часу не легче. Надо спешить на помощь. По дорожке делаю шаг и чуть не черпаю в короткие сапоги. Значит следующий шаг будет мельче. Однако нечего раздумывать, надо спешить на помощь другу. И я делаю большой шаг вперед прямо на маленький плесик и оказываюсь по грудь в теплой по сравнению с воздухом воде. Постспешил! Вот уж, не зная броду... Ружье, чтобы не мешало, переброшенное накрест через плечо, застряло между стеблями тростника и надежно заякорило меня. Помог называется! Пытаюсь выбраться, но не тут-то было: края глубокой ямы

го из крепей красавца фазана. Да, победили, но какой ценой! В затишке я вылил воду из сапог, выкрутил портнянки, а обсушиться решил в посадке, где ветра, почттай, нет. В ней не только ветра, но и дров не оказалось: чтобы выжить в самостоятельной ситуации, селяне Украины вырубили и вычистили почти все. Набрал малость сучьев, но спички с бумагой промокли. Опрометчиво решил идти посадками домой и пострелять вальдшнепов, но при этом будут поперечные ветры посадки и голые участки. Добрались с собакой до первой поперечной лесополосы, и стало ясно, что она никак не защищает от ветра. Буквально добежали до коронной посадки и теперь, если хотим еще жить, следует повернуть назад к «Центролиту» на трамвай, тем более что от

дательствует, что я не паниковал беспричинно в приведенном случае. В сей раз все случилось на противоположной стороне того же злополучного «Центролита», где располагались группы в основном заброшенных заводов разной целенаправленности. И опять я был один, но с Радой — самой старшей из моих фоксиков Аксакалочкой, но поскольку она «женщина» с поседевшей головой и по-туркменски скорее Акбаби, что указывает на ее почтенный 10,5-летний возраст. Выбор на ней остановился еще и потому, что она долго не преследует зайца (а в этих заводских развалинах, пойди найди Зарку), и потому, что Зарка от лис была с опухшей мордой, а Радочке досталось меньше, но она тоже всячески оберегала морду.

вертикальны, а меня не выдерживают ближайшие тростинки — хватаюсь за кучку дальних, да и ружье мешает. Oko-
lo 20 минут извиваюсь, словно червяк на крючке, в этой яме, наконец вылезаю и оказываюсь под обжигающим свистуном — северным ветром на противоположной стороне тростниковой крепи. Я уже не думаю о себе и начинаю кричать: «Зарка, Зарка!!! Отзовись, девочка! Где ты?» Но собачка молчала, и вскоре я увидел ее возле себя мокрую и скрюченную от холода — помощь ей была не нужна. Получается, что она обогнула дебри и оказалась возле меня: не ползла через дремучий тростник — есть ум у собачки! Теперь можно подумать и о себе.

После операции и облучения с химиотерапией мне рекомендовалось, находясь под деревом, еще и пользоваться зонтиком, но я ездил на рыбалку и ходил на охоту под горячим южным солнцем и «даже без зонтика!» Конечно, провалился некстати, надо скорее обсушиться у костра и пойти по вальдшнепу. Обежали тростники на их подветренную сторону, и собачка представила мне задавленного и поданно-

личные папковые гильзы фирмы «Хубертус» разбухли и, чтобы разрядить ижаков, пришлось стрелять.

На трамвайной остановке пассажиры, принимая зачехленное ружье за удочки и удивляясь моей мокрой одежде, одолевали вопросами: «Как рыбала?» На что я отвечал: «Оступился, провалился и теперь, как в гипсе!»

Дело мой ужасный вид привел всех в оцепенение. На счастье в кране оказалась горячая вода. Пришлось опять нарушить предписание медиков — не житься только в теплой ванне — после чего тело перестало чесаться от центролитовских стоков, а затем чай с малиной и на часик в постель. В общем, пронесло, хотя как говорят бывалые, все аукнется потом, а мне это особенно понятно: когда возьмет свое орнитоз. Сын, увидев фазана, с сожалением сказал: «А я его сам хотел взять, да, кстати, тебе очень «повезло» — там есть ямы с головой и глубже». И в наиздание он изрек крылатое: «Не зная броду...» Вот уж поистине яйца курицы чуют!

И еще один случай, произошедший почти месяцем позже, в декабре, сви-

Дело в том, что в Одессе сначала закрыли все литейные цеха и в 10 км соорудили «Центролит», затем он постепенно оброс массой заводов. В меж заводье образовалась подковообразная пустошь, представлявшая собой скорее лунный пейзаж: масса бракованных железобетонных изделий, груды осколков гончарных труб, сетка железодорожных, в основном заброшенных линий, а для насыпей во многих местах был выбран грунт, непонятные рвы и кучи земли. Вдобавок все густо заросло высокими сорняками и даже целинной травой. Вот по этой пустоши продвигались мы очень медленно, чтобы ненароком не сломать ногу, и вскоре вспугнули стайку куропаток не менее 10-12 штук. Рада нашла брошенное место и тщательно обследовала его. Продвигаясь вперед, вновь вспугнули эту стаю, которая поднялась еще дальше, и Рада опять задержалась на долго, обследуя и это место. Вскоре путь преградил длинный ров, и бабуля вдоль него вновь стала распугивать чьи-то следы. «Наверно, опять куропаток», — подумал я и не подошел к ней, но на этот раз вспугнули фазана, кото-

рый скрылся за довольно высоким отвалом рва. Вот и не доверяй опытной помощнице!

Взбравшись на отвал рва, я осмотрелся и понял, что найти фазана, как иголку в стоге сена, но, поразмыслив, решил, что петух, конечно, полетит в куртину тростника, что высился над окрестностью в 100 метрах. Однако полной уверенности нет — уж очень много всякой высокой травы кругом, но я бы на его месте избрал для спасения именно эти тростники. Подошли к ним — и большое разочарование: тростник рос по краям огромной ямы, об разуя с моей северной стороны непроглядную стену, среди которой поблескивал тонкий ледок, а на противоположной стороне высился огромнейший бугор, куда сбрасывали излишнюю для железнодорожной насыпи землю. В центре ямы стоял лед более прочный, а ближе к южной стороне, находящейся под защитой бугра от солнца, лед был еще прочнее.

Делать нечего, обошел яму, поднялся на бугор в надежде, что опытный петух пролетит на противоположную сторону и спрячется в густых сорняках. Стою — соображаю, а тем временем собачка опять начала распутывать чьи-то следы и вдруг почти рядом раздался шумный взлет, буквально ошеломивший меня: яркая хвостатая птица, словно ракета, набирая высоту, устремилась в полуугон, забирая к тому месту, где ее подняли впервые, а далее там целые озера с мощнейшими массивами тростника. Вижу, что слишком опережаю, но быстрый выстрел оказался «удачным» — фазан упал камнем, и только перо летело по ветру. «Наверно, разбил», — подумал я и предоставил собачке подать добычу, сам же потихоньку приближаюсь к месту падения, но там никого! Сколько раз говорил сыну и себе: «Беги к месту падения куропаток и фазанов, так как иначе можно упустить подранка, а фа-

зан стайер отменный!» Я (в прошлом бегун 1 разряда, чемпион института) неоднократно приводил пример, как под дружный смех охотников не смог догнать на дороге раненую куропатку и пришлось достреливать. Собачка сначала побежала вперед, и все мое внимание было направлено туда, но вдруг она резко повернула назад, ориентируясь следом, а в это время хитрющий фазан пробежал мимо меня в 5-6 метрах, попал на тропинку, протоптанную вдоль ямы, и пустился по ней, волоча левое крыло, перебитое у самого туловища. Выстрелить я не успел, так как Радочка закрыла собой беглеца и они скрылись под уклоном. Я повесил ружье на плечо, теперь, не впервые, собачка сама спряталась, но вдруг послышалось облавливание. Это еще что такое? Облавливать раненого фазана? Такого еще не бывало! Поспешил на помощь, но опоздал. Получается, стающий петух пошел в наступление (а это — лучшая защита), больно клюнул Раду в распухший нос, да вдобавок, вероятно, угостил шпорами, воспользовался замешательством и сгинул! Собачка нигде не могла обнаружить след. Она металась вокруг по траве, спрыгивала с уступа к тростникам, возвращалась назад. «Что ж ты, бабулька, подвела, такого никогда не было», — сказал я ей с укоризной и пошел на бугор в надежде, что удастся сверху просмотреть с помощью бинокля гущу тростника. Деваться ведь петуху некуда, а ледок, наверное, его выдержал. Следуя за мной, возле бугра Рада начала ловить ветер и... пошла на лед, который сначала ее выдерживал, но у самых тростников проломился, и бабулька оказалась в воде. Она, ломая лед, с трудом буквально по сантиметру продвигалась в крепль тростников, пока не застрияла. Я побежал к плесу и стал изо всей мочи звать собачку к себе. Сумел развернуть ее поперек, иначе в тростнике не спастись — застрияет, но она начала сда-

вать. Вот-вот потонет — над водой осталось почти полголовы! Подбадривая Радочку громкими призывами, начал быстро сбрасывать с себя одежду и, когда остался лишь эластичный бинт (при большом расширении вен мне без него не дойти до дома), а собачка совсем обессилена, но, заметив, что хозяин нагишился (ошибка, надо было оставаться в белье) разбивает ногами хлипкий лед в этом месте, собрав остаток сил, она сумела выбраться из сплетения тростниковых корневищ. Пытаясь достать ногой дна у края ямы, я понял, что придется плыть, но в самый последний миг увидел, что Рада одолела половину плесика. Вскоре она оказалась у меня в руках. Ура! Теперь ей надо бы побегать и разогреться, так как домашние собаки могут погибнуть от переохлаждения, но на это уже не было сил. Я вытер спасшуюся рубашкой, свитером, походил с ней по густой траве, отдал свой завтрак (жаль, что не было ничего сладкого), который она съела (хороший признак), и мы отправились домой. На сей раз я искал брод, но его не оказалось. Края ямы в этом месте были отвесны, пришлось бы плыть, но из-за болезни я уже полгода как прекратил контрастные обливания... погибать так вместе, а наблюдать, как тонет друг — все равно сердце не выдержит!

На следующий день я спланировал домашний выезд на охоту так, чтобы с несколькими фоксиками прочесать окрестности и в высоком охотничьем костюме обследовать тростник. В крайнем случае сын сможет вытащить меня на веревке, но жена, неизменный спутник на семейных охотах, стала грудью и не пустила меня. А жаль! Особенно неприятно, что птица будет мучаться, пока не станет добычей многочисленных лисиц. В общем, во всем виноват я.

Рисунки И. Маковеевой

ФОТОКОНКУРС
Редакция журнала
«Охота и охотничье хозяйство»
проводит очередной фотоконкурс под девизом
«Охота и природа»
Подробная информация о фотоконкурсе
— в № 1 за 2011 г.

Дорогие читатели, друзья!
подписка на журнал
«Охота и охотничье хозяйство» продолжается!
Наши подписные индексы: 70673 — на полгода и 72376 — на год
по каталогу Роспечати

Антилопы Северного Камеруна

Василий КЛИМОВ. Фото автора

Как это ни странно, последние и единственныесведения о животном мире Камеруна мы могли почерпнуть в книгах Джеральда Даррелла! Но он писал о Камеруне Южном, а поскольку каждая часть этой страны — самостоятельное и обособленное экологическое образование, то реально мы ничего не знаем по данному вопросу. Поэтому автор берет на себя смелость описать мир антилоп Северного Камеруна. Его экспедиция по северным предгорьям гор Адамава, в верховьях реки Бенуэ и окрестностях одноименного Национального парка, продолжалась около месяца и включила в себя около 3 тыс. км авто-сафари и 80 км пеших походов.

Климат в центре и на севере страны — субэкваториальный, с дождливым летом и сухой зимой, длительностью 5 месяцев. Средняя температура с декабря по январь 26—27 °С (это самый холодный период года), возрастая к апрелю—маю до 32—33 °С. Среднее количество осадков на севере — менее 500 мм в год, благодаря чему достигается низкая влажность, способствующая хорошей переносимости жары даже для европейцев.

Основа местного ландшафта, — это невысокие холмы и горы, покрытые высокотравной саванной, редколесьем и листопадно-вечноzelеными лесами,

сменяющиеся на юге влажными вечноzelеными экваториальными лесами, с одним из самых высоких уровней биоразнообразия в Африке. Несколько севернее, на широте города Маруа, начинается знаменитый Сахель, — южная периферия пустыни Сахара. Здесь леса и редколесья переходят в сухие саванны, а на берегах озера Чад, — северной границе Камеруна, и в полупустыни.

В Центральной Африке очень специфическое население саванн. В отличие от Восточной и Южной, здесь нет ни ориксов, ни зебр, ни антилоп гну. Подобно тому, как там фоновым видом служат антилопы импала, здесь таковым стал болотный козел или коб Буффона. Эти темно-желтые, средних размеров антилопы, с красивыми лировидными рогами, встречаются на каждом шагу в зарослях слоновьей травы, на опушках, в тени деревьев, в руслах малых и больших рек, на гарях и в лесах. Они держатся небольшими группами — гаремами и стайками холостяков. В брачный сезон самцы становятся территориальными и охраняют свои участки по целому месяцу. Именно на них они встречают своих неотразимых беззрогих красавиц — самок. Те же, как истинные дамы, дефилируют по разным участкам, принимая ухаживания различных самцов. С точки зрения са-

мых самцов, стремящихся к полновластному и единоличному обладанию ими, ведут они себя недостойно и ветрено! Но с точки зрения самих самок (и сохранения Вида), — очень правильно и оправданно: спариваясь со всеми «бойцами» подряд, они повышают уровень генетической изменчивости общего генофонда популяции и вида!

На втором месте по встречаемости стоят два вида дукеров, — кустарниковый серый и лесной (или хохлатый) — рыхлебокий. Эти мелкие антилопы (до 50 см в холке и весе до 15 кг) высекают из травянистых зарослей вокруг рек и низин как чертики из табакерки. Первые, — с прямыми, пикообразными рожками, окрашенные однотонно в серый цвет, имеют большие острые уши и выразительные черные глаза. Они держатся поодиночке или парами, выходя на кормежку в сумерках. Их излюбленные места, — заросли колючих кустарников вдоль рек и ручьев, влажные низины и каменные осыпи(!) где они, видимо, прячутся на дневки среди валунов. Несмотря на то, что они истинные травоядные (и даже жвачные), лесные дукеры не брезгуют птичьими яйцами и самими птичками, которых убивают острыми копытцами! Особенно они любят пасть на обществе лесных... птиц, франколинов, цесарок и турачей, которые раньше

всех замечают опасность и предупреждают о ней всех остальных! Разгуливая по лесам в маскалате, я сразу же находил рядом со стайкой этих куриных родичей и дукера! Если птицы не поднимают паники (даже если я совсем рядом), то и дукер совершенно спокоен!

У хохлатых рыжебоких дукеров при рожьке окраске тела — округлые ушки, короткие, торчащие назад рожки и торчащий хохол между ними. Хотя обычно о них пишут, что это ночные животные, которые прячутся под стволами павших деревьев или в чащце леса, я их постоянно встречал пасущимися днем и утром в зарослях, вдоль реки. Более любопытные, чем пугливые, они могут подолгу рассматривать пришельцев, а затем, не торопясь, скрываются в зарослях. В защитном маскалате мне удавалось приблизиться к ним на расстояние 15 метров прежде, чем они определяли меня, как опасность, и исчезали. Один из рыжебоких приходил регулярно на пологий берег реки, напротив нашего лагеря и подолгу пасся в кустарнике, посматривая на нас своими черными блестящими глазами.

Также, довольно часто, в приречных зарослях и в сухих руслах рек встречаются пестрые бушбоки — красивые и изящные антилопы с витыми лировидными рогами, каштаново-красной окраски, со светлыми поперечными полосками на теле. Насколько они красивы, настолько и пугливы. Держатся парами или поодиночке на своих индивидуальных участках. Кормятся на утренних и вечерних зорьках во влажных местах, с обилием свежей зелени, а знойных день проводят, прячась в густых и тенистых зарослях, на опушках леса, имея хороший обзор.

Реже, но также довольно часто (составленно, почти на каждом сафари по бушу) можно встретить западных лошадиных антилоп, которых зовут здесь (на английский манер) «антилопа Роан», западных бубалов и водяных козлов «сингсинг». Это все крупные красивые антилопы высотою в холке до 145 см и весом до 270 кг!

Самые крупные из них — лошадиные антилопы, достигающие веса 300 кг. На толстой шее, с жесткой стоячей гривой, посажена изящная головка с крутыми, загнутыми назад рогами в виде ятагана. Рога имеют самцы и самки, но у первых они развиты лучше. На черной морде видна «лицевая маска» из белых пятен, разбивающая целостность образа. Держатся они здесь в редколесьях и рядом с опушками небольшими гаремными группами, по 3—6 особей. Встречаются еще группы холостяков. Самый опасный хищник для них после льва — это браконьер. Но с ними в охотничьих зонах активно борются владельцы данных территорий.

Западные бубалы, или конгони отличаются своим «несуразным» видом: высоко поставленные холка и шея, длинная морда и кривые ребристые рога. Окраска их светло-рыжая, что

Канна-Дерби

хорошо маскирует животных в сухой сезон, при пожелтении и частичном опадении листьев. Несмотря на то, что бубалы — истинные жители открытых саванн, любящие простор и быстрый, долгих бег, они очень хорошо прижи-

лись в местных лесах. Увидеть их не трудно, но они не позволяют себя долго и хорошо рассматривать, сразу же исчезают за густой лесной завесой. В брачный сезон взрослые сильные самцы захватывают участки, охраняют их,

Лошадин

Кобы Буффона

Водяной козел

Корригумы

метят границы территории и встречают самок именно здесь. Самочки же предпочитают иметь дело с территориальными самцами, а не бродячими и бездомными.

Водяные козлы в Камеруне (тоже западные) принадлежат к группе defassa. На крупье у них имеется белое пятно, а не кольцо. Это крупные буро-вато-серые антилопы (но никак не «козлы», рода Сарга), с гордой «посадкой» головы и мощными вилообразными рубчатыми рогами. Встречаются они здесь повсюду, но чаще всего — в приречных зарослях, вдоль русел рек, по сухим руслам и в небольших рощицах. Держатся небольшими группами, по 3—5 особей и как мне показалось, не особенно пугливы.

Очень редко, проводя много времени в сафари, можно увидеть нигерийского тростникового козла, с рожками, обращенным вперед, и изящных небольших антилоп ориби, цвета прелой соломы. В горах Адамава, на высотах свыше 1500 м водится еще горная редунка.

Но истинное украшение мира антилоп региона — это, конечно же, центральноафриканская гигантская канна лорда Дерби (или «Иланда»). Эти гигантские оленебыки (вес самцов до тонны!) держатся большими стадами, очень подвижны и встретить их при проезде через буш можно только случайно. Единственная возможность для «рандеву» с ними — длительное тропление стада по следам! Причем эта гонка по горам за стадом антилоп может продолжаться и сутки, и трое! Иланды очень чуткие, нервные, боязливые и при малейшем запахе человека или шелесте листьев под ногами скрываются в лесу. С наступлением сухого сезона у них начинаются миграции во влажные районы и долины рек. В это же время начинают формироваться гаремы, а у самцов вырастает густая черная грива, помогающая, видимо, им при схватках друг с другом и выделяющая самых ярких бойцов в глазах восторженных дам! Основные самцы приходят и уходят из своих гаремов когда им вздумается. Обычно в стаде есть 2—3 быка, один из которых главный, а ведет стадо по саваннам старая самка! Самцы угрожают друг другу, бодя рогами грязь под ногами в смеси со своей мочой. Испачкав таким образом свой лобовой хохол, они маркируют (пачкают) им окружающие кусты и деревья, обозначая границы своих территорий. По моим наблюдениям, этой же пахучей грязью они метят и возлюбленных!

Несколько севернее городка Маруа, в сухих саваннах, полупустынном буше Парка Ваза и на берегах озера Чад водятся редкие сегодня краснолобые газели и западные Топи или Корригумы.

Выражаю свою искреннюю Благодарность фирме «Africam safaris» www.africamsafaris.ru и лично Все-володу Кириллову за возможность видеть и снимать природу Северного Камеруна!

Насколько азарт может преобладать над здравым смыслом я узнал на себе, когда только начинал охотиться. Было мне тогда 18 лет, и особого опыта в ружейной охоте я не имел. Начавшись охотничьей литературой, решил применить свои теоретические знания на практике.

В тот год снегу в лесу было немного и ходить по нему можно было без лыж. Встал пораньше, ночью прошел небольшой снежок, сам бог велел потропить зайчиков. Закинув за спину свой старенький ТОЗ-63, побрел за село.

Утренний морозец слегка щипал щеки и нос, под ногами поскрипывал снег, весь лес искрился в лучах восходящего солнца. Хорошо! Побродив немного, я вдруг наткнулся на след куницы. Мысль о зайцах сразу отошла на задний план, и я стал вспоминать, что же я читал о троплении куниц. Все обдумав, решил во чтобы то ни стало добыть зверька. Околки в наших местах не слишком обширные и, определяя по следу, в какой же из них направилась куница, я стал обходить по кругу околок за околоком. Обнаружив выход, продолжал преследовать тем же способом. Это на первый взгляд кажется, что все просто, но не тут-то было. Зверек в поисках пищи пропал все околки, все поля, болотины, несколько раз выходил к самому селу.

Солнце было уже высоко, время близилось к полудню, когда, измотанный этими поисками, я решил немного передохнуть. Сидя на поваленной березе, подумал, что, наверное, зря все это затяял. Вспомнил рассказы своего дяди, который часто тропил куниц, но даже ему не всегда удавалось отыскать их, что уж говорить про меня. В голову стала забираться мысль о прекращении сегодняшней охоты, ведь силы еще нужны на обратную дорогу. Но все же, спустя некоторое время, я подумал, что настоящий охотник должен быть стойким и выносливым, и снова зашагал вперед.

На поиски зверька пришлось потратить еще два часа. И вот, наконец-то, обойдя очередной околок, я не обнаружил выходного сле-

да. Цель близка! Сразу откуда-то появились новые силы, и я побежал к тому месту, где куница зашла в лесок. Войдя вглубь околка, я нашел дуплистое дерево, в котором сидела куница. Ударив по стволу палкой, услышал, как она засуетилась внутри. Но радоваться было рано. С другой стороны дерева, над сучком, находилось еще одно дупло, которое с земли было не видно, и я его не заметил. Куница, долго не раздумывая, молнией вылетела через эту дыру и тут же исчезла в рапажнике. Я не то что ружье не успел вскинуть, даже глазом не успел моргнуть! Мое разочарование не было предела. Все же я решил пройти по следу, посмотреть, куда пошла моя обидчица. Метров через 15 у тухлявого осинового пня, высотой около метра, след пропал. Пень полностью выгнил внутри и был абсолютно пустой как бочка. Он и стал новым убежищем хищника. Я подошел и заглянул внутрь. Там, оскалившись на меня, застремкотала куница. И тут мой азарт совершенно вытеснил здравый смысл. Я выстрелил внутрь пня!! Когда во все стороны полетели труха и щепки, я понял, что натворил.

Что осталось от куницы, думаю, объяснять не стоит. Всю обратную дорогу ругал себя последними словами. Ведь знал, что так делать нельзя! Однако этот случай послужил для меня хорошим уроком, и теперь на любых охотах я всегда держу свои эмоции под контролем.

Н. ПОДСКРЁБЫШЕВ
Новосибирская обл.

Дочь Р. Галиева — Зарочка

не болей, все будет хорошо. Я скоро вернусь домой!

Здесь, в Норильском лагере, очень много ребят, которые берут у меня журнал «Охота и охотничье хозяйство» и с большим интересом его читают. Желаю всем охотникам удачной охоты и хорошей добычи.

Р. ГАЛИЕВ
Красноярский край

Мишин А. Н. с внуком

Уважаемая редакция! В феврале 2011 года исполнилось 65 лет любому мужу, отцу и деду — Мишину Алексею Николаевичу. Он является Вашим читателем уже более 40 лет, не пропуская ни одной подписки. Его заразительное увлечение охотой и любовь к вашему журналу передалось и следующему поколению. Охотиться Алексей Николаевич начинал в Новосибирской области, затем в Алтайском крае, где и привил любовь и страсть к охоте своему сыну. Сейчас он продолжает заниматься любимым увлечением во Владимирской области, приобщая новое поколение — внука Артема. Прошу, сделайте на-

шему юбиляру незабываемый подарок, напечатав это письмо и фотографию, запечатлевшую деда с внуком в один из выездов на охоту.

МИШИН Е.А.

Здравствуйте, уважаемая редакция любимого всей нашей семьей журнала! Хотим выразить вам благодарность за отличный журнал.

Наш отец выписывает «Охоту и охотничье хозяйство» несколько десятилетий. Дома на полках аккуратно хранятся номера, прочитанные «от корки до корки», в них и сейчас можно найти нужную информацию. Наш любимый папа, муж и дед Алексей Иванович Рязанов постоянный ваш подписчик и заядлый охотник. Его охота началась с самого детства, когда еще отец сажал его себе на плечи и отправлялся в лес. С тех пор лес стал для него вторым домом. В любую погоду, и днем и ночью, он с радостью и нетерпением собирается на охоту. И редко возвращается без трофеев, обходясь при этом старенькой горизонталкой и топориком. И конечно же, с ним всегда его любимые помощники — лайки Ласка, Умка и Нюня.

В прошлом году Алексей Иванович был награжден Почетной грамотой за первое место по сдаче пушнины. А в феврале 2011 нашему отцу исполнилось 60 лет. Мы бы хотели поздравить его со страниц вашего журнала и пожелать крепкого здоровья, благополучия в семье и, конечно, охотничьей удачи.

С уважением РЯЗАНОВЫ, РУДОФИЛОВЫ
д. Тредубье Тверской обл.

Охотничье слово

Филологические и литературные заметки
о русском охотниччьем языке

Е. ЦЕЛЫХОВА. Рисунки Н. Самокиша

В мире существует много разных языков. На одних говорят по несколько миллионов человек, другие насчитывают лишь несколько десятков носителей. Но не все знают, что даже внутри одного «большого» языка есть множество других маленьких языков. У них та же грамматика и фонетика, те же способы образования и изменения слов, а вот сами слова — другие. Эти «языки внутри языка» используют люди, занимающиеся каким-либо определенным делом или принадлежащие к определенному социальному слою, чтобы лучше понимать друг друга и давать наиболее точные названия тем действиям и предметам, о которых некоторые носители «большого» языка даже не знают.

Малые языки называются «подъязыками», «языками для специальных целей» или «профессиональными подъязыками». Каждый из них имеет свою историю и свои уникальные черты. Но один хотелось бы выделить особо. Сегодня мы не часто можем услышать его звучание, но, открыв книги, относящиеся к всемирно признанной классике русской литературы, почти наверняка встретимся с ним. Речь идет о специальном охотниччьем языке. Это тот язык, которым пользовались безвестные таежные охотники-промысловики и знаменитые русские князья, на котором говорили охотники средневековой Руси и говорят участники современных охотничьих интернет-форумов.

Однако в последние десятилетия в русском языке наблюдается утрата части лексического запаса и массовое заимствование иностранных слов и терминов. Это ведет к безвозвратной потере многих слов, свойственных исключительно культуре нашего языка, и, как следствие, обеднению художественной выразительности и нарушению языковой преемственности поколений. Лексику специальных языков постигает та же участь. Чаще всего она исчезает из-за упадка соответствующей профессиональной деятельности. Тем более обидно сознавать, что один из выразительнейших и популярнейших профессиональных языков прошлого — русский охотничий язык, может исчезнуть у нас на глазах. Этот своего рода лингвистический музей, донесший до нас языковое разнообразие и культурные связи русского языка, являющийся отражением культурно-исторического своеобразия русского народа, подвергается, в лучшем случае, забвению, в худшем — извращению. А ведь он относится к одному из древнейших феноменов человеческой культуры, обладает богатейшей историей, а в рамках русского языка — и интереснейшей традицией литературного употребления.

В предлагаемой читателю работе будет предпринята попытка рассмотрения некоторой части лексики русского охотничьего языка в контексте истории русского народа в целом и его культурной традиции в частности.

Что в именах тебе поем?

На протяжении долгих веков собаки, сопровождающие человека на охоте, попадали под его пристальное внимание, были защитниками, помощниками, компаниями. И, соответственно, не могли оставаться безымянными. Со временем сложилась богатая традиция именования охотничьих собак, подчиняющаяся определенным правилам и выросшая из старинной культурной традиции. Именно ориентируясь на нее, К. Коровин в автобиографическом рассказе смог определить кличку павшего к нему легавого пса. При этом пользовался он, вероятнее всего, одним из изданий «Охотничьего календаря» Л.П. Сабанеева. Заглянем в него и мы. В русском охотниччьем языке существовала и существует традиция именования собак различных типов различными кличками. Такая традиция соответствует древнейшему способу номинации — называнию в традиции какой-либо логической системы, в рамках которой, к примеру, члены одного племени, родившиеся в определенное время, в определенном роду должны были зваться именно так и никак не иначе. Только значительно позднее имя или кличка стали выбираться в зависимости от предпочтений родителей ребенка или хозяев животного. Клички охотничьих собак в русском языке занимают промежуточную положение: выбор

Николенька, какая прелестная собака Трунила! Он узнал меня, — сказала Наташа про свою любимую гончую собаку. — «Трунила, во-первых, не собака, а выжлец», — подумал Николай и строго взглянул на сестру, стараясь ей дать почувствовать то расстояние, которое должно было их разделять в эту минуту.

Л. Н. Толстой «Война и мир»

Я сел на постель, собака легла около на полу. «Какая красота, какие глаза!.. Словеса еще молодой пес». Он морду положил на пол и слушает. «Но как его зовут?» — подумал я. Я встал, открыл шкаф и достал книжку, охотничий календарь. Читаю собачьи клички... Загоняй, Лебедка... Это не то, это борзы... А вот... И перебираю названия. Говорю отдельно каждое. Собака лежит смирно.

Только в конце прочел:

— Феб... Собака вскочила.

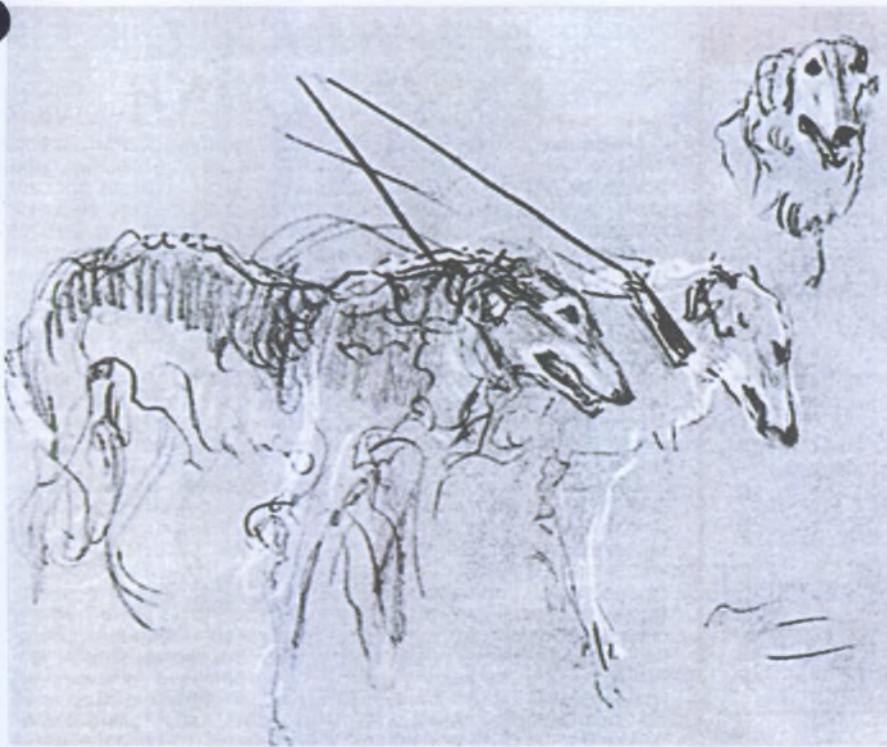
Феб, Феб, — повторил я. Собака подошла ко мне.

Ты Феб, — говорю я, — Фебушка... Феб...

чаще всего осуществляется в рамках определенного набора имен, ориентируясь на их благозвучие: мало кому придет в голову сегодня назвать выжловку Дубишкой или выжлеца Хрюкалом (а ведь такие клички есть в упомянутом выше «Охотничьем календаре!»). Гораздо приятнее для нашего уха звучат Втора или Свирок. Группы кличек для гончих, борзых и легавых собак различны не только по своему набору, но и по принципу образования.

Клички гончих собак образованы на основе тех понятий, которые испокон веков в русской охотничьей картине мира ассоциировались с охотой с гончими: «крик» Орало, Вопишка, Вопило;

«голос» Баритон, Басило, Вякало, Гаркало, Заливай; «звук» Бренчало, Бухало, Журчало; «размер» Бугай, Верзило; «плач» Выплач, Рыдало, Плакун, Го-ремыч; «добыча» Добывай, Добудь, Добыч; «забава» Весельчак, Забавляй, Потешай, Утешай (демонстрирующий крайне характерную черту русского восприятия охоты как потехи); «песня» Запевай, Подпевай, Певун; «звон» Звонарь, Звонило, Звонишка; ряд специальных понятий охоты с гончими — Бу-дило, Натекай, Лазун, Поджог (приведены лишь выдержки (по Л.П. Сабанееву)). Такие ассоциации понятны, если вспомнить строки из классики: «Я вам скажу, как Затейка зальется чистейшим

серебряным колокольчиком, Соловка застонет контратом, Помыкай к ним подладится — тут вся стая закипит....ну мочи нет, так варом и обдаст!... охотник слушает ухом не музыкальным, а охотничим; ... залив его Затейки и звывание Соловки для него выше всех первоклассных примадонн Европы» (Мачеварианов, 2006:165). Но есть среди этих кличек и ряд неблагозвучных (Хрюкало, Гнусило, Хайло, Хрипун), появление которых трудно объяснить, если не знать истории отношения русского охотника к гончим собакам, лучше всего описан в своей книге Н. Кишенский: «Приезжайте к любому посвому охотнику: на дворе, даже в комнатах, вы непременно увидите борзых, а где же гончие, эта «душа охоты», как любят выражаться эти господа?.. Держат их сплошь и рядом на цепи или запертными в тесной конуре... А у барина в то же время легавая, а то и несколько, благоденствует» (Кишенский, 2003: 174). Ряд кличек, связанных неким описание буйства (Бунтарь, Бушуй, Варнак, Взбалмош, Гвалт, Содом), также ведет свое происхождение от манеры гона стаи, его ярости и жаркости, либо от изначально заложенных в гончей «зверских инстинктов», которые без должного внимания владельца превращают его из зверогона в скотинника (Е.Э. Дриянский). Интересен и другой аспект имен гончих — способ их образования в большинстве случаев идентичен со способом образования древнерусских имен, которые были обнаружены на берестяных грамотах — сравним, к примеру, «человеческие» имена (Городило, Нежко, Носко, Нездило, Содила, Суйко) и клички выжлецов

(гончих кобелей) (Свистало, Хлыстало, Шептало). А манера образования клички гончей на основе повелительного наклонения глагола (Натекай, Направляй, Бушуй, Добытай) интернациональна: к примеру в немецком языке кличка брака «Weckop» (=Weck auf) аналогична русской «Будило».

В кличках борзых собак — несколько иная традиция: ассоциации со злобой и злом (Злобач, Змей, Лютий, Леший, Люцефер, Злодейка, Лиходейка), быстротой (Крылат, Крылатка, Летун, Ласточка). Но наибольшая часть кличек возникла в результате исторического существования среди борзых русских охотничьих собак различных восточных пород (крымских борзых — по П. Мачеварианову). Вероятно из-за этих крымок и появилось в списке кличек бор-

зых такое большое количество «восточных» имен или подражаний им: Анчар, Араб, Бедуин, Гайдук, Даньяр, Нукер и т. д. Так же, как и у гончих, использовалось повелительное наклонение (Карай, Завладай, Кидай, Примай, Раsterзай). В целом имена борзых намного более благозвучны и красивы, что отражает особое, привилегированное положение этих собак в русской охоте.

С исчезновением русских комплектных охот и развитием ружейной охоты все больше охотников становилось обладателями привезенных из-за рубежа легавых собак. А поскольку своей, исконно русской традиции их именование не было, некоторые имена «приезжали» вместе с ними: Антей, Арей, Байрон, Вулкан, Граф, Дак, Ральф, Фараон, Миледи, Диана, Бетти, Веста и т. д.

Однако данный набор кличек не воспринимался как догма: некоторые клички встречаются в разных наборах: Диана — для легавых сук и выжловок (гончих сук), Валдай — для легавых кобелей и выжлецов, Кучум — для борзых и легавых кобелей. А что же до собак других пород? Немецкие легавые, таксы и ягдтерьеры часто получают клички, связанные с родиной породы. А один из исконных типов русских охотничьих собак — лайка-остроушка, проживавшая часто как обычная дворная собака и тип которой сформировался в результате «народной» селекции, звалась обыкновенно в честь охотничьего животного (Соболь, Соболько) или хищной птицы (Беркут), реки (Амур), гор (Алтай), окраса и характера собаки, или же (на Дальнем Востоке) заимствовалась из языков коренных народов (Загря). Для финских и карело-финских лаек используются клички, которые употребляют охотники на их родине (Капу, Укко, Uri, Койра, Пики, Пири, Сипи и др.).

Конечно же, дело каждого хозяина, как назвать своего четвероногого друга и помощника, однако необходимо помнить, что имя или, в данном случае, кличка — важная часть культурной традиции и, выбиряя их, мы принимаем или не принимаем ее.

КОЛЧИН С.	Гималайский медведь в беде	1
АСТАФЬЕВ Н.	Юридическая консультация	5
СЕВАСТЬЯНОВ А.	Чайка без ног	6
ВЕХОВ Н.	Соколов-Микитов: маршруты путешествий и охотничьи тропы	8
СОКОЛОВ-МИКИТОВ И.	Голубые дни	10
СУВОРОВ А.	Размеры и вес тела волков: внутреневидовая изменчивость	14
ФОРМОЗОВ А.	Человек и природа	16
БОЛОГОВ В.	Пажетнову В. С.— 75 лет!	19
ЕРОХИН В.	Черношайная поганка и речная крачка 20	
ОБУХОВ О.	Об английском сэттере... и не только 22	
СЕКОВАНОВ В.	Урок географии	27
БЛЮМ А.	Американские патроны группы 7 мм	28
ГУРОВ В.	Спортивная стрельба из охотничьих ружей	30
БЛЮМ А.	Консультации охотоведа	33
АЛЁХИН И.	Прощание с плавнями	34
ГРЕКОВ В.	Не зная броду	38
КЛИМОВ В.	Антилопы Северного Камеруна	42
Письма читателей		45
ЦЕЛЫХОВА Е.	Охотничье слова. Что в имени тебе моем?	46
ШИШКИН В.	Морянки и каменушки	48

На первой странице обложки:
На Торопецкой биологической станции в Тверской области выращивают медвежат-сирот. Только с 1990 по 2007 г. здесь было спасено и выпущено на волю 157 медвежат

Фото В. Пажетнова

На второй странице обложки:
Лебедь-кликун — красота и мощь!
Дикий северный олень

Фото А. Колобова, Карелия
Фотоконкурс «Охота и природа, 2010»

На четвертой странице обложки:
Фото О. Чугунихина
Фотоконкурс «Охота и природа», 2010»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

А.М. Блюм, М.В. Булгаков, Г.В. Висячев,
Т.А. Волжина (ответственный секретарь), Л.А. Гибет,
А. А. Данилкин, И. А. Домский, А.М. Лаврова,
В.Г. Сафонов, К.П. Савельева, А.А. Севастьянов,
А.А. Улитин, В.Б. Чернышёв, В.С. Шишкин

Главный бухгалтер Н. М. Видулина

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Оператор компьютера Н. В. Дервиз

Корректор З. М. Данилова

Фотокорреспондент А. Ф. Дигилевич

Сдано в набор 04.04. 2011 г. Подписано к печати 05.05.2011 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 28000 экз. Заказ 1315.

Цена — по каталогу Роспечати

Адрес редакции: 101000, Москва,

Потаповский пер., д. 3

Тел.: 8 (495) 641-02-28.

Электронная почта ohotu.ohothoz@mail.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»

142300 г. Чехов, Московской обл.

Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru

Факс 8(496)726-54-10, тел. 8(495) 988-63-87

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати

12.10.90 № 452

МОРЯНКИ И КАМЕНУШКИ

Морянка и каменушка — две замечательные морские утки нашего Севера и Дальнего Востока. Морянка заселяет тундровую зону Северного полушария, в том числе на российской территории — от Кольского полуострова до Чукотки. Гнездовой ареал каменушки охватывает Восточную Сибирь (от Забайкалья до Якутии) и Дальний Восток (в том числе Сахалин, Курилы, Приморье...). Каменушки распространены также в Северной Америке, Гренландии и Исландии, отмечены регулярные залеты в Европу. Общая численность морянок около 10 млн., по-видимому, более 3 млн. их обитает в России. Каменушек меньше, не более 2 млн., причем доля российских птиц до сих пор точно не определена. Во время пролета на Камчатке отмечалось не менее 35 тыс. птиц. Морянка — обычный, иногда доминирующий трофей охотников Севера, каменушка — объект охоты местного значения.

Морянка — утка среднего размера (вес обычно 700—800 г), но за счет длинного хвоста самцов (центральные рулевые могут превышать 20 см) общая длина отдельного селезня достигает 55—60 см. Хвост самок значительно короче. Зимняя и летняя окраски оперения морянки различны. У самца зимой усиливается белый тон: белая голова с темнобурым щечным пятном и серовато-охристой зоной вокруг глаз, белые шея и брюхо, широкая черная поперечная полоса на зобе, бока и плечевые голубовато-серые. Спина черно-бурая, так же как и крылья, и центральные рулевые, боковые перья хвоста белые. Клюв темно-серый с розоватой или оранжеватой зоной в средней части, лапы темно-серые, радужина светло-коричневая. Летом окраска головы темнеет, остаются только светлые зоны вокруг глаз, доходящие до боков основания клюва. Плечевые охристо-рыжие с темными центрами. У самки и в зимнем оперении сохраняется темная шапочка, зоб серый или коричневатый, клюв темно-серый. Летом у самки белый тон на голове заменяется коричневато-бурым, следы белых перьев остаются в виде замкнутого кольца вокруг горла. На места гнездования морянки прилетают в мае — июне. Характерен громкий, необычно певучий для утиных крик морянки «э-а-ули» (второе название морянки — аулейка). В кладке, расположенной на земле, 6—8 яиц с буревато-оливковым оттенком скорлупы. Инкубация около 4 недель. Пуховики в основном темнобурые. Слетки на 35—40-й день. В питании преобладают водные беспозвоночные и рыба, но встречаются и растительные корма. На линьку и на зимовку собираются большими стаями. Зимуют на Балтике, вдоль Тихоокеанского побережья.

Каменушка меньше морянки (вес не более 700 г, длина 40—50 см). Брачный наряд самца довольно пестрый. Общий тон окраски от черного до синевато-серого. По бокам основания клюва белые пятна, окаймляющие темный лоб и простирающиеся вдоль черного темени назад. Над глазом к белому цвету добавляется красновато-охристый. За глазом белое пятно и короткая белая полоска вдоль шеи. Грудь сверху и снизу охватывают кольцевые белые полосы с черным кантом. Нижняя полоса на спинной и брюшной стороне не замкнута. Плечевые белые. Бока красновато-охристые. На темном крыле подобие синевато-черного зеркальца, ограниченного по внутреннему краю белыми опахалами третьюстепенных маховых. На темном подхвостье по бокам по белому пятнышку. Клюв голубовато-серый со светлым ноготком, лапы серые. Самка темно-бурая, с более светлым брюхом. На голове характерны белые зоны, у начала «брейвей», по бокам основания клюва и белое заглазничное пятно. На места гнездования каменушки прилетают в конце мая — июне. Излюбленный биотоп — верховья горных рек с быстрым течением, перекатами, каменистыми берегами, галечниками. Гнезда на земле, но обычно хорошо замаскированы. В кладке 5—7 яиц. Насиживание 27—29 дней. Пуховики темнобурые с беловатым брюшком. Птенцы становятся на крыло на 60—70-й день. В питании доминируют водные беспозвоночные. Наши каменушки зимуют на островах и побережье Тихого океана (Алеуты, Курилы, Япония). Большой интерес представляют данные о гнездовой численности каменушки, особенностях размножения этого вида.

В.ШИШКИН

Морянки,
самец и самка
в зимнем пере

Морянка,
самец и самка
в брачном наряде

Морянка,
самка с птенцами

морянка

каменушка

Морянка
самец в брачном наряде

